

Холли Блэк

Решительная

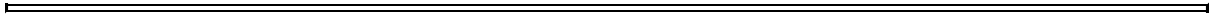
Annotation

При Зимнем дворе, среди вечных интриг и бесчисленных недоброжелателей, юной Кайе очень и очень не по себе. Лишь в одном она уверена абсолютно — в своих чувствах к благородному Ройбену. Но волшебный мир, в котором очутилась девушка, — не та обстановка, где можно безнаказанно признаваться в любви избраннику, да еще в день его коронации, да еще будучи изрядно навеселе, да еще во всеуслышание. Здешний обычай требует делом доказывать любовь к августейшей особе, и Кайя, к ужасу своему и врагам на радость, получает от Ройбена Невыполнимое Задание — найти фейри, способного лгать...

Впервые на русском языке третья часть знаменитого цикла о фейри, разошедшегося по миру миллионными тиражами.

- [Холли Блэк](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Бестиарий](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

Холли Блэк

«Решительная»

*Посвящается моим родителям, Рику и Джуди,
за то, что не прижигали меня кочергой и вообще
никак не пытались вернуть обратно к фейри*

Благодарности

Во время работы над книгой я получила множество полезных советов от разных людей. Я признательна Делии Шерман, Эллен Кушнер, Гэвину Гранту, Келли Линк, Саре Смит, Кассандре Клэр. Благодаря их усилиям эта книга получилась гораздо лучше, чем могла быть, а я не перестаю стремиться к совершенству.

Я благодарна Тиффани Трент, подсказавшей, как закрутить сюжет, Джустин Ларбалистер, напомнившей, что роман когда-нибудь должен быть закончен, Сесил Кастелуччи, которая не позволила мне забыть о чувствах и страстях. Тони Дитерлицци спасибо за здравый смысл, Либбе Брэй — за сопереживание, Элке Клоук и Эрику Черчиллю — за советы и подсказки, Диане Музарьетте и ее талантливым ученикам, Брайану Фицджеральду и Эрин Викофф, — за искренность.

Я также благодарна моему чудесному, мудрому издателю Карен Войтыле и первоклассному агенту Барри Голдблатту за то, что они выпустили эту книгу в наилучшем виде. И моему литературному редактору Баре Макнейл, это благодаря ее усилиям я кажусь умнее, чем на самом деле.

Спасибо Стиву, Касси и Келли, которые всегда были рядом и терпеливо сносили мое нытье. И самая большая благодарность — Тео, за то, что верил в меня и варил мне много-много кофе.

Пролог

*В болотах фейри сажали
Повсюду терновник колючий
И радовались, зная,
Что незавидна участь
Тех, кто в болотах гиблых
Копать тот терновник смели:
Нашли они острые иглы
Ночью в своей постели.*

Вильям Аллингем. Фейри. [\[1\]](#)

Синяки на коже, кровь под ногтями — что за беда? Ройбен все равно любил королеву Силариаль. Неважно, что она отослала своего рыцаря к Зимнему двору, где Никневин давала ему издевательские поручения, а придворные провожали алчущими взглядами. Пусть его унижали здесь всеми возможными способами. Ройбен любил Силариаль и гнал прочь сомнения, неподвижно стоя позади королевского трона.

Он воскрешал в памяти пламя медных волос королевы Летнего двора, ее невероятные зеленые глаза и загадочную улыбку, с которой три месяца назад она решила его судьбу.

«Стать посланником при Зимнем дворе — высокая честь!» — напомнил себе Ройбен.

Его любовь вынесет все, даже службу в таком кошмарном месте. Никакие испытания не заставят его предать свою королеву. Да разве можно не оправдать ее доверие?

«Конечно, я же люблю ее», — подумал он.

— Ройбен! — позвала Никневин.

Королева обедала. Столешницей ей служила спина древесного хоба, а скатертью — его длинные зеленые волосы. Королева подняла взгляд на Ройбена, и на ее губах заиграла опасная улыбка.

— Да, госпожа, — ответил рыцарь безразличным тоном,

стараясь не показывать, какое глубокое отвращение внушает ему Никневин.

Он вовсе не боялся ее обидеть, как раз наоборот, не хотел радовать.

— Мой стол слишком сильно дрожит. Боюсь, расплещется вино.

Полый холм был почти пуст. Придворные, которые остались повеселиться среди косматых корней, свисающих с потолка, вели себя тихо, чтобы не потревожить королеву. Поблизости маячили только ее слуги, мрачные, как призраки.

Ройбен вопрошающе взглянул на повелительницу.

— Сделай так, чтобы он не дергался, — приказала она.

Ройбен шагнул вперед, не вполне понимая, чего она хочет. Хоб взглянул на рыцаря, и его сморщенное личико побледнело от ужаса. Ройбен ободряюще улыбнулся, но это только заставило карлика задрожать сильнее.

«Может, связать, чтобы не трясся?» — подумал Ройбен и почувствовал отвращение к самому себе.

— Укороти ему ноги, пусть будут вровень с руками, — посоветовал кто-то.

Ройбен оглянулся. К трону Никневин приближался темноволосый рыцарь в черном плаще. На лбу у него тускло поблескивал железный обруч. Рыцарь ухмылялся во весь рот.

Однажды Ройбен уже встречал его. Этот рыцарь был послан к Летнему двору как символ мира. Он выполнял те же обязанности, хотя его жизнь наверняка протекала куда легче.

При виде рыцаря в сердце Ройбена пробудилась надежда на невозможное. Неужели его решили обменять? Неужели его наконец отошлют домой?!

— Нефамаэль! — воскликнула Никневин. — Силариаль так быстро от тебя устала?

Рыцарь фыркнул.

— Она отправила меня с посланием, но это лишь предлог. Похоже, я ей попросту не нравлюсь. Но тебя, я вижу, все устраивает?

— О да. Я не вынесу разлуки с моим новым рыцарем, — проворковала Никневин.

Ройбен вежливо наклонил голову.

— Ты слышал, что предложил Нефамаэль? — спросила она.

Ройбен глубоко вздохнул, пытаясь обрести спокойствие. Каждый раз, открывая рот, он боялся, что сорвется и выскажет ей то, что думает на самом деле.

— Не слишком удачная идея, — ответил он. — Лучше позволь мне занять место хоба. Я не пролью вино, госпожа.

На лице Никневин вспыхнула восхищенная улыбка. Она повернулась к Нефамаэлю.

— Как он мило просит, верно?

Тот кивнул, правда, с меньшим восторгом, чем она. Взгляд его желтых глаз в первый раз остановился на Ройбене.

— И совсем не беспокоится о собственном достоинстве. Очень ново и свежо, — съязвил рыцарь.

Королева рассмеялась. Тепла в ее смехе было не больше, чем в треске льда.

Где-то в затянутой дымкой глубине пещеры заиграла лютня. Ройбен содрогнулся, представив, что могло быть на нее натянуто в качестве струн.

— Что ж, Ройбен, побудь моим столом! Да гляди стой спокойно. За каждое твое шевеление заплатит хоб.

Ройбен с легкостью занял место маленького фейри. Он не видел ничего унижительного в том, чтобы постоять на четвереньках с тарелками и бокалами на спине. Даже когда Нефамаэль уселся на пол рядом с тронem и водрузил кубок на спину Ройбену, тот не шелохнулся. Рука рыцаря задержалась на его ягодицах. Ройбен прикусил губу, едва не вздрогнув от неожиданности. Вонь от железного обруча была неописуемой. Как Никневин ее выносила?

— При Летнем дворе скучновато, — заговорил Нефамаэль. — Хотя он, конечно, весьма мил.

— Неужели для тебя там не нашлось никаких развлечений? Не могу поверить!

— Кое-что нашлось.

В голосе Нефамаэля послышалась насмешка. Его рука небрежно скользнула по заду Ройбена. Тот напрягся и услышал, как зазвенели блюда и кубки.

— Но самое интересное — это искать слабые места.

Никневин никак не отреагировала на неловкое движение Ройбена. Впрочем, он не думал, что она проявила благородство.

— Иногда я не понимаю, со мной ли ты говоришь, — сказала королева.

— Я говорю с тобой, — ответил Нефамаэль. — Но конечно, не о тебе. Твоих слабостей не найти никому.

— Очаровательный, но льстивый ответ. Давай лучше взглянем на этого рыцаря, Ройбена. Я знаю его слабое место.

— Разве? Впрочем, его слабость очевидна. Любовь к прекрасной фэйри поставила его сегодня на колени.

Ройбен изо всех сил старался не шевелиться. То, что королева мерзости говорила о нем как о бессловесном животном, его не удивляло и не беспокоило. Куда больше рыцарь опасался того, что мог бы сказать Нефамаэль. В его поведении и словах ощущался некий голод, не вполне понятный Ройбену.

— Он любит Силариаль, посвятил себя ей. Она дала ему Задание, поручила служить тебе в обмен на мир.

Королева Зимнего двора промолчала. Ройбен почувствовал, как с его спины взяли кубок, а затем поставили на место.

— Потрясающая жестокость. Он томится тут, терпит муки, а она так скверно с ним поступает. Силариаль никогда его не любила. Клянусь, она уже забыла его.

— Неправда!

Ройбен резко выпрямился. Серебряная утварь с грохотом разлетелась по полу. Рыцарь поднялся на ноги, не обращая внимания на ахнувших придворных, разлитое вино и испуганный крик хоба. Но Ройбен о нем уже не думал. Ярость затуманила его мозг. Нефамаэль украл у него дом и госпожу да еще посмел глумиться над ним. Он должен заплатить!

— Стой! — закричала Никневин. — Властью своего имени повелеваю! Ройбен, остановись!

Сам того не желая, он застыл и еле дышал. Нефамаэль избежал расправы, но глумливая ухмылка исчезла с его лица.

— Убейте хоба, — приказала слугам королева Зимнего двора. — Ты, мой рыцарь, сейчас выпьешь бокал его крови, словно бокал вина, и на этот раз не прольешь ни капли!

Ройбен попытался открыть рот, чтобы остановить ее, но приказ королевы не позволял ему даже шевельнуться.

Он проклинал себя за глупость. Нефамаэль провоцировал его именно на такую ошибку. Может быть, королева потому и не заметила его мелкого промаха, что надеялась на больший? Теперь он выставил себя потрясающим идиотом, вдобавок обрек на смерть невинное создание. Его терзало отвращение к себе.

«Подобное не повторится», — поклялся он себе.

Что бы они ни говорили, что бы с ним ни делали, но он не сбросит маску равнодушия. Будет холодным и неподвижным, как камень.

Мрачные слуги действовали быстро и четко. Через несколько мгновений кубок с горячей кровью был поднесен к его застывшим губам. Труп уже тащили прочь. Распахнутые глаза хоба смотрели на Ройбена с той стороны смерти, проклиная его за безрассудство.

Преодолевая себя, Ройбен открыл рот и глотнул теплой солоноватой жидкости. Через миг он поперхнулся, и его вырвало.

Запах этой крови преследовал его долгие годы служения. Даже когда пикси случайно освободила его, даже когда он стал королем Зимнего двора. Но теперь Ройбен мог забыть, чья это была кровь, и знал только то, что ему придется привыкнуть к этому вкусу.

Глава первая

Я предпочитаю зиму и осень, когда проступает костяк пейзажа и в природе чувствуется смертоносное дыхание зимы. Это ощущение одиночества, ожидания и недоговоренности.

Эндрю Уайет

Смертные девушки плачут, когда печальны, и смеются, когда счастливы. У них есть всего одно обличье. Оно не меняется ни с того ни с сего, словно дымок, гонимый ветром. У них есть нормальные, любящие родители.

По крайней мере, так представляла себе смертных девушек Кайя. Откуда бы ей знать, какие они на самом деле? Ведь она-то не была человеком.

Кайя сидела перед зеркалом и задумчиво изучала дырочку на колготках, сквозь которую виднелась зеленая кожа.

— Твоя крыса тоже хочет пойти, — пропищала Люти-лу. — Она любит коронации.

Кайя повернулась к аквариуму, возле которого порхала крошечная фея. Коричневый крысенок Армагеддон сидел у стекла и принюхивался. Второй, Исаак, свернулся клубочком в дальнем углу.

— Ты в самом деле понимаешь, что он говорит?

Кайя через голову надела оливковую юбку и натянула ее на бедра.

— Он же просто крыса, — ответила Люти-лу, поворачиваясь к Кайе.

Ее прозрачное крылышко задело аквариум, осыпав его бледной пылью.

— С крысой может разговаривать кто угодно.

— А вот я не могу. Как я в этом смотрюсь?

Люти одобрительно кивнула.

— Симпатично.

Снизу донесся голос бабушки:

— Кайя, ты где? Я сделала сэндвич!

— Спускаюсь через секунду! — крикнула Кайя.

Люти поцеловала стеклянную стенку аквариума.

— Так ему можно пойти или нет?

— Только если ты проследишь, чтобы он не сбежал.

Кайя зашнуровала черный ботинок на толстой подошве и запрыгала в поисках второго. Всего месяц назад в ее комнате стояла детская кровать, а в серванте сидели старинные куклы, глядящие немигающими глазами. Теперь ветхая кровать была разобрана и унесена на чердак, куклы наряжены и разукрашены в стиле панк-рок, а над матрасом, лежащим прямо на полу, в том месте, где должна быть спинка кровати, Кайя рисовала фреску.

Картина была уже наполовину закончена. На ней красовалось дерево с кривыми переплетенными корнями и позолоченной корой. Кайя рассчитывала, что теперь она почувствует комнату по-настоящему своей, но пока это ощущение не пришло.

Ройбен, увидев фреску, сказал, что Кайя может придать жилищу любой облик, какой захочет, наведя ореол. Но магическая маскировка, даже самая впечатляющая, казалась ей недостаточной. Или, наоборот, чересчур реальной. Ореол слишком сильно напоминал бы девушке, что на самом деле она вообще не имеет никаких прав на эту комнату.

Кайя наконец нашла второй ботинок, надела куртку. Она оставила волосы зелеными и провела ладонями по лицу, возвращая ему розовый цвет и нормальную человеческую округлость линий. Кожа отзывалась на чары слабым покалыванием.

Кайя окинула внимательным взглядом свое отражение, сунула в карман Армагеддона, почесала за ухом Исаака и направилась к двери. Люти-лу полетела за ней, трепеща прозрачными крылышками. Стоило Кайе выйти из комнаты, как фея стала невидимой.

— Это не твоя ли мать звонила недавно? — спросила бабушка. — Я слышала звонок.

Она стояла возле плиты и переливала топленое сало в оловянную банку. На тарелке с надколотым краем лежали два сэндвича с арахисовым маслом и беконом. Коричневый край мяса завернулся вокруг белой хлебной корки. Кайя вонзила зубы в сэндвич, радуясь, что арахисовое масло склеило челюсти и не надо было отвечать бабушке.

— Я оставила твоей матери сообщение насчет праздников, но она не удосужилась отзвониться. Ах, конечно, она там слишком занята, чтобы поговорить со мной! Почему она не в состоянии приехать к нам, а вместо этого заставляет тебя тащиться в город, в ее убогую квартиру? Никогда этого не пойму. Представляю, как ее бесит, что ты решила остаться здесь и больше не следовать за ней повсюду, словно маленькая тень.

Кайя жевала сэндвич, кивала и слушала жалобы. В зеркальном стекле двери, оказавшейся за бабушкиной спиной, отражалась девушка, скрытая от глаз смертных магическим ореолом. Ее кожа была зеленой, как весенняя листва, черные глаза не имели никакого намека на белки, а за спиной топорщились крылья, тонкие, как пластиковая обертка. Этот монстр смотрел на нее из-за спины милой старой леди и лопал пищу, приготовленную для другого ребенка, украденного фейри.

Гнездовые паразиты, вот как это называется. Кукушки, подбрасывающие свои яйца в чужие гнезда. Еще есть пчелы-паразиты, откладывающие личинки в чужие ульи. Кайя читала про них в энциклопедии.

Гнездовые паразиты не парятся насчет воспитания собственных детей. Они предоставляют право выращивать их другим. Например, птицам, которые пытаются не замечать, что их птенцы с каждым днем становятся все крупнее и голоднее, или пчелам, которые не обращают внимания на то, что их потомство не собирает пыльцу, даже мамам и бабушкам, не знающим слова «подменыш».

— Мне надо идти, — неожиданно сказала Кайя.

— Что у тебя со школой?

— Бабуля, я уже получила аттестат. Ты его видела. Что еще надо?

Бабушка вздохнула и устремила взгляд на холодильник, точнее, на письмо, прижатое магнитом к дверце.

— Подумать только, твои одноклассники еще не окончили школу, а ты уже поступила в колледж...

— Пойду гляну, не пришел ли Корни, — перебила ее Кайя. — Спасибо за сэндвич.

Пожилая женщина покачала головой.

— Подожди его в прихожей. На улице слишком холодно. О чем он только думает? Заставлять девушку ждать его на улице в такую погоду! Ей-богу, у этого мальчика нет понятия о приличиях.

Кайя ощутила дуновение. За ее спиной пролетела Люти-лу. Бабушка даже не глянула в ее сторону.

— Ладно, бабуля. Пока.

— Оденься потеплее.

Кайя кивнула, незаметно оборачивая краем рукава пальто дверную ручку, чтобы случайно не коснуться железа. Даже его запах обжигал ей нос. Она прошла по коридору, проделала тот же фокус с входной дверью и оказалась на заснеженной улице.

Деревья на газоне были закованы в лед. Утром прошел дождь, потом ударил мороз, и теперь ветви, покрытые сияющей коркой, блестели под унылым серым небом. Легчайшее дуновение ветра заставляло их звенеть.

Корни не пришел, да она и не ждала его, но бабушке об этом было знать необязательно. В конце концов, она ей не соврала. Фейри не могут лгать. Они только скрывают правду, пока она не ускользнет от них самих.

Над дверью висел пучок терновника, обвязанный зеленой лентой. Это был знак покровительства Зимнего двора, подарок Ройбена. Каждый раз, когда Кайя смотрела на эти колючие ветки, она думала о том, подразумевает ли защита Зимнего двора и защиту от Зимнего двора.

Она повернулась и пошла по улице, вдоль одноэтажного дома, обшитого алюминиевыми пластинами. Женщина, живущая здесь, разводила итальянских уток, которые объедали всю траву с соседских газонов. Кайя подумала об этих утках и улыбнулась. Ветер перекачивал по асфальту мусорный бак, в котором бренчали пустые пивные банки. Кайя прошла мимо парковки, устроенной возле

боулинга. Под навесом стоял диван. Его подушки на морозе выглядели каменными.

Пластмассовые Санта-Клаусы светились на газонах рядом с раскрашенными северными оленями, опутанными электрическими гирляндами. Из универмага, работающего круглые сутки, разносились визгливые звуки рождественского гимна. Розовощекий механический эльф бесконечно махал рукой нескольким надутым снеговикам, колыхавшимся в воздухе, как призраки. Кайя увидела рождественские ясли, из которых пропал младенец Иисус, и задумалась. Дети ли его украли, или, может, родители забрали на ночь?

На полпути до кладбища она остановилась возле уличного телефона, висящего на стене пиццерии, кинула в аппарат монетку и набрала номер сотового Корни. Он взял трубку после первого же гудка.

— Приветик, — сказала Кайя. — Ну и что ты решил насчет коронации? Я уже иду, собираюсь повидаться с Ройбеном до начала церемонии.

— Не думаю, что вообще туда пойду, — ответил Корни. — Рад, что ты меня пригласила, но... Я должен тебе кое-что рассказать. Недавно проезжал мимо склада. Знаешь, где рекламные щиты со всякими странными слоганами типа «Поддержим наших воинов!» или «Какая буква пропущена в слове „цер. овь“?»

— И что? — озадаченно спросила Кайя.

— На одном щите написано: «Жить — все равно что слизывать мед с терний». Что это за муть?

— Типа такая мудрость.

— Ну-ну, мудрость! На что они намекают?

— Ни на что. Просто не заморачивайся.

— Ага. Не заморачивайся. Я в этом спец. Пофигист-профессионал. Если бы проходил тест на профориентацию, то набрал бы сто процентов по специальности «не замораживающийся на всякой хрени». И куда меня после этого возьмут работать?

— На склад. Будешь для них дурацкие слоганы придумывать.

— Ой, в яблочко! — В голосе Корни послышался смех. — Прямо

между ног!

— Так ты в самом деле сегодня не придешь? — спросила Кайя. — Подумай, это ведь хорошая идея. Почему бы тебе не встретиться со своими страхами лицом к лицу, а?

На этот раз молчание в трубке затянулось надолго.

Кайя уже хотела заговорить, когда Корни ответил:

— Проблема с моими страхами в том, что я их боюсь. Не говоря уже о том, что страх перед демоническими извращенцами, страдающими манией величия, не так-то просто рационализировать.

Он рассмеялся резким, неприятным смехом.

— Но прежде чем выдать все их тайны, я должен узнать, как можно реально защититься от Зимнего двора. Расскажи, Кайя.

Кайя вспомнила о Нефамаэле, предыдущем короле Зимнего двора, как он давился железными стружками, а Корни снова и снова втыкал в него клинок.

— Не думаю, что это просто, — сказала она. — В смысле, и от людей не так-то просто защититься, что уж говорить о фейри.

— Черт, так я и думал. Увидимся завтра.

— О'кей.

Кайя услышала, как Корни отключился, и повесила трубку.

Она зашагала дальше, поплотнее запахнув пальто, вошла на кладбище и начала подниматься на заснеженный холм. Под талым снегом оказалась жидкая грязь. Взгляд девушки невольно устремился туда, где лежала ее подруга Дженет, хотя с того места, где стояла Кайя, все могилы казались одинаковыми — гранитные плиты, пластиковые венки, мокрые красные ленты. Ей не надо было видеть могилу. Шаги Кайи и так становились все реже, словно девушку пригибали к земле воспоминания, тяжелые, как намокшая одежда, которая увлекла Дженет на морское дно.

Что происходит, когда кукушонок осознает свою непохожесть на сестер и братьев? Может, он пытается понять, откуда взялся и кем является на самом деле? Или его это не заботит и он продолжает беспечно глотать червей? Но что бы ни чувствовал кукушонок, это не

помешает ему вытолкнуть других птенцов из гнезда.

* * *

Корнелиус Стоун закрыл крышку сотового и несколько секунд сидел неподвижно, ожидая, когда пройдет приступ сожаления. На самом деле он ужасно хотел пойти на коронацию, танцевать там с отвратительными и неотразимыми подданными Зимнего двора, отведать волшебных плодов фейри и проснуться утром на склоне холма. Он прикусил щеку и стиснул зубы, пока не ощутил вкус крови, но желание только возрастало вместе с болью.

Корни сидел на полу библиотеки. Ковровое покрытие было совсем новым и сильно воняло какой-то химией. Возможно, испарялся формальдегид.

Он открыл первую книгу и презрительно уставился на рисунок. Это что еще за пони с плавниками? Ничего общего с келпи, погубившим его сестру. Компания крохотных ангелоподобных фей с розовыми щечками и острыми ушками водит хоровод.

«Пикси», — прочитал он.

«Даже близко не напоминает Кайю! Полный отстой!» — подумал Корни, но страницу на всякий случай вырвал.

Вторая книга оказалась не лучше. Когда Корни принялся за третью, к нему подошел старичок.

— Что вы делаете? — укоризненно спросил он.

В руках старикашка держал толстый вестерн в твердой обложке и щурился на Корни с таким видом, будто не мог толком разглядеть его даже сквозь очки.

— Я здесь работаю, — соврал Корни.

Старик окинул скептическим взглядом его потертую байкерскую куртку и лохматые волосы, криво подстриженные в стиле «маллет».^[2]

— Ваша работа состоит в том, чтобы портить редкие книги?

— Государственная безопасность, — пожал плечами Корни.

Старик убрался, ворча себе под нос. Корни хладнокровно засунул оставшиеся книги в рюкзак и вышел на улицу.

Дезинформация хуже, чем вообще никакой информации. За его спиной раздался звук сигнализации, но Корни не обратил на него внимания. Он уже побывал в других библиотеках и выяснил, что сигнализация — это просто такой приятный бессмысленный звон вроде церковного колокола.

Корни шагнул в сторону кладбищенского холма. Нет, он вовсе не собирался составить компанию Кайе и ее обожаемому Принцу Тьмы, но и дома сидеть тоже не хотел. Ни одна из книг не помогла ему в том, что он затевал, но он особенно на них и не рассчитывал. Если хочешь получить ответы, то придется обратиться к источнику напрямую.

* * *

Слуги явно не обрадовались, когда Кайя появилась во Дворце термитов. Они смотрели на нее как на дырявую подметку или грязь под ногтями и морщились от ядовитого запаха кофе и сигарет, которыми пропиталась ее одежда. Впрочем, они всегда говорили с Кайей, цедя слова, никогда не поднимали на нее глаз и вели ее коридорами дворца так медленно, будто их ноги были свинцовыми.

Этому месту Кайя принадлежала по праву рождения. Однако мрачная роскошь Зимнего двора, холодные залы и их свирепые обитатели внушали ей неприязнь. Здесь было красиво, но Кайя чувствовала себя неловкой и неуместной на фоне всего этого великолепия. Она чужая и здесь, и в доме у бабушки. Похоже, теперь она повсюду будет чужой.

Прошло уже почти два месяца с того дня, как Ройбен принял титул повелителя Зимнего двора, но официальная коронация должна была состояться в самый темный день зимы. Послезавтра он станет настоящим королем, и возобновится бесконечная война Зимнего двора с Летним. Позапрошлой ночью Ройбен разбудил Кайю стуком в стекло и вытащил через окно спальни на улицу, на замерзший газон.

— Оставайся Железнобокой, пока меня не коронуют, — велел он. — Иначе тебе грозит еще большая опасность.

Когда Кайя попыталась выпросить, долго ли ей еще оставаться в человеческом облике и какая именно опасность ей грозит, он закрыл ей рот поцелуем. Ройбен выглядел встревоженным, но больше

ничего не сказал. В любом случае, его тревога была заразной.

Горбатый лакей, шаркая ногами, привел девушку к королевским покоем.

— Его величество скоро придет, — буркнул он, толкая тяжелую дверь.

Внутри слуга зажег несколько толстых свечей и бесшумно удалился, волоча за собой длинный косматый хвост.

Покои Ройбена были огромными и полупустыми. Гостя видела стены из гладкого камня, кипы книг, постель, накрытую парчовым покрывалом. Были здесь и еще кое-какие вещицы, к примеру, нефритовый кувшин для умывания, платяной шкаф, стойка с оружием, но покои выглядели неуютными, суровыми, нежилыми.

Кайя бросила пальто на край кровати и уселась рядом с ним. Она попробовала представить, что живет здесь, вместе с Ройбеном, но у нее не получилось. Сама мысль повесить, допустим, постер на эту стену казалась ей абсурдной.

Кайя потянулась к пальто, вытащила из кармана браслет, тонкую косичку из ее собственных зеленых волос, оплетенных серебряной проволокой, и принялась бесцельно вертеть его в руках. Девушка собиралась сделать Ройбену сюрприз перед церемонией. Пусть она не сможет быть рядом с ним на коронации, зато он наденет ее подарок. Рыцари в романах всегда брали с собой платочек или перчатку своей дамы, собираясь на битву. Люти-лу и Армагеддон отправились исследовать комнаты, так что у Кайи даже имелся шанс подарить Ройбену браслет без свидетелей.

Правда, здесь, в этой величественной спальне, скромный подарок вдруг показался ей жалкой уродливой самоделкой, недостойной короля.

Где-то поблизости послышался звук, похожий на стук копыт. Кайя встала и спрятала браслет в карман пальто. Но это оказался еще один слуга. Он принес бокалпряного вина, густого и красного, как кровь.

Кайя взяла бокал, из вежливости отпила глоточек, а когда слуга вышел, поставила вино на пол и принялась листать книги. В мигающем сиянии свечей она читала их названия. Ей попадались сочинения по военной стратегии, баллады Эммы Буль, которые она

же и дала ему почитать, еще что-то. Кайя отпила глоток вина, легла на постель, завернулась в парчовое покрывало и закрыла глаза.

Она проснулась внезапно, от прикосновения руки, и увидела прямо перед собой бесстрастное лицо Ройбена. Серебряные пряди его волос щекотали ее щеку.

Смущенная Кайя села, зевая в ладошку. Ее сон был беспокойным. Покрывало сползло на пол и испачкалось в свечном воске, бокал с вином опрокинулся. Девушка даже не помнила, как уснула.

В центре комнаты стоял слуга в красном кафтане и длинном плаще с черными опаловыми застешками. Руддлз, дворецкий, топтался у порога. Его рот, полный длинных острых зубов, казался всегда оскаленным в недоброй ухмылке.

— Никто не доложил мне, что ты здесь, — хмуро сказал Ройбен.

Кайя не поняла, то ли он недоволен нерасторопностью своих слуг, то ли не рад ее тут видеть. Она покраснела от стыда, схватила пальто и вскочила с кровати.

— Я уже ухожу!

Ройбен остался сидеть на краю кровати. Шпага, прицепленная к его бедру, касалась пола.

— Нет.

Он сделал знак дворецкому и слуге.

— Оставьте нас.

Слуги с поклоном вышли. Кайя переминалась с ноги на ногу возле кровати.

— Уже поздно. Скоро, наверное, начнется эта твоя коронация.

Ройбен встал и протянул к ней руку.

— Кайя, ты понятия не имеешь, сколько сейчас времени. Ты же спала.

Девушка попятилась, крепко сжимая кулаки, чтобы успокоиться. Ройбен вздохнул.

— Ну, хватит. Остайся. Если я сделаю что-то не так, то

попрошу у тебя прощения.

— Не надо! — Слова сами слетели с языка Кайи. — Они ведь не желают, чтобы ты был со мной?

Губы фейри скривились в горькой усмешке.

— Мне никто не может ничего запретить.

— Но никто не хочет, чтобы я была здесь! Рядом с тобой! Почему?!

Он бросил на нее удивленный взгляд и провел рукой по серебристым волосам.

— Потому что я рыцарь, а ты... Ты — нет, — закончил он неловко.

— Понятненько. Я происхожу из низов общества. — Кайя отвернулась. — Ничего нового.

За ее спиной раздались шаги Ройбена. Через мгновение он притянул ее к груди, опустил голову, и Кайя ощутила его дыхание на своей шее.

— У меня есть собственное мнение по этому вопросу. — Он прикоснулся губами к ее коже. — Меня не волнует, что по этому поводу думают все прочие.

На миг она расслабилась от его прикосновений. От него веяло теплом, а голос был мягким и нежным. Было бы так легко снова скользнуть под парчовое покрывало и остаться там. Просто остаться.

Но вместо этого Кайя вывернулась из объятий любимого.

— А почему я должна скрываться?

Ройбен фыркнул, и его руки соскользнули с ее бедер. Больше он не смотрел на нее. Его взгляд застыл на камне стен, таком же сером, как его глаза.

— Потому что моя привязанность к тебе — слабость.

Кайя открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, и снова закрыла его. Она поняла, что Ройбен сказал ей гораздо больше, чем она спрашивала. Возможно, именно в этом крылась причина того, что слуги не любили ее, а придворные втихомолку над ней посмеивались. Но самым важным оказалось то, что в это верил он сам. Это было

ясно написано на его лице.

— Мне в самом деле надо идти, — пробормотала она, пятась и надеясь на то, что ее голос не дрожал. — Увидимся снаружи.

Он наконец отпустил ее.

— Ты не можешь ни присутствовать на церемонии, ни идти в процессии. Я не хочу, чтобы ты стала частью моего двора. И главное, ты не должна приносить мне вассальную клятву. Обещай, Кайя.

— То есть мне надо вести себя так, будто мы с тобой незнакомы?

До двери было всего несколько шагов, но они казались ей милями.

— Потому что не можешь позволить себе никаких слабостей?

— Конечно же нет, — ответил он чересчур быстро. — Ты — единственное, что я могу выбирать по собственной воле, а не по обязанности.

Он помолчал и добавил:

— И единственное, чего я желаю.

— Правда? — Кайя улыбнулась против воли.

— А что, это кажется нелепым?

— По-моему, ты просто пытаешься проявить вежливость и действительно кажешься нелепым.

Он подошел, накрыл поцелуем ее смеющийся рот, и она забыла о неприветливых слугах, о коронации и даже о браслете, который собиралась подарить. Ничто не имело значения, кроме прикосновения его губ.

Глава вторая

*Пришел народ из-под холма
И сел к столам кутить.
Пускай вокруг и хлад, и тьма —
Тем слаще есть и пить.*

Эдна Сент-Винсент Милле. Таверна. [\[3\]](#)

Ройбен не ждал посланника от Летнего двора, пока он не будет коронован официально. За два долгих месяца, прошедших до зимнего солнцестояния, он ни разу не получал вестей от Силариаль и уже начинал задумываться, что она затевает. Темная, холодная зима совсем не годилась для того, чтобы Летний двор начал войну. Возможно, королева просто ждала, когда весна растопит лед и преимущество перейдет к солнечным Фейри.

Порой Ройбен даже надеялся на то, что Силариаль решила продлить перемирие между Летним и Зимним дворами. Ведь война всем стоила слишком дорого, несмотря на значительное численное превосходство войск Летнего двора.

— Прибыл посланник от леди Силариаль, о повелитель! — повторила Дулькамара, звонко щелкнув серебряными каблуками.

Высокопарное обращение, словно ядовитая насмешка, эхом раскатилось под сводами.

— Пришли его сюда, — сказал Ройбен и подумал, ушла ли уже Кайя.

— Если мне будет позволено уточнить, то это посланница.

В глазах Ройбена вспыхнула надежда.

— Пусть войдет!

— Слушаюсь, повелитель.

Дулькамара отступила, пропуская перед собой посланника, точнее, посланницу. Это была девушка-фейри в белом одеянии, без всякого оружия. Когда она подняла голову, ее серебряные глаза блеснули, словно зеркало, и в них отразилось его лицо.

— Здравствуй, сестричка, — произнес Ройбен с трудом, как будто слова застывали на губах.

Волосы девушки были коротко острижены, они создавали ореол вокруг ее лица. Она снова склонилась и больше не подняла головы.

— Лорд Ройбен, моя королева шлет тебе приветствие. Ее глубоко печалит необходимость начать войну со своим рыцарем. Она повелевает тебе не противиться ей. Даже сейчас не поздно все отменить, сдаться и вернуться к Летнему двору.

— Этайн, что случилось с твоими волосами?

— Это траур по брату, — сказала она, не поднимая головы. — Я отрезала их, когда он умер.

Ройбен мрачно посмотрел на нее и промолчал.

— Будет ли ответ?

— Сообщи королеве, что я не передумаю, — сказал он бесстрастно. — Не преклоню колени и не сдамся. Сообщи своей хозяйке, что я испытал вкус свободы. Ее служба меня больше не прельщает. Ничто связанное с ней больше не прельстит меня.

Этайн стиснула зубы, не позволяя словам вырваться наружу.

— Мне приказано присутствовать на коронации. Конечно, с твоего позволения.

— Я всегда рад твоему обществу.

Она вышла, не дожидаясь официального дозволения. В зал вошел дворецкий, с лица которого не сходила широкая зубастая ухмылка. Ройбен отвернулся, чтобы не видеть ее. Похоже, он лучше обращался с теми, кого ненавидел, чем с теми, кого любил.

* * *

Корнелиус прижимался к грубой коре вяза, растущего в самой глубине кладбища, и пытался думать о чем-то, кроме дикого холода, железной кочерги в одной руке и рыболовной лески — в другой. Он вывернул свою белую одежду подкладкой кверху в расчете на то, что хотя бы что-то в этих паршивых книжонках про фейри окажется правдой, а еще натерся сосновыми иглами, чтобы отбить запах

железа. Корни считал, что выюжной, беззвездной ночью всего этого будет достаточно для маскировки.

Но как бы он себя ни уговаривал, звук шагов, раздававшийся где-то за пеленой снегопада, поверг его в панику. Едва ли кочерга сможет обеспечить ему надежную защиту против легионов Зимнего двора. Корни затаил дыхание и замер, стараясь не дрожать.

Фейри собирались на первую коронацию за последние лет сто. Сюда небось явятся все нелюди Нью-Джерси. Вот бы Кайя притаилась сейчас здесь, рядом с ним, а не под холмом! Она всегда придумывала всякие сумасшедшие планы, которые, тем не менее, срабатывали. Но чтобы привлечь Кайю, ему пришлось бы рассказать, что он задумал, а этого-то Корни и не собирался делать. Ведь Кайя не человек. Обычно Корни об этом не вспоминал, но иногда в ее глазах мелькало что-то чуждое, да и улыбка казалась чересчур широкой и зубастой. Пусть она была его самым близким другом, но оставалась одной из них. Лучше он со всем управится сам.

Корни мысленно проговаривал план действий, пока мимо него проходили первые гости. Это была компания троллей с длинными зелеными конечностями, похожими на древесные сучья. Они шаркали ногами, ворчливо переговаривались между собой и все время нюхали воздух, словно охотничьи псы. Этой ночью тролли не утруждались маскировкой.

За ними проследовали три женщины в белом. Их волосы развевались, хотя в воздухе не было ни ветерка. Женщины загадочно улыбались друг другу. Корни проводил их взглядом и увидел, что сзади они пусты, как яичная скорлупа. Несмотря на легкие одежды, эти особы явно не страдали от холода.

Вслед за ними проехала группа всадников, суровых и молчаливых. Взгляд Корни зацепился за венок из красных ягод на чьих-то темных волосах. Парень жадно рассматривал странные узоры на платьях фейри, их сияющие локоны и лица, прекрасные и желанные до невозможности. Корни кусал губы, пытаясь не смотреть. Руки его тряслись, и он боялся, что выронит леску.

«Сколько раз я уже терял осторожность! Нельзя же быть таким дураком!»

Ему удалось зажмуриться. Но он вслушивался в стук копыт, шелест ветвей, скрип снега, тихие голоса и смех, звучащий как трель

флейты. Корни дождался, когда смех затихнет, и только тогда открыл глаза. Теперь ему оставалось ждать. Можно поспорить, на любую вечеринку всегда кто-нибудь да опоздает.

Через несколько минут в сторону холма прошагал отряд невысоких эльфов в сером. Они ковыляли в снегу и нетерпеливо шипели друг на друга.

Корни вздохнул. Нет, для того, что он задумал, их было слишком много. Да и сами они чересчур большие.

Вслед за эльфами прыгал крошечный фейри, пытаясь попадать в следы, оставленные троллями. Он был в красном, шляпой ему служила половинка сосновой шишки, а глаза светились в темноте отраженным светом, как у лесного зверька. Корни крепко стиснул рукоятку кочерги и затаил дыхание. Он дал малышу фейри прыгнуть еще два раза, выскочил из-за вяза и стремительным движением прижал мелкую тварь к земле кочергой.

Фейри придушенно вскрикнул и затрепыхался в снегу, пытаясь оттолкнуть обжигающее железо.

— Пожалуйста, пожалуйста! — запищал он. — Что надо? Желание? Я маленький фейри, поэтому могу исполнять только очень маленькие желания! Слишком маленькие для такого великана!

Вместо ответа Корни дернул за леску, и алюминиевая ловушка для крабов сомкнулась вокруг крошечного фейри. Тот снова заверещал, заметался в ловушке, тяжело дыша, с надеждой кидаясь к малейшей дырочке и с воем отпрыгивая назад. Корни наконец позволил себе улыбнуться.

Он быстро и надежно обмотал крабовую ловушку стальной леской, подхватил ее и бросился бежать. Снега намело по щиколотку. Корни спускался с холма напрямик, поскальзывался, но старательно обходил дорожку, которой прошли фейри.

Он добрался до места, где припарковал машину. Багажник так и оставался открытым. Запасную шину, лежащую там, припорошило снегом. Корни кинул туда клетку, захлопнул крышку, запрыгнул на водительское сиденье и включил обогрев на полную мощность. Волна тепла окатила его. Несколько секунд Корни просто сидел и ловил кайф. Его дыхание успокаивалось, сердце уже не колотилось как сумасшедшее, и понемногу Корни осознал, что на этот раз у него получилось. Правила теперь будет устанавливать он.

Кайя подняла кубок, запрокинула голову и допила последние капли грибного вина. Первый глоток дался ей нелегко, но вскоре она уже смаковала его, наслаждаясь горьковатым земляным ароматом. Щеки ее горели, голова кружилась несколько сильнее, чем хотелось бы.

— Прекращай, — прозвенела Люти-лу. — Ты плохо себя ведешь!

Маленькая фея порхала за плечом Кайи, одной рукой держась за дужку ее серебряной серьги, а другой дергая за прядь волос.

— Еще как хорошо! — возразила Кайя, протирая дно бокала пальцем и вылизывая последние капли вина.

Она попробовала сделать шаг, выпрямилась, ухватила за стол и едва не повалила его.

— Где моя крыса?

— Прячется. И нам надо. Смотри!

Люти на что-то указывала, но Кайя не могла понять, на что именно. Здесь творилась настоящая кутерьма. Тролли гонялись за шелки, сбросившими свои тюленьи кожи, девушки-оборотни с полыми спинами вертелись и плясали. Отчетливо пахло морской водой. Похоже, поблизости ошивался по крайней мере один келпи. Вокруг толпились русалки, спрайты, брауни, буки, фуки, блуждающие огоньки, ухмыляющиеся спригганы и прочие гости. Здесь собрались не только обитатели Зимнего двора. Фейри прибывали с самых отдаленных мест, лишь бы посмотреть на коронацию.

Кайя с удивлением узнала, что дворов великое множество, как Зимних, так и Летних, а есть еще и такие феи, которые не принадлежат ни к тем, ни к другим. Все они явились поглазеть, как обитатели Зимнего двора принесут вассальную клятву новому хозяину. Гости улыбались ей, и Кайя очень хотела бы узнать, что скрывалось за этими улыбками.

Столбы были застелены темно-синими скатертями и заставлены

ледяными блюдами. Ветви, усыпанные ягодами падуба, оплетали скульптуры, вырубленные из замерзшей зеленоватой воды. Какой-то урод облизывал черным языком ледяную глыбу, в которой застыли мелкие рыбки. Горькие желудевые пирожки со сладким черничным вареньем лежали по соседству с жареными голубиными ножками. Огромный медный котел с пуншем запотел. То и дело кто-нибудь опускал туда прозрачную чашу на длинном черенке и пробовал густой черный напиток.

Неожиданно настала тишина. Кайя оглянулась. В зал входил Ройбен, окруженный придворными. Возглавлял процессию Пух Чертополоха, герольд Зимнего двора. Длинные золотистые волосы струились по сторонам его высохшего лица. За ним шагал флейтист Василек, наигрывая веселую мелодию. Далее шел Ройбен, за ним, ровно в трех шагах, держались его рыцари Эллебер и Дулькамара. Край длинной мантии Ройбена несли гоблины. За ними следовали дворецкий Руддлз, кравчий с витым рогом в руках и несколько пажей с тремя черными псами на сворке.

Ройбен поднялся на помост, устеленный мхом и украшенный переплетенными березовыми ветвями. Он повернулся к толпе, опустил на колени и наклонил голову. Длинные волосы серебряным пологом упали на его лицо.

— Ты приносишь клятву? — спросил Пух Чертополоха.

— Да, — ответил Ройбен.

— Бесконечная ночь, время тьмы, льда и смерти, принадлежит нам, — торжественно начал тогда Пух Чертополоха. — Пусть же наш новый повелитель тоже будет из льда. Да станет он порождением смерти. Да предаст он себя вечной ночи.

Он поднял корону, сплетенную из переломанных колючих ветвей ясеня, и водрузил ее на голову Ройбена.

Тот поднялся на ноги.

— Кровью нашей королевы, пролитой мною, и этим ясeneвым обручем на челе я сочетаюсь с Зимним двором сегодня, в самую долгую ночь года.

Эллебер и Дулькамара опустились на колени по обе стороны от него. Вслед за ними преклонил колени весь двор. Кайя неловко сделала то же самое.

— Перед вами наш несомненный повелитель Ройбен, король Зимнего двора! — воскликнул герольд. — Склонитесь ли вы перед ним, признаете ли его своим властелином?

В зале поднялся такой крик, что у Кайи встали дыбом волоски на руках.

— Вы — мой народ! — воскликнул Ройбен, воздевая руки. — Моя клятва связала нас! И будь я проклят, если отрекусь!

С этими словами он упал в кресло. Его лицо было бледно. Фейри начали подниматься с колен и направляться к трону, чтобы принести клятву верности.

Спригган загнал крылатую фею под стол и толкнул его так, что один ледяной кубок разбился вдребезги, а прочая утварь попадала в беспорядке.

— Кайя! — пропищала Люти. — Ты не смотришь!

Кайя глянула в сторону помоста. Рядом с Ройбеном, скрестив ноги, сидел писец. Он записывал каждого, кто подходил к новому королю, чтобы принести клятву. Ройбен склонился к какой-то длинноволосой женщине в алом платье и что-то говорил ей. Когда женщина опустилась на колени перед тронном, Кайя заметила, что у нее из-под подола выглядывает кошачий хвост.

— На что мне надо смотреть? — спросила она Люти-лу.

— Ты что, никогда прежде не видела Заявления, пикси? — со смехом спросила женщина, сидящая поблизости.

На шее у нее сверкало ожерелье из серебряных скарабеев.

— Ты и есть та девушка из Железнобоких?

— Видимо, да, — кивнула Кайя.

«Интересно, неужели от меня до сих пор пахнет железом? — подумала она. — Может, пары железа выделяются вместе с потом?»

Гибкая девушка в платье из лепестков выступила из-за спины женщины в серебряном ожерелье, коснулась ее руки и взглянула на Кайю.

— А ты знаешь, что Ройбен еще не твой?

Кайя ответила не сразу. Голова у нее была словно набита ватой.

— Что?..

— Заявление. Ты же не делала Заявления.

Кайя потрясла головой. Ей на миг почудилось, что серебряные скарабеи на шее женщины ползут по кругу.

— Она не знает, что это! — усмехнулась девушка, схватила со стола яблоко и впилась в него зубами.

— Если ты хочешь стать его законной супругой, то должна публично объявить о своей любви к королю и попросить Задание, чтобы подтвердить свои клятвы, — раздельно, словно говоря с идиотом, произнесла женщина.

Изо рта женщины вдруг выпал сверкающий жук, скользнул в декольте и занял место в ожерелье.

Кайя содрогнулась.

— Задание?..

— Понимаешь, если твое Заявление было нежеланным, то король дает Невыполнимое Задание.

— Или смертельное, — добавила девушка в платье из лепестков и усмехнулась.

— Впрочем, мы вовсе не думаем, что он собирается дать тебе такое Задание.

— Или хочет что-то от тебя скрыть.

— Оставьте меня в покое! — грубо заявила Кайя.

Ее сердце колотилось. Толпа расплывалась у нее перед глазами. Девушка чувствовала, что совсем напилась. Почему Ройбен не сказал ей об этом?!

Она встала, двинулась вслед за крылатыми девами и скрипачами и едва не наступила на чей-то длинный хвост, волочащийся по полу.

— Кайя! — запищала Люти. — Куда мы идем?!

Женщина, обкусывавшая с палочки серебристые личинки, в восторге причмокнула губами, глядя на Кайю. Рядом промелькнула фея с коротко стриженными белыми волосами, из-за чего ее голова напоминала головку одуванчика. Она показалась Кайе смутно

знакомой, но тут же исчезла из виду.

Великан с синей кожей пальцами щелкал каштаны, а маленькие фейри подбирали с пола то, что он ронял. Все краски сливались в одно размытое пятно.

Девушка почувствовала удар. Через мгновение она обнаружила, что упала и лежит на грязном полу, а вокруг мельтешат подола платьев, раздвоенные копыта и пестрые туфли. Перед ее глазами возникло светлое пятно. Когда оно приблизилось, оказалось, что это Люти-лу.

— Проснись! — пищала фея, дергая ее за палец.

Крылышки Люти-лу трепетали от беспокойства.

— Если ты уснешь, то меня схватят!

Кайя перекатилась на бок и медленно встала, с трудом сохраняя равновесие.

— Я в полном порядке, — пробормотала она. — И вовсе не сплю.

Люти взмыла вверх и дернула девушку за волосы.

— Да в порядке я!

Неровными шагами она направилась к помосту, где восседал Ройбен, новоявленный король Зимнего двора. Словно завороченная, девушка смотрела, как его пальцы, унизанные кольцами, отбивают незнакомый ритм на подлокотниках трона. Ройбен был с ног до головы в черном, и оттого казалось, будто он все время окутан тенью. Король стал так не похож на себя прежнего, что у Кайи слова замерли на языке.

Примерно теми же глазами Кайя в детстве смотрела на мать, когда та выступала на сцене. Теперь она испытывала гордость, но в то же время ее томил глупый страх. Вдруг Ройбен на помосте — не настоящий?!

Люти-лу спорхнула с ее плеча и полетела к трону. Ройбен увидел ее, рассмеялся и подставил ладонь, чтобы она могла на нее приземлиться.

— Она выпила все грибное вино! — наябедничала фея, указывая на Кайю.

— Честно? — Ройбен изогнул серебристую бровь. — Она поднимется сюда и сядет рядом со мной?

— Конечно, — отозвалась смущенная Кайя и взобралась на помост. — Ну и как тебе церемония?

— Ох, бесконечная.

Его длинные пальцы скользнули по ее волосам. По спине Кайи пробежали мурашки.

Всего месяц назад она считала себя пусть необычным, но человеком. А теперь у нее прозрачные крылья за спиной и зеленая кожа, с человеком ее никак не спутать.

Но с крыльями или без крыльев, она все та же Кайя Фирш, и у нее никак не укладывается в голове, почему же ей позволено сесть рядом с королем?

Даже если она спасла ему жизнь. Даже если он говорит, что любит ее.

В ушах у нее снова и снова звучали слова женщины с ожерельем из жуков. Вот эта девушка с дредами и большим барабаном собирается сделать Заявление? А та женщина с кошачьим хвостом — она уже получила Задание? Почему феи смеются над Кайей? Только потому, что она выросла среди людей и не знает обычаев своего народа?

Кайе захотелось сделать все правильно. Устроить... нечто грандиозное. Подарить Ройбену кое-что получше, чем жалкий плетеный браслет. Девушка покачнулась и шлепнулась на колени перед тронем нового короля Зимнего двора.

Глаза Ройбена распахнулись, и в них мелькнул страх.

Он хотел остановить ее, но она успела заговорить раньше:

— Я, Кайя Фирш, торжественно заявляю...

Кайя застыла, сообразив, что не знает, что говорят в таких случаях, но вино подстегнуло ее и развязало язык.

— Я заявляю, что люблю тебя! Дай мне Задание, чтобы я могла подтвердить мою любовь!

Пальцы Ройбена вцепились в подлокотники трона.

— Будь у меня каменное сердце, я бы так и сделал, — сказал он, понизив голос до шепота. — Но ты никогда не войдешь в Зимний двор.

Кайя почувствовала: что-то не так. Но не могла понять, в чем дело.

— Я хочу сделать Заявление! — упрямо повторила она, мотнув головой. — Не знаю, как там полагается говорить по правилам, но я этого хочу.

— Нет, — прошептал он. — Я тебе запрещаю.

Вокруг них внезапно стало очень тихо. Потом кто-то рассмеялся, и все зашептались.

— Я уже записал. Слово сказано, — сообщил Руддлз. — Ты не можешь пренебречь ее просьбой.

Ройбен кивнул. Несколько долгих мгновений он всматривался в глубину холма, потом встал и подошел к краю помоста.

— Кайя Фирш, вот Задание, которое я дарю тебе. Найди фейри, способного лгать, и сядешь рядом со мной на этом троне.

Пронзительный хохот волной раскатился по залу.

— Это невозможно, — доносились голоса. — Невыполнимое Задание!

Лицо Кайи вспыхнуло. Головокружение усилилось, ее затошнило. Видимо, она совсем побелела, потому что Ройбен спрыгнул с помоста, подхватил ее на руки и не дал упасть. Со всех сторон гудели голоса, но Кайя не могла разобрать слов.

— Тот, кто подкинул тебе эту идею, поплатится! Я обещаю!

Кайя моргнула, потом ее глаза закрылись, и она провалилась в тяжелый сон.

Глава третья

*Я обрету покой — сродни покою
Измокнувшей листвы,
И стану холодней и молчаливей,
Чем ныне вы.*

Сара Тисдейл. Мне будет все равно. [\[4\]](#)

Корни вытащил клетку из багажника и с удовольствием взглянул на фейри. Маленький хоб трясся, забившись в угол. Корни бросил крабовую ловушку на заднее сиденье, пересел туда сам и захлопнул дверь. Двигатель работал на холостом ходу, из вентиляции струился сухой горячий воздух.

— Я — могущественный этот... колдун, — сообщил Корни пленнику. — Не вздумай что-нибудь выкинуть.

— Да, — кивнул тот, быстро моргая. — Нет. Не буду пытаться.

Опять игра в загадки! Корни потряс головой. Он не позволит чертову фейри себя запутать или околдовать.

«Спокойно! — сказал он себе. — Тварь в клетке. Под замком».

— Я хочу узнать, как защититься от ваших чар, — сказал он. — И ты мне в этом поможешь.

— Я навожу чары, а не снимаю их, — чирикнул пленник.

— Фигня. Должен быть выход. Я не собираюсь в один прекрасный день радостно прыгнуть с пирса или снова стать счастливой подставкой для ног у какого-нибудь поганого фейри.

— Ни живое дерево, ни каменная стена, ни заклинание не спасут смертного от наших чар.

— Бред собачий! Ведь бывают же люди, которые не поддаются колдовству?

Маленький фейри отпрыгнул в дальний конец клетки и прошептал:

— Смертные с Истинным Зрением. Они могут видеть сквозь

Ореол.

— Ага! Как обретают Истинное Зрение?

— Некоторые рождаются с ним. Но таких очень мало. Ты не из них.

Корни от души пнул клетку.

— Говори! Что мне еще надо знать?

— Но разве такой могущественный колдун, как ты...

Корни схватил крабовую ловушку и принялся трясти ее изо всех сил. Маленького фейри мотало во все стороны, бросая от стенки к стенке. Половинка шишки слетела с его головы. Он заскулил, а потом завопил во весь голос.

— Врубился? — спросил Корни. — Какой я, мать твою, могущественный колдун? А теперь, если вообще хочешь выйти отсюда, будь любезен, продолжай!

— Есть один юноша с Истинным Зрением. В огромном железном городе, где живут изгнанники. Он умеет снимать чары со смертных.

— Интересненько, — сказал Корни, доставая кочергу. — То-то же. Рассказывай дальше!

* * *

Ранним утром, когда многие гости все еще дремали на полу в огромном зале Зимнего двора, Ройбен уже созвал королевский совет. Он проходил в пещере такой холодной, что дыхание паром вырывалось изо рта. Вдоль стен, на выступях скал, тускло мерцали сальные свечи. Тающее сало пахло чесноком.

«Да будет наш король из льда», — вспомнил Ройбен.

Ему хотелось бы, чтобы лед, который сковал холм и деревья, растущие на нем, заморозил и его сердце.

Дулькамара постукивала пальцами по деревянной столешнице, от холода твердой как камень. Над ее плечами поднимались шипастые скелетоподобные крылья, почти лишенные плоти. Бледно-розовые глаза смотрели на короля.

Ройбен невольно вспомнил Кайю. Ему уже начинало не хватать ее. Так человек поначалу не чувствует жажды, пока не подумает о воде.

— Мы слабеем.

Руддлз вышел на середину зала. Зубастая ухмылка не сходила с его физиономии. Он выглядел так, будто постоянно собирался кого-то укусить.

— Многие фейри, преданные Никневин, бежали, когда узнали, что десятина больше не связывает их с Зимним двором. Ряды наших войск поредели.

Ройбен смотрел, как вспыхивали и гасли свечи.

«Пропади оно все пропадом, — подумал он. — Я не хочу быть вашим королем».

Руддлз пристально посмотрел на Ройбена и потер переносицу.

— Еще сильнее нас ослабила гибель нескольких могучих рыцарей, которых вы, ваше величество, собственноручно убили. Припоминаете?

Ройбен кивнул.

— Меня беспокоит ваша безмятежность, повелитель, — заявил Эллебер.

Прядь волос упала ему на глаз, он небрежно откинул ее.

— Теперь, когда самая долгая ночь миновала, Силариаль может атаковать нас в любой миг.

— Возможно, она устала сражаться. Вдруг ей надоело или лень? — ответил Ройбен. — Как мне.

— Вы слишком молоды, — укоризненно оскалился Руддлз. — И так легко взвалили на себя судьбу нашего двора. Я вообще сомневаюсь, что вы способны выиграть войну.

Однажды Никневин выпорола Ройбена кнутом — он уже забыл за что, — и ушла развлекаться, предоставив Руддлзу, в то время ее дворецкому, позаботиться об избитом, если у него возникнет такое желание. Ройбен до сих пор помнил сладкий вкус воды и боль в горле при каждом глотке.

— Так ты считаешь, что у меня кишка тонка быть повелителем Зимнего двора?

Ройбен встал и наклонился над столом. Его лицо оказалось так близко от лица Руддлза, будто он собирался поцеловать его.

Дулькамара рассмеялась и захлопала в ладоши, словно готовясь к захватывающему зрелищу.

— Вы правы, ваше величество, — бесстрашно заявил Руддлз. — Именно так. Кишка тонка! Мне даже кажется, что вы не очень-то хотите быть королем.

— А мои кишки жаждут крови, — прошипела Дулькамара.

Она встряхнула гладкими черными волосами и оказалась позади дворецкого. Ее руки опустились на плечи Руддлза, длинные пальцы потянулись к его горлу.

— Не нужно пачкать об него руки, ваше величество. Королева никогда так не делала.

Руддлз застыл и съежился, наконец осознав, что зашел слишком далеко. Эллебер задумчиво смотрел на всю троицу, будто прикидывая, чью сторону выгоднее принять.

У Ройбена не было никаких иллюзий насчет их верности. Несмотря на клятву, они могли предать его в любой момент. Верность надо еще заслужить. Ему придется доказать, что у него хватит и силы, и ума быть королем.

— Может, я и не гожусь на эту роль, — сказал он, откидываясь на спинку кресла и разжимая стиснутые кулаки. — Но Силариаль когда-то была моей повелительницей. И пока я жив, этого не повторится.

— Ваше милосердие принесет несчастье всем нам, — сердито ответила Дулькамара, разжимая пальцы.

На лице Руддлза отразилось глубокое облегчение, которое он не успел скрыть.

Давным-давно, когда Ройбен только появился при Зимнем дворе, он сидел в своей камере и страстно желал смерти. Его тело было покрыто незаживающими ранами, а душа так измучена ужасными приказами Никневин, что сама мысль о смерти приносила ему успокоение и дарила надежду.

Если бы он в самом деле был милосердным, то позволил бы сейчас Дулькамаре убить дворецкого.

Руддлз был прав. Сейчас у них почти не было шансов выиграть войну. Но за время службы у Никневин Ройбен приобрел один полезный навык. Он умел выжидать, тянуть время, пока не представится возможность убить Силариаль. Больше она никогда не пошлет своего рыцаря на пытки ради мира между дворами, который на самом деле являлся лишь иллюзией, а заговоры и бесчисленные смерти оказывались правдой. Когда Ройбен думал о госпоже Летнего двора, он почти чувствовал острый осколок льда, который сам искал путь к сердцу внутри его тела. Он знал, что не хочет выиграть войну. Он просто протянет на этом свете столько, сколько понадобится, чтобы забрать ее с собой.

Если весь Зимний двор погибнет вместе с ними, что ж, да будет так.

* * *

Корни улыбнулся и постучал в дверь дома бабушки Кайи. Он не выпался, но весь сиял. Голова у него кружилась. Она была переполнена сведениями, выбитыми из фейри. Пленный ночь напролет отвечал на вопросы, выкладывал всю мало-мальски полезную информацию. На рассвете Корни выпустил карлика. Теперь он чувствовал себя сильным, был вооружен истинным знанием.

— Заходи! — крикнула бабушка из кухни.

Корни надавил на холодную железную ручку. Кухню загромождали башни из кастрюль, десятки мисок, сковородок из чугуна и нержавеющей стали и прочая столовая утварь. Хозяйка не любила выкидывать старые вещи.

— Во что вы опять влипли вчера вечером? — поинтересовалась она, ставя тарелки в посудомоечную машину.

Корни удивленно моргнул, потом сделал умное лицо.

— Так. Вчера. Ну, я ушел довольно рано...

— И бросил девушку одну, ай-ай-ай! Какой же ты после этого джентльмен, Корнелиус? Кайю все утро тошнит. Она не хочет выходить из спальни.

— Мы вообще-то собирались сегодня поехать в Нью-Йорк.

Раздался сигнал микроволновки.

— Сегодня Кайя даже из дому вряд ли сможет выйти, — ответила бабушка, открывая дверцу. — На, отнеси ей чай и спроси, как она себя чувствует.

Корни взял горячую кружку и осторожно понес ее наверх, оставляя за собой на полу цепочку мокрых пятен. Перед дверью Кайи он остановился и прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Тогда Корни постучал, но ответа не дождался.

— Кайя, это я. — Он постучал снова. — Эй, Кайя, открой!

Изнутри донеслось шарканье, и дверь распахнулась. Корни невольно шарахнулся назад. Он уже видел Кайю без ореола, но только не в ее собственной спальне. Яркая зелень кожи особенно дико смотрелась в сочетании с белой футболкой и бледно-розовым бельем. Черные глаза Кайи налились кровью, в комнате пахло чем-то кислым.

Она впустила его, рухнула обратно на матрас, зарылась в одеяло и уткнулась лицом в подушку. Корни видел только взлохмаченные зеленые волосы и длинные тонкие пальцы, сжимающие край одеяла, словно мягкую игрушку. Она была похожа на кошку, которая притворяется спящей, а на самом деле напряжена, как сжатая пружина.

Корни устроился рядом, прямо на полу, облокотившись на жесткую атласную подушку.

— Веселая выдалась ночь, да? — шепотом спросил он.

Кайя на секунду приоткрыла глаза, криво усмехнулась и снова спрятала лицо в подушку.

— Уже давно за полдень. Вроде пора вставать.

С книжной полки спорхнула Люти-лу. Ее печальный вид удивил Корни. Она приземлилась к нему на колено и рассмеялась так визгливо, что он чуть не подскочил.

— Руддлз, дворецкий Ройбена, вместе с пукон и боганом притащили ее сюда. Представь себе богана, который подворачивает одеяло у пикси!

— Он не особо нежничал, — простонала Кайя. — Блин, можно потише? Я пытаюсь спать.

— Твоя бабушка просила принести тебе чай. Будешь пить? Если нет, то я сам его выпью.

Кайя со стоном перевернулась на спину.

— Давай сюда!

Корни протянул ей кружку. Кайя села в постели. Ее прозрачное крыло царапнуло стену, осыпав простыни пылью.

— Больно? — любопытствовал Корни.

Кайя пожала плечами и поднесла кружку к губам. Тепло напитка приятно согревало ее ладони.

— Я так понял, на концерт твоей мамы мы не едем?

Кайя подняла взгляд, и Корни с удивлением увидел, что ее глаза полны слез.

— Не знаю, — сказала она и всхлипнула. — Откуда мне знать? Я вообще ничего не знаю.

— Ладно, ладно. Что случилось-то?

— Я призналась Ройбену в любви. Во весь голос. Перед огромной толпой.

— Что он ответил?

— Есть такая штука, называется Заявление. Мне сказали... Черт, зачем я вообще их слушала?! Да, они сказали, что я очень пожалею, если не сделаю Заявление.

— Кто сказал?

— Не спрашивай. — Кайя потрясла головой. — Я была в дымину пьяная, Корни. Никогда в жизни не буду так напиваться.

— Извини. Продолжай.

— Так вот, те феи рассказали мне про Заявление. Они... ну... вели себя высокомерно. Еще Ройбен сказал, что я должна во время церемонии сидеть в зале со всей толпой. Все это время я страдала, думала, что ему не подхожу, что он меня стыдится, что я разочаровала его, понимаешь? Еще я подумала, что он подослал их ко мне тайно, чтобы я сделала это Заявление первой, пока еще никто не

получил Задание.

Корни нахмурился.

— Что? Какое Задание?

— Задание как доказательство любви.

— Ух ты, как сурово. И ты сделала это Заявление? Хотя, что я спрашиваю? Конечно, сделала.

Кайя отвернулась, пряча лицо.

— Ну да. Только Ройбена оно не порадовало. Абсолютно.

Она уткнула лицо в ладони.

— Корни, я облажалась. Я все испоганила.

— Какое у тебя Задание?

— Найти фейри, который способен лгать, — прошептала Кайя еле слышно.

— А я думал, фейри не врут.

Кайя молча посмотрела на друга. Через мгновение Корни с ужасом понял, что она имеет в виду.

— Так... Ты хочешь сказать, что Ройбен дал тебе Невыполнимое Задание?

— Мне запрещено с ним встречаться, пока я его не выполню. Иными словами, больше мы с Ройбеном не увидимся.

— Фейри не могут врать, — сказала вдруг Люти-лу. — Никогда. Это хорошее Задание, чтобы отделаться от заявителя. Не бесконечная работа. Знаешь, вроде отцедить всю соль из океана. Вот это настоящая гнусность. А есть еще Задания, которые кажутся невозможными, но на самом деле выполнимы. Например, соткать плащ из звезд.

Корни согнал Люти с колена и придвинулся к Кайе.

— Должно быть решение, — сказал он. — Я уверен.

Люти вспорхнула на полку, устроилась на коленях огромной фарфоровой куклы и сладко зевнула.

— Нет, Корни, — покачала головой Кайя. — Ройбен просто не хотел, чтобы я выполнила Задание. Вот и все.

— Чушь собачья!

— Ты слышал, что сказала Люти?

— И это тоже фигня.

Корни пнул подушку, набитую соломой.

— Как насчет сильного искажения истины?

— Это не вранье, — возразила Кайя.

— Скажи: «Чай холодный». Попробуй. Может, получится, если очень постараться?

— Чай...

Кайя замолчала. Ее рот все еще был открыт, но язык словно примерз к нёбу.

— Что тебя остановило?

— Не знаю. Я вдруг испугалась. Мысли спутались. Горло сжалось, как от удушья. Челюсти до сих пор онемевшие.

— Боже! — ужаснулся Корни. — Что бы со мной стало, если бы я не мог врать!

Кайя опрокинулась на спину.

— Ничего бы не случилось. Всегда можно не говорить правду, обходясь без прямого вранья.

— Так ты убедила бабушку в том, что прошлой ночью я был с тобой?

Кайя лукаво улыбнулась и отпила еще глоток из чашки.

— Ну а если ты скажешь, что собираешься что-то сделать, а сама не сделаешь? Это вранье или нет?

— Не знаю. Это все равно, что сказать что-то, думая, что говоришь правду, а на самом деле оно окажется неправдой. Или все равно, что прочитать что-то в книге, а окажется, что там была написана чепуха.

— Ну вот!

— Похоже, все-таки это не вранье, иначе я давно умерла бы.

— Слушай, Кайя, поехали сегодня в город. Тебе станет легче,

если мы уедем, честное слово. Я всегда так делаю.

Кайя улыбнулась и снова села.

— Где Армагеддон?

Корни покосился на клетку, но Кайя уже подползла к ней на коленках.

— Ага, он здесь! Ффу... Оба на месте.

Кайя перевела дух.

— Я уж думала, что он остался под холмом.

— Ты носила туда крысу? — недоверчиво спросил Корни.

— Давай больше не будем говорить о прошлой ночи, — попросила Кайя, натягивая полинявшие штаны защитного цвета.

— Как хочешь, — ответил он и зевнул. — Предлагаю где-нибудь по дороге позавтракать. На самом деле я чувствую себя так, будто меня переехал каток.

— Аналогично, — слабым голосом сказала Кайя и начала собираться.

* * *

До города осталось совсем недалеко. Кайя откинулась на сиденье, рассеянно глядела в окно и старалась ни о чем не думать. Лесопосадки, окаймляющие магистраль, сменились промышленной зоной. Над трубами заводов поднимался белый дым, постепенно растворяющийся в низких облаках.

Когда они въехали в район Бруклина, который мама Кайи называла Вильямсбургом, хотя скорее это был Бедфорд-Стайвесант, машин стало меньше, но дорога совсем испортилась. Асфальт испещрили трещины и выбоины. Пешеходов почти не было видно, тротуары заваливал грязный снег. Корни припарковался, и Кайя с облегчением выбралась на пустынную улицу.

— Ты как? — спросил Корни.

Кайя мотнула головой и склонилась над сточной канавкой в приступе тошноты. Люти-лу, которая едва не свалилась на землю с ее

плеча, вцепилась ей в шею обеими руками.

— Погано, — выдохнула Кайя. — Только не разберу, то ли от похмелья, то ли от двухчасовой езды в железной коробке.

«Приведи ко мне фейри, который способен лгать!»

— Больше никаких автомобилей, — утешил ее Корни. — Только небольшая поездочка на метро.

Кайя застонала. Но она слишком устала, чтобы стукнуть его. Ей казалось, будто вся улица провоняла железом. Металлические балки под бетонными стенами зданий, бесчисленные автомобили, ползущие по улицам, словно кровь по венам... Испарения железа обжигали легкие Кайи. Она сконцентрировалась на ореоле, стараясь усилить его и тем самым притупить чувства. Наконец ей это удалось, тошнота понемногу отступила.

«Все, что мне нужно, — только ты!»

— Можешь идти? — спросил Корни.

— Что? А, ну да.

Кайя вздохнула и спрятала руки в карманы красного клетчатого пальто. Мир вокруг тормозил, как при замедленной съемке. Девушка не могла сосредоточиться ни на чем, кроме привкуса железа во рту и мыслей о Ройбене.

«Моя любовь к тебе — это слабость!»

— Эй! — Корни тронул ее за плечо. — Какой адрес?

Кайя подняла руку, взглянула на номер, написанный на тыльной стороне ладони, и указала на многоквартирный дом. Теперь мать платила за квартиру в два раза больше, чем три месяца назад, когда они с Кайей жили в Филадельфии. Потом Эллен пообещала дочери, что будет ездить на работу в город из Нью-Джерси. Так она и делала до первой крупной ссоры с бабушкой. Все как всегда. Но на этот раз Эллен переехала в город одна, а Кайя осталась.

Они поднялись на крыльцо, и девушка нажала на кнопку домофона. Зажужжал зуммер, дверь со щелчком открылась. Кайя вошла в парадную, Корни за ней.

Дверь квартиры Эллен была обита тем же грязным шпоном под клен, как и все прочие на восемнадцатом этаже. Под глазком висела

пластмассовая позолоченная девятка. Когда Кайя постучала, она закачалась на одном гвозде.

Эллен открыла дверь. Она была в черном джемпере грубой вязки и джинсах, волосы и тонкие брови выкрашены красной хной.

— Малышка!

Эллен схватила дочь в объятия и закачалась туда-сюда, как номер на ее двери.

— Как же я по тебе соскучилась!

— И я!

Кайя приникла к материнскому плечу, чувствуя радость вперемешку с виной. Что сделала бы Эллен, если бы узнала, что ее дочь — не человек? Заорала бы, конечно. Что еще можно сделать в такой ситуации?

Эллен взглянула поверх плеча дочери и увидела Корни.

— И Корнелиус тут. Спасибо, что привез ее ко мне. Заходи, будь как дома. Пива?

— Нет, спасибо, миссис Фирш, — ответил Корни, занося в комнату свой спортивный рюкзак и сумку Кайи.

Квартира была маленькая и вся белая. Почти всю комнату занимала двуспальная кровать, накрытая пледом. Рядом на стуле сидел незнакомый Кайе мужчина и настраивал бас-гитару.

— Это Трент, — представила его Эллен.

Мужчина поднялся, открыл чехол и аккуратно положил туда гитару. Он выглядел так же, как и большинство парней Эллен, был длинноволосым и небритым, но, в отличие от прочих, его шевелюру уже тронула седина.

— Мне пора. Увидимся в клубе.

Он искоса взглянул на Кайю и Корни.

— Приятно познакомиться.

Эллен присела на край кухонной столешницы и взяла с тарелки недокуренную сигарету. Ворот ее джемпера сполз с плеча. Кайя уставилась на мать, пытаясь найти в ней сходство с маленьким подменышем, которого видела однажды при Летнем дворе, той самой

девочкой, чью жизнь она забрала себе. Но видела Кайя только сходство со своим собственным привычным ореолом.

Трент махнул рукой, взял гитару и вышел. Люта улучила момент, спорхнула с плеча Кайи и перебралась на холодильник, где угнездилась в вазе, набитой рекламками пищи навынос.

— Знаешь, чего тебе не хватает? — спросила Эллен у Корни, выпуская изо рта облако дыма.

Тот пожал плечами и ухмыльнулся.

— Цели в жизни? Самоуважения? Пони?

— Нормальной стрижки. Хочешь, я тебя подстригу? Я стригу Кайю с самого ее детства.

Она спрыгнула со столешницы и направилась в крошечную ванную.

— Кажется, где-то тут валялись ножницы.

— Корни, не поддавайся.

Кайя повысила голос, чтобы мать обязательно ее услышала:

— Мама, уймись!

— А что, я разве плохо выгляжу? — Корни тревожно посмотрел на подругу.

Кайя покосилась на него, хмыкнула и заявила:

— Ты выглядишь как всегда.

— Что это значит?

Кайя указала на свои камуфляжные штаны и футболку, которую не снимала с вечера. Да что там, она и шнурки до сих пор не завязала.

— Вот как-то так. Неважно, честно говоря.

— Намекаешь, что я выгляжу кошмарно?

Кайя наклонила голову набок.

— Я бы сказала, что ни один человек в здравом уме не станет носить маллет. Если, конечно, он не делает это по приколу и не нарывается.

Корни рефлекторно протянул руку к волосам и хихикнул.

— Еще и эта твоя коллекция широких воротничков веселенькой расцветки. Где ты их только берешь?

— Мать покупает на барахолке.

Кайя выудила из кучи одежды, наваленной на кровати, материнскую косметичку и достала оттуда черную подводку для глаз.

— Мне кажется, без них ты будешь смотреться вполне мужественно.

— Ладно, я понял! Допустим, я больше не хочу выглядеть как всегда, тогда что?

Кайя замерла на миг, чтобы не смазать подводку. В голосе Корни звучало волнение, которое ее насторожило. Интересно, как Корни распорядился бы ее возможностями, если бы обладал ими?

Из ванной вышла Эллен, неся ножницы, расческу, набор заколок и упаковку с краской для волос.

— Как насчет слегка перекраситься? Я нашла краску. Роберт хотел было это сделать, но потом передумал и обесцветил волосы.

— Какую краску?

— Черную. Думаю, тебе пойдет.

— Кто такой Роберт? — спросила Кайя.

Эллен не ответила.

Корни посмотрелся в грязное стекло микроволновки.

— Хуже, чем сейчас, точно не будет.

Эллен глубоко затянулась, стряхнула пепел и снова сунула сигарету в зубы.

— Ладно, садись.

Корни неуклюже устроился на стуле. Кайя уселась на столешницу и допила пиво из банки.

— Достань мне пару прищепок с веревки. Спасибо, дорогая.

Эллен быстро обернула Корни полотенцем, заляпанным краской.

— Вот так-то лучше.

— Мамочка, можно тебя кое о чем спросить?

— О чем-то плохом?

— Почему ты так думаешь?

— Обычно ты не называешь меня мамочкой.

Эллен отложила щипчики, глубоко затянулась сигаретой и принялась маникюрными ножницами кромсать волосы на макушке у Корни.

— Валяй. Спрашивай, о чем хочешь, деточка.

Сигаретный дым жалил глаза Кайи.

— Мама, тебе никогда не приходило в голову, что я на самом деле не твоя дочка? Вдруг меня подменили в роддоме?

Ну вот, она это сказала. Кайя стиснула пальцы. Ей хотелось выхватить слова из воздуха и запихнуть их обратно в рот.

— Гм. Интересный вопрос.

Кайя промолчала. Она ждала ответа, и вообще на нее нашло онемение.

— Забавно. Однажды я задавала себе этот вопрос.

Эллен пропустила волосы Корни между пальцами и стала подравнивать концы.

— Тебе тогда и двух лет не было. Такая смешная тонконогая пигалица. Помню, я положила на стул стопку книг, чтобы ты могла сидеть за большим столом. Не очень-то безопасно, но я тогда не отличалась большим умом. В общем, я на минутку вышла, а когда вернулась, ты лежала на полу, а книги разлетелись по всей кухне. Ситуация ясна! Ты свалилась, я — ужасная мать. Но ты не плакала. Ты лежала, открыв книгу, и клянусь, читала ее! Я тогда подумала: «Мой ребенок — гений!» и еще: «Нет, это не мой ребенок».

— Ух ты, — отозвалась Кайя.

— Ты всегда была невероятно честной. Не то что я в детстве. Конечно, были какие-то секретки, но никакого вранья.

«Вся моя жизнь — вранье! Хорошо, что этого можно не говорить. Просто промолчать, и секунды унесут этот ужасный миг в прошлое, дальше и дальше, и сердце снова будет биться спокойно».

— А ты что, вообразила, что тебя тайно удочерили? — спросила

Эллен, помешивая черную краску металлической ложкой.

Кайя застыла, а Эллен продолжала:

— В детстве я любила представлять, что я на самом деле цыганский ребенок. Что когда-нибудь они вернутся и заберут меня. Я буду жить в таборе и предсказывать людям судьбу.

— Если бы ты не была моей мамой, то кто еще превращал бы моих друзей в таких красавчиков? — вывернулась Кайя.

Как только прозвучали эти слова, ей стало стыдно. Она настоящая трусиха. Нет, жадина! Она похожа на кукушонка, который не хочет расставаться с уютным чужим гнездом.

Просто поразительно, какой коварной можно быть, не говоря ни слова лжи.

Корни потрогал свежий ежик на макушке.

— А я в детстве представлял, что прибыл из другого измерения. Как бы из параллельной вселенной. Там, в другом измерении, моя мама — королева огромной империи или чародейка в изгнании.

Кайя хихикнула. Сигаретный дым в сочетании с химической вонью превратил ее смех в кашель.

Эллен плюхнула на голову Корни ложку краски и принялась размазывать ее расческой. Руки ее покрывались черными брызгами, браслеты на запястьях тихо звякали.

У Кайи закружилась голова. Преодолевая тошноту, она подошла к окну и толкнула раму. Окно с треском распахнулось. Кайя вдохнула холодный воздух полной грудью и вдруг застыла.

— Потерпи еще пару минут, и я начну смывать это дерьмо с его головы, — сказала Эллен.

Кайя автоматически кивнула, но даже не взглянула на нее. На улице чернели фигурки редких прохожих. Их дыхание паром вырывалось изо рта. В свете фонарей длинные волосы какого-то мужчины блестели, словно платина. Потом он обернулся. Кайя убедилась, что это не Ройбен, но все равно с трудом удержалась от оклика.

— Зайка, я закончила. Глянь, не найдется ли для парня другой футболки. Ту, которая на нем, я, похоже, погубила. Хотя она все

равно была ему велика. Уж слишком он тощий.

Кайя обернулась. Корни покраснел до самой шеи.

— Мамочка, не смущай его!

— Можно снимать телешоу, — сумрачно сказал Корни. — Поменяй свой имидж, преобразись, и все такое.

— Боже упаси.

Эллен кинула окурок в тарелку. Кайя пошарила в комнате и наконец выудила из груды вещей темно-коричневую футболку с изображением всадника верхом на кролике, с копьем в руках.

Корни всесторонне изучил футболку и нервно рассмеялся.

— Она мне мала.

Эллен пожала плечами.

— Тебе пойдет. Эта футболка с какой-то презентации. Твои джинсы в порядке, куртка тоже сойдет, а вот кроссовки никуда не годятся. Надень вторые носки и можешь взять кеды Трента. Он вроде бы оставил пару в шкафу.

Когда из душа хлынула вода, маленькая квартирka наполнилась паром.

— Ты не займешься моими глазами, пока он моется? — спросила Эллен, садясь на кровать.

— Конечно, — улыбнулась Кайя.

Эллен легла на спину. Кайя склонилась над ней и принялась аккуратно наносить серебристую краску на веки. Закончив с ними, она провела тонкую черную линию у самых корней ресниц. Лицо матери оказалось так близко, что стали заметны тонкие гусиные лапки в уголках глаз, расширенные поры носа, красные прожилки на веках. Когда Кайя принялась расчесывать матери волосы, она увидела, что под краской скрывается седина. Ее рука дрогнула.

«Смертная. Вот что значит быть смертной».

— Я закончила, — сказала Кайя.

Эллен села и поцеловала дочь в щеку. Из рта у нее пахло табаком, гниющими зубами и, едва заметно, жевательной резинкой.

— Спасибо, крошка. Ты меня просто спасла.

«Я все ей расскажу, — подумала Кайя. — Расскажу сегодня же вечером».

Дверь ванной открылась, и в облаке пара появился Корни. Он выглядел странно и непривычно в новой футболке, с короткой прической. Нет, парень не переменялся до неузнаваемости, но с черными волосами его глаза казались ярче, а облегающая футболка превратила худобу в изящество.

— Хорошо выглядишь — сказала Кайя.

Корни горделиво завернулся в полотенце и поскреб шею, словно пытался оттереть остатки краски.

— Что скажешь? — спросила Эллен.

Корни глянул в зеркало, висевшее в ванной. Он словно пытался запомнить, как теперь выглядит.

— У меня такое чувство, будто я завернулся в свою собственную кожу.

Глава четвёртая

*Хлебным теплом не согреться
в рассветном дурмане,
Плавный твой шаг не расслышать
в полдневном зное.*

Пабло Неруда. Любовный сонет XI.[\[5\]](#)

Поездка на метро была ужасна. Металл кольцом окружал Кайю со всех сторон, давил и душил. Она стояла, вцепившись в алюминиевый поручень, и старалась не дышать.

— Что-то ты бледновата, — заметил Корни, когда они поднялись на улицу по бетонным ступеням.

Кайя чувствовала, как ее ореол ослабевал с каждым мгновением. Еще секунда — и он просто испарится.

— Почему бы вам не прогуляться, детки? — предложила Эллен. — Мы еще будем готовиться к выступлению, а это довольно скучно.

Ее накрашенные губы блестели, а волосы были так обильно политы лаком, что даже не шевелились от ветра.

— Если я увижу, как круто зимой в Нью-Йорке, то сразу к тебе перееду, — кивнула Кайя. — И перестану ждать непонятно чего в Нью-Джерси.

— Ага, — улыбнулась Эллен.

Кайя и Корни пошли к окраине Вест-Виллидж. Вокруг светились витрины магазинов с мохнатыми шапками и шортами из шотландки. В витрине секс-шопа виниловая маска с кошачьими ушами лежала на новогоднем красно-белом бархате. Рядом на углу парень в армейской куртке наигрывал на флейте рождественские гимны.

— Смотри, кафе! — произнес Корни. — Зайдем погреемся.

Они поднялись по ступенькам и вошли в дверь, покрытую золотистыми узорами.

«Кафе дез Артист» представляло собой анфиладу залов, переходивших один в другой. Корни обошел кассу, толкнул дверь, и они оказались в небольшом зале с камином.

Оплывшие белые свечи на каминной полке придавали ему сходство с огромным песочным замком, подмытым волнами. С потолка свисали черные оловянные канделябры. Тусклое пламя свечей отражалось в зеркалах и старинных репродукциях, прикрытых стеклом. Комната казалась сумрачной и холодной. Слабый аромат чая и кофе, витающий в воздухе, заставил Кайю глубоко вдохнуть.

Они устроились в креслах вычурных, но таких потертых, что на подлокотниках пластмасса проглядывала сквозь сусальное золото. Корни поскреб ногтем золоченый завиток, и блестящий слой тут же осыпался. Кайя бездумно открыла ящичек бежевого бюро, оказавшегося неподалеку. К ее удивлению, внутри обнаружилась пачка открыток и конвертов. Кайя заметила официантку, идущую к ним, и быстро захлопнула ящик.

Волосы женщины были обесцвечены перекисью, но их жирные корни оставались черными.

— Что будем заказывать?

Корни распахнул меню.

— Омлет с зеленым перцем, помидорами и грибами, сырную тарелку и чашку кофе.

— Мне тоже кофе. — Кайя выхватила меню из его рук и взглянула на первую попавшуюся строчку. — И кусок лимонного пирога.

— Идеально сбалансированная диета, — заметил Корни. — Сахар и кофеин.

— Там должны быть меренги, — возразила Кайя. — Меренги — это яйца. Значит, еще жиры.

Корни закатил глаза.

Как только официантка отошла, Кайя снова раскрыла ящичек и принялась перебирать открытки.

— Ты только послушай! Какая-то девушка описывает путешествие по Италии: *«Все время думаю о предсказании Лоуренса насчет того, что встречу кого-то в Риме»*.

В углу другой открытки была неуклюже нарисована кружка.

— А сбоку приписано карандашом: *«Я плюнула в свой кофе и незаметно поменялась кружками с бойфрендом Лауры. Теперь он попробует меня на вкус»*. Как ты думаешь, откуда здесь открытки взялись?

— Может, кому-то хочется написать письмо, которое никто не прочтет? Поэтому люди их пишут и оставляют тут, — предположил Корни.

— Давай-ка тоже что-нибудь напишем.

Кайя покопалась в сумке, выудила оттуда пару листочков бумаги и подводку для глаз.

— Осторожно, карандаш мягкий, он пачкается.

— Так ты хочешь, чтобы я записал свой секрет? Вроде того, что я всегда хотел бойфренда в стиле злодея из комиксов, но после Нефамаэля на эту роль никто не годится, потому как не выдерживают конкуренции?

Люди, сидевшие за соседними столиками, оглянулись с таким видом, будто услышали обрывок разговора, но не поверили своим ушам.

Теперь закатила глаза Кайя.

— Он был всего лишь психованный садист. Это же не значит, что другие психованные садисты плохие?

Корни ухмыльнулся, взял листок бумаги и начал писать, сильно нажимая на косметический карандаш. Закончив, он передвинул листок в сторону Кайи.

— Я же знаю, что ты все равно прочитаешь.

— Я бы не стала без разрешения.

— Ладно, читай.

Кайя взяла листок и прочла: *«Я готов на все, лишь бы не быть смертным»*.

Тогда она написала на своем листе: *«Я украла чью-то жизнь»*.

Корни прочитал и молча положил оба листка в ящик.

Официантка принесла приборы и кофе. Кайя вылила в свою

чашку все сливки без остатка и насыпала сахара с горкой.

— Ты думаешь над Заданием? — спросил Корни.

Кайя раздумывала о том, что написал Корни на своем листке, но сказала другое:

— Вот бы еще раз повидаться с Ройбеном, просто услышать от него своими ушами, что он меня прогоняет. Я чувствую себя так, будто застряла во сне и не могу проснуться.

— Так пошли ему письмо. С формальной точки зрения он ведь тебя не увидит.

— Куда и как я отправлю ему письмо? Спрячу в желудь и подброшу в окно?

— Все-таки ты не понимаешь законов, по которым живут фейри. Происходит на самом деле совсем не то, что кажется.

Кайя покачала головой, не желая впускать в себя слова Корни.

— Может, и хорошо, что мы разошлись. Как бойфренд, он не лучший вариант. Все время на работе! Управление Зимним двором отнимает чертову уйму времени.

— Еще он для тебя слишком стар, — подхватил Корни.

— И слишком часто бывает в плохом настроении. Натуральный эмо.

— Еще у него нет машины. Какой смысл в пожилом бойфренде, у которого даже тачки нет?

— И волосы длиннее, чем у меня.

— Могу поспорить, он причесывается дольше, чем ты.

— Но-но! — Кайя стукнула Корни по руке. — Я причесываюсь быстро!

— Я пошутил.

Корни усмехнулся.

— И вообще, роман со сверхъестественным существом — это непросто. Другое дело, когда ты сам оказываешься сверхъестественным существом.

Трое мужчин, попивающих капучино за соседним столиком,

покосились на Корни. Один что-то сказал, остальные захихикали.

— Ты их нервируешь, — прошептала Кайя.

— Да они просто думают, что мы сочиняем какую-нибудь фантастическую историю, — возразил Корни. — Или что мы ролевики. Вот прямо сейчас и играем. — Он скрестил руки на груди. — Я тебя околдовал, и тебе придется заплатить за мой обед.

Неожиданно Кайя поймала взгляд девушки, которая приближалась к их столу. Концы ее тонких косичек полоскались в кофе. На ней было несколько пальто, надетых одно поверх другого, так что она казалась горбатой. Девушка убедилась в том, что Кайя смотрит на нее, перегнулась через стол и кинула в ящик бежевого бюро маленький листок бумаги. Затем она подмигнула Кайе, допила остатки своего кофе и вышла.

Как только девушка исчезла, Кайя вскочила и вытащила ящик. Внутри оказалась записка.

«Королева желает тебя увидеть. Посредник знает дорогу. Его пейджер: 5551327».

* * *

Когда Кайя и Корни добрались до клуба, снова пошел снег. Кирпичное здание было в несколько слоев оклеено рекламными постерами, поблекшими от дождей и уличной грязи. Корни сказал, что не знает ни одной из этих групп.

Женщина в черных джинсах и леопардовом пальто у двери продавала входные билеты, отрывая их от шуршащей ленты.

— Ваши приглашения? — спросила она, откидывая за спину аккуратные косички.

— Моя мама сегодня играет, — сказала Кайя. — Мы в списке.

— Все равно гоните приглашения.

Кайя устремила на женщину задумчивый взгляд, и воздух вокруг них завибрировал, словно от жары.

— Проходите, — с сонным видом сказала женщина.

Она поставила на руку Корни печать в виде синего черепа, и он прошел внутрь. Сердце его колотилось как безумное.

— Что ты с ней сделала?

Кайя улыбалась и принималась. Корни казалось, что она не слышала вопроса или не собиралась отвечать на него.

— Люблю этот запах!

— Шутишь.

Изнутри клуб был выкрашен черным. Даже вентиляционные трубы под потолком были того же мрачного цвета. Стены будто впитали весь свет в комнате. Несколько разноцветных огней вспыхивали над стойкой бара и возле сцены, где выступала какая-то группа.

— Нет, правда, — громко сказала Кайя, пытаясь перекрыть музыку. — Мне очень нравится! Запах перегара, сигаретного дыма и пота — красота! Правда, жжет в горле, но после машины и метро мне уже ничто не страшно.

— Круто! — проорал Корни в ответ. — Пойдешь поздороваться с мамой?

— Не сейчас. Перед концертом она всегда на взводе и ведет себя как настоящая сука.

— Ладно, пойдём отвоюем себе места.

Корни принялся проталкиваться сквозь толпу к маленьким столикам, скупо освещенным красными лампочками. Пока Кайя ходила за выпивкой, он нашел свободный столик, уселся и огляделся по сторонам.

Вокруг толпился народ. Азиатский юноша с бритой головой и темной щетиной на щеках что-то втолковывал девушке в трикотажном платье и ковбойских сапогах с рисунком в виде тарантулов. Женщина в муаровом пальто медленно танцевала с подружкой возле черной потолочной опоры. Корни почувствовал, что его захлестывает волна возбуждения. Он в настоящем нью-йоркском клубе! Прежде парень никогда не бывал в таких крутых местах.

Вернулась Кайя.

На сцену поднялась следующая группа: Эллен, Трент и еще два

человека. Эллен нагнулась и ударила по струнам.

Кайя застыла, на глаза ей навернулись слезы. Музыка была что надо, кэнди-панк вперемежку с лирическими балладами. Мама на сцене не выглядела увядающей женщиной средних лет, как всего пару часов назад. Эта Эллен была свирепой. Казалось, сейчас наклонится и съест всех этих девочек и мальчиков, столпившихся вокруг сцены.

Слушая первую песню, Корни подумал, что они с Кайей на самом деле очень похожи. От преображенной Эллен ему стало не по себе. На его руках все еще виднелись пятна краски для волос.

Он оглядел зал. Взгляд, скользивший по привлекательным юношам и тонконогим, как насекомые, девушкам, выхватил из толпы высокого мужчину, который стоял, прислонившись к стене. За спиной у него висела сумка.

При виде него по рукам Корни пробежали мурашки. Мужчина был чересчур прекрасным для человека. Корни смотрел на его застывшее высокомерное лицо и подумал было, что это Ройбен накинул ореол и явился вымаливать прощение у Кайи. Но волосы незнакомца были цвета масла, а не соли, и овал лица совсем другой. Мужчина не отрываясь смотрел на Кайю. Когда ему загородила обзор девушка с хвостиками, он слегка передвинулся и продолжил наблюдение.

Корни поднялся на ноги, сам толком не зная, что собирается предпринять.

— Жди меня здесь, — ответил он на вопрошающий взгляд Кайи.

Теперь Корни пробирався сквозь толпу к незнакомцу, по-прежнему понятия не имея, что делать. Его сердце скакало в грудной клетке, как мячик для пинг-понга. Подходя ближе, он видел все больше деталей, только усиливающих подозрения. Кожа на подбородке мужчины была нежной, как у девушки. Глаза — цвета васильков. Из всех фейри, которых встречал Корни, этот был замаскирован хуже всех.

На сцене Эллен взревела в микрофон. Барабанщик выдал соло.

— Напрасный труд, все равно никого не обманешь! — прокричал Корни, заглушая ритмичный грохот.

— Что ты имеешь в виду?

Голос незнакомца звучал мягко. Он совершенно не выражал гнева, который был явственно написан на его лице.

Корни стиснул зубы, борясь с искушением смотреть и смотреть в эти васильковые глаза.

— Ты не похож на человека. Ты даже говоришь не как человек.

Мягкая, теплая рука коснулась щеки Корни.

— Я чувствую как человек.

Корни бессознательно потянулся навстречу этому прикосновению. В нем вспыхнуло жгучее, болезненное желание. Но когда его веки сомкнулись, он увидел перед собой лицо сестры, исчезающее под морской водой, услышал ее крики, заглушённые волнами, когда юноша-келпи увлек ее на дно. Он увидел себя, ползающего в грязи и собирающего сочные фрукты, чтобы принести их к ногам хохочущего Нефамаэля.

Корни распахнул глаза. Его трясло от злости. Больше он не собирался быть слабым. Он справится.

— Хватит строить глазки!

Фейри наблюдал за ним, подняв брови домиком. Его губы искривились в насмешливой улыбке.

— Готов поспорить, тебе нужна Кайя, — продолжал Корни. — Я могу привести ее к тебе.

Мужчина нахмурился.

— Вы так легко предаете друг друга?

— Ты же знаешь, что она не из наших, — Корни тоже многозначительно поднял бровь. — Пошли. Она может нас увидеть. Поговорим в туалете.

— Прошу прощения...

— Проси дальше.

Корни подхватил фейри под руку и потащил за собой сквозь толпу. Одного быстрого взгляда хватило, чтобы убедиться в том, что Кайя на месте. Она была поглощена тем, что происходило на сцене. В крови юноши бурлил адреналин, делая ярость и желание почти неразличимыми.

Он проскользнул в туалет. Кабинка была свободна, у писсуаров тоже никого. На темно-красной стене висело объявление с угрозами в адрес сотрудников, не моющих руки, и полка с бумагой и чистящими средствами.

Внезапно в голову Корни пришла весьма жестокая идея.

Он с трудом удержался от улыбки и сказал:

— Дело в твоей одежде. Человеческие парни так не выглядят. Ты весь какой-то слишком чистенький. Ройбен тоже всегда делал эту ошибку.

Губы фейри слегка искривились.

Корни сделал простодушное лицо.

— Посмотри на себя. Постарайся так изменить ореол, чтобы выглядеть примерно как я.

Фейри окинул взглядом Корни.

— Отвратительно, — сказал он, но снял со спины сумку и положил ее на пол около стены.

В тот же миг Корни схватил с полки канистру с «Райдом».

«Если Кайя с трудом переносит даже сигаретный дым, то эффект от концентрированного инсектицида должен быть впечатляющим. Довольно болтовни, пора действовать!»

Как только фейри повернулся, Корни распылил средство от тараканов прямо ему в лицо.

Блондин захрипел и рухнул на колени. Ореол развеялся, явив устрашающую, нечеловеческую красоту. Несколько мгновений Корни любовался тем, как фейри корчился на заплеванном полу, а потом связал ему руки за спиной своими шнурками, стараясь затягивать узлы как можно туже. Фейри кашлял и извивался как червяк.

Корни изо всех сил треснул его канистрой с «Райдом».

— Понравилось, твою мать? Могу угостить еще раз! Тут хватит этого дерьма, чтобы убить тебя!

Фейри затих. Корни встал, не сводя глаз с противника и прижимая пальцем носик канистры. Он бросил взгляд в зеркало и

невольно подумал о том, как жалко выглядит. Короткие черные волосы и чужая футболка не улучшили его кожу, не уменьшили нос и вообще не превратили в красавчика.

Длинные сильные пальцы вцепились в его икру. Но Корни наступил подошвой кроссовки на шею фейри и присел на корточки.

— Ну а теперь ты выложишь все, что меня интересует!

Тот сглотнул.

— Твое имя!

Васильковые глаза полыхнули.

— Никогда!

Корни пожал плечами и убрал ногу с шеи фейри.

— Ладно. Тогда я сам тебя как-нибудь назову. И не каким-нибудь глупым «Я сам», как в сказках.

— Адаир.

Корни помолчал, думая о письме, лежащем в ящичке.

— Это ты Посредник? Ты подкинул Кайе записку?

Мужчина удивленно взглянул на него и мотнул головой.

— Посредник — человек, как и ты.

— Хорошо, Адаир. Если ты не Посредник, то чего же тебе нужно от Кайи?

Поскольку фейри явно не собирался отвечать, Корни схватил канистру и снова треснул ею пленника по голове.

— Кто приказал тебе прийти сюда?

Фейри пожал плечами. Корни ударил его еще раз. Из рта пленника потекла кровь.

— Силариаль, — выдохнул тот.

Корни удовлетворенно кивнул. Он тяжело дышал, но каждый вздох, который вырывался из его груди, напоминал судорожный смех.

— Что ей надо?

— Пикси. Я должен был доставить ее к Летнему двору. Моя

госпожа желает с ней побеседовать.

Корни уселся пленнику на живот и запустил пятерню в золотистые волосы.

— Зачем?

— Королева хочет просто поговорить.

В туалет вошел какой-то мужчина, побледнел и выскочил обратно, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Фейри снова принялся извиваться на полу.

— Скажи мне кое-что еще!

Корни сжал пальцы и встряхнул фейри за волосы.

— Расскажи, как защититься...

В этот миг дверь снова распахнулась. На этот раз вошла Кайя.

— Корни, там...

Увидев сцену на полу, она осеклась, быстро заморгала и закашлялась.

— М-да, такого я точно не ожидала увидеть, когда пошла тебя искать!

— Его послала Силариаль, — объяснил Корни. — За тобой.

— Бармен вызывает копов. Надо сваливать отсюда.

— Но мы не можем его отпустить!

— Корни, у него течет кровь! — Кайя снова раскашлялась. — Что ты с ним сделал? Мои легкие горят как в огне!

Корни поднялся, собрался было все объяснить. Но прежде чем он успел выпрямиться, мужчина перекатился на бок и плюнул ему в лицо. Кровавые брызги потекли по щекам Корни, словно красные слезы.

— Проклинаю тебя, — сказал фейри. — Пусть увянет все, к чему ты прикоснешься!

Корни шарахнулся назад, потерял равновесие и оперся рукой о стену. Краска под его пальцами мгновенно выцвела и осыпалась. Как зачарованный, он уставился на ладонь. Рисунок линий, такой знакомый, изменился прямо у него на глазах.

— Пошли!

Кайя схватила Корни за рукав и потянула за собой к двери.

Металлическая дверная ручка потускнела от его прикосновения.

Глава пятая

Ад — не место, но состояние.

Т. С. Элиот

Фавн с окровавленными когтями склонился перед тронном Ройбена. Все вассалы Зимнего двора пришли сегодня, чтобы доказать королю свою полезность, поведать о своих деяниях во славу короны, заслужить благодарность и получить новые приказы. Ройбен смотрел на море голов и боролся с приступами паники.

— Во имя твое я убил семерых моих братьев. Вот их копыта.

Фавн со стуком опорожнил заплечный мешок.

— Зачем? — изумился Ройбен, глядя на окровавленные костяные обрубки.

Пол в зале был предусмотрительно посыпан известью, но новый дар снова расцвел его красными пятнами.

Фавн пожал плечами. В шерсти, растущей на его ногах, запуталась ежевика.

— Леди Силариаль всегда радовали такие пустячки. Я просто хотел угодить королю.

Ройбен зажмурился и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Хорошо. Отлично!

Король повернулся к следующему дарителю.

Изящный юноша-фейри с иссиня-черными крыльями церемонно поклонился.

— Счастлив сообщить, что погубил около дюжины человеческих детей. Одних столкнул с крыши, а других завел в болото, где они и потонули, — произнес он нежным, мелодичным голосом.

— Понятно, — сказал Ройбен с деланным безразличием.

На миг он сам испугался того, что мог бы сделать с этим фейри. Король подумал о Кайе. Что сказала бы она, если бы услышала это? Он представил, как она стоит на крыше в своей спальной футболке и

трусиках, закрыв глаза, и качается на самом краю.

— Во имя мое? Думаю, ты делал это ради собственного развлечения. Мог бы придумать нечто более злобное и коварное, чем мучить детей, особенно сейчас, на пороге войны!

— Как прикажете, повелитель, — ответил крылатый юноша и поклонился.

Вперед выступил маленький горбатый хоб и торжественно развернул перед троном большой грязный сверток.

— Я убил тысячу мышей, отрезал им хвосты и сплел из них коврик. Приношу этот дар во славу вашего величества!

Первый раз с начала церемонии Ройбен едва не расхохотался. Он прикусил губу, чтобы сдержать смех.

— Мышей?

Король покосился на дворецкого. Руддлз поднял бровь.

— Мышей! — подтвердил хоб, гордо выпячивая грудь.

— Достойное деяние, — милостиво кивнул Ройбен.

Слуги свернули коврик, и хоб удалился, крайне довольный собой.

Шелки низко поклонилась. Ее крошечное тело было укрыто только желтовато-зелеными волосами.

— Я сглазила виноградники. Осенью, когда грозди почернеют, они нальются ядом. Вино из этих ягод ожесточит сердца смертных.

— Ибо сердца смертных недостаточно жестоки без твоего яда, — проворчал Ройбен.

Король нахмурился и подумал, что сам уже рассуждает как человек. И где он этого понабрался?

Шелки не заметила сарказма и расплылась в улыбке.

Так и тянулось дальше. Парад даров и деяний, одно другого страшнее, и все совершены во имя Ройбена, короля Зимнего двора. Снова и снова кровавые дары ложились к ступеням трона. Так кошка приносит мертвую птичку к ногам хозяина, после того как сама всласть с ней наиграется.

И каждый говорил:

— Во имя твое.

Во имя, которого не знал никто, кроме Кайи. Его имя. Теперь оно принадлежало другим. Его именем приказывали и проклинали. Ройбен скалился, улыбался и милостиво кивал подданным.

Лишь позднее, в личных покоях, наедине с ковриком из мышинных хвостов, он дал волю своему отвращению. Как же он ненавидел тварей из Зимнего двора, которые портили или губили все, с чем сталкивались! И себя, сидящего на троне этого царства чудовищ.

Он сидел и рассеянно смотрел на дары, когда стены зала потряс ужасный удар. На голову Ройбена ливнем хлынула грязь, запорошившая ему глаза. Еще удар, и пол закачался у него под ногами.

Ройбен пулей выскочил из покоев. В коридоре он наткнулся на Василька, фейри с волосами-лезвиями, засыпанного пылью, с зияющей раной на плече.

— Повелитель! На нас напали!

Несколько мгновений Ройбен озадаченно смотрел на него. При всей ненависти к Силариаль, в душе он все еще считал себя вассалом Летнего двора. У него в голове не укладывалось, что война уже началась и что Летний двор первым нанес удар.

— Займись раной, — бросил он на ходу, торопясь туда, откуда доносились крики.

Мимо него стрелой пронеслись несколько маленьких фейри, перемазанных с головы до ног. Какой-то гоблин взглянул на него глазами, полными слез, и припустил прочь.

Большой зал был в огне. Свод треснул, как яичная скорлупа, часть потолка провалилась внутрь. Клубы жирного черного дыма поднимались к звездному небу, испаряя падающий снег.

В середине зала стоял горящий грузовик. Оси колес погнулись, кабина была наполовину погребена под комьями земли и камнями, но огромные алые языки пламени прорывались наружу. Вокруг грузовика разливалось пылающее озеро масла и дизельного топлива, сжигавшее все на своем пути.

Ройбен застыл, парализованный зрелищем. По всему полу в

грязи и копоты валялись тела, десятки тел: его герольд Пух Чертополоха, Снагилль, украсивший потолок главного зала серебром... Хоб, соткавший коврик из мышинных хвостов, кричал и катался в пламени.

Кто-то налетел на Ройбена и отшвырнул его к стенке. На то место, где он только что стоял, упала гранитная глыба. По полу побежала глубокая трещина.

— Уходите, повелитель! — крикнул Эллебер.

— Где Руддлз? Дулькамара?

— Неважно. — Эллебер крепко схватил его за плечо. — Вы — наш король! Спасайтесь!

Из-за дымной завесы появились фигуры, добивающие упавших и раненых.

— Уводи отсюда фейри! — Ройбен рванулся, освобождая плечо. — Пусть уходят в развалины Киннелона.

Эллебер заколебался. Мимо них просвистели два арбалетных болта и со звоном ударили в то, что осталось от восточной стены. Наконечники были стеклянными, именно такими пользовались при Летнем дворе. Они так остры, что не поймешь, что ранен, пока не истечешь кровью.

— Ты же сказал, что я король. Выполняй!

И Ройбен ринулся вперед, в дымное марево. Эллебер остался позади.

Фавн, подаривший повелителю мешок копыт своих братьев, пытался выкопать другого фейри из-под земляного завала. Рядом лежал Сириллан, который так любил слезы, что собирал их во флаконы и держал в своей спальне. Его водянистая кожа была испачкана грязью и кровью, изъязвлена уколами серебряных дротиков. Вдруг фавн вскрикнул, выгнулся дугой и рухнул на пол.

Ройбен выхватил кривой меч. Он был воином от рождения, но сейчас в зале творилось нечто невозможное. Летний двор никогда прежде не сражался такими грязными методами.

В воздухе вспыхнула золотая молния. Ройбен успел уклониться за миг до того, как в грудь ему ударил трезубец. Девушка-рыцарь Летнего двора оскалилась и напала снова. Ройбен ударил ее мечом по

бедру. Девушка пошатнулась. В тот же миг Ройбен перехватил трезубец, а потом быстро и аккуратно вонзил зубья ей в горло. Кровь брызнула ему в лицо. Незнакомая девушка-рыцарь упала на колени, с удивлением глядя на собственное оружие, погубившее ее.

Но времени на раздумья не было. С другой стороны на него напали два человека. Один держал ружье. Ройбен отсек ему руку прежде, чем смертный успел нажать на спусковой крючок. Второго он полоснул поперек груди. Взъерошенный юноша, не старше двадцати лет, в футболке с символикой колледжа Брукдейл, рухнул под ударом кривого меча фейри.

В какой-то миг юноша напомнил ему Кайю.

Мертвую.

За спиной воина раздался резкий окрик. Ройбен отскочил, и целый сноп серебряных стрелок ударил в то место, где он только что стоял. В дыму он видел Руддлза, впившегося в лицо какого-то летнего фейри, и Дулькамару, которая полосовала ножами сразу двух врагов. Клотбурр, один из пажей Ройбена, швырнул во врага горящую лютню. Там, где прежде было зачарованное место, тела людей с железным оружием в руках лежали вперемешку с убитыми фейри Зимнего двора в сияющих доспехах.

Пламя лизало трупы, пожирая их один за другим. Повсюду клубился удушающий черный дым. Издалека доносились завывания сирен.

В довершение всего сюда явятся пожарные и зальют волшебные чертоги водой.

Клотбурр закашлялся и упал. Ройбен подхватил его за плечо.

— Как она это сделала? — прохрипела Дулькамара, сжимая клинки в побелевших пальцах.

Ройбен покачал головой. У фейри существовали ритуалы для мира и для войны. Невозможно было вообразить, чтобы Силариаль настолько пренебрегла внешними приличиями, тем более сила все равно оставалась на ее стороне.

С другой стороны, кто из ее слуг узнает о том, что здесь произошло? Только те немногие, которые командовали смертными, и то почти все они убиты. Никто не станет обвинять мертвых.

Ройбен сообразил, что неправильно понял вопрос Дулькамары. Ее не интересовало, как Силариаль осмелилась на такое безобразное вторжение. Дулькамара гадала, как королеве Летнего двора удалось его организовать.

— Дело в смертных, — произнес Ройбен, ужасаясь и преклоняясь перед гениальным решением бывшей повелительницы. — Подданные Силариаль зачаровали этих людей. Вместо того чтобы заставлять их бросаться с крыш, они бросили их на нас. Она создает отряды из смертных. Теперь мы не просто проиграли битву. Мы пропали.

Тяжесть раненого молодого фейри, обвисшего в его руках, напомнила Ройбену о других подданных.

«Я давал клятву заботиться о них, но легко отдал бы все их жизни в уплату за смерть Силариаль. Я слишком долго выжидал, хотя должен был готовиться к войне. Не отдал ли я их жизни даром?»

Руддлз хмуро взглянул на Ройбена, словно прочитав его мысли, и спросил:

— Что дальше, мой король?

Ройбен поймал себя на желании выиграть уже проигранную войну.

Он знал всего двух властительниц, и обеих нельзя было назвать добрыми. Он понятия не имел, как быть королем, как выигрывать войны. Единственный выход, который он видел, крылся в том, чтобы превзойти в свирепости их обеих.

* * *

Кайя пробиралась сквозь толпу к выходу из клуба, толкая перед собой Корни. Они проскользнули мимо женщины на входе, продававшей билеты. Она все еще выглядела околдованной. Корни держал руки высоко над головой, словно сдавался в плен, и шарахался от каждого, кто к нему приближался. Таким манером они пробежали несколько кварталов, обгоняя пешеходов, ковыляющих по слякоти в тяжелых пальто. Кайя видела, как у женщины в сапогах на высоких каблуках разъехались ноги и она шлепнулась в талый снег.

Корни наконец опустил руки. Теперь он вытягивал их перед собой, словно зомби, преследующий жертву.

— Давай за мной, — тяжело переводя дыхание, сказала Кайя. — Я знаю куда.

Они пошли дальше, забираясь в лабиринт одинаковых улиц с незнакомыми названиями. Кайя сделала круг. Они снова оказались возле «Кафе дез Артист», прошли чуть дальше и остановились у секс-шопа.

Перчатки, сказала Кайя в ответ на удивленный взгляд Корни и потащила его внутрь.

В «Пылком павлине» им ударил в нос густой запах пачули. По стенам были развешаны плетки и кожаные корсеты, поблескивавшие металлическими пряжками и застежками-молниями. За стойкой унылый с виду пожилой мужчина читал газету. Он даже не поднял взгляд на посетителей.

В глубине магазина виднелись хлысты, намордники и другие штучки в том же роде. Кайе казалось, что пустые глаза масок следят за каждым ее шагом. Она взяла с полки пару резиновых перчаток длиной до локтя, заплатила унылому продавцу пятью заколдованными листьями и зубами разорвала упаковку.

Корни стоял возле мраморного стола, перебирая в руках пачку рекламных листовок магазина. Под его пальцами возникали расходящиеся желтые круги. Бумага старела прямо на глазах. Увядало все, к чему он прикасался. Корни брал листок за листком, и его губы кривились в задумчивой улыбке, будто эта игра доставляла ему удовольствие.

— Прекрати, — приказала Кайя, вручая ему перчатки.

Корни посмотрел на нее, как на незнакомку. Он с отсутствующим видом натянул перчатки. Парень будто не понимал, где он, с кем и что делает.

На выходе Кайя заметила в витрине пару хромированных наручников, обшитых мехом норки. Она потрогала пушистый мех... а потом в ней вдруг проснулся инстинкт магазинной воровки. Девушка опустила наручники в карман, шагнула на улицу и закрыла за собой дверь.

— Все еще не могу поверить, что ты напал на какого-то парня в

туалете, — сказала Кайя, когда они перешли улицу.

— Да ну? — ошетинился Корни. — А мне не верится, что ты только что стащила пару наручников, клептоманка! В любом случае, тот парень не был «какой-то». Он явился в клуб прямиком из Летнего двора.

— Ты имеешь в виду, он был фейри? Как я?

— За тобой-то он и приходил. Этот тип сказал, что ему велено доставить тебя к Силариаль!

Последние слова Корни буквально прокричал. Имя королевы прозвенело в стилом ночном воздухе.

— И за это ты едва не убил его?!

— Не хочу тебя огорчать, — злобно сказал Корни. — Но Силариаль тебя ненавидит. Мало того, что ты поломала ее план захвата Зимнего двора, так еще и увела бывшего бойфренда.

— Хватит об этом!

— Знаю, знаю — Невыполнимое Задание. Я могу привести еще много пунктов из ее списка ненависти, но думаю, ты уловила мою мысль. Что бы она от тебя ни хотела, нам нужно противоположное.

— Мне наплевать и на королеву, и на ее посланцев! — заорала Кайя. — Я тревожусь о тебе! А ты ведешь себя как псих!

Корни пожал плечами, отвернулся и с преувеличенным вниманием стал изучать витрину с одеждой.

Потом он улыбнулся своему отражению и сказал:

— Кайя, я все равно прав насчет того типа. Им нравится мучить людей. Вспомни Дженет.

Кайя вздрогнула. Его слова прозвучали как обвинение, а боль потери была еще слишком свежа.

— Я знаю...

Корни перебил ее:

— К тому же я проклят, а значит, получил по заслугам, верно? Вселенная пришла в равновесие. Я огреб именно то, о чем просил.

— Я имела в виду вовсе не это, — возразила Кайя. — И вообще уже не знаю, о чем говорила. Однажды я облажалась, и теперь все

идет не так.

— Это ты-то облажалась?! Все, к чему я прикасаюсь, гниет! Как я буду есть? Как буду ходить в туалет?!

Кайя рассмеялась, сама того не желая.

— Не говоря уже о том, что мне теперь до скончания жизни придется покупать одежду в секс-шопах!

Корни потряс рукой в перчатке.

— Хорошая штука, — сказала Кайя. — Ведь помогла, правда?

Корни неохотно улыбнулся.

— Ладно, я вел себя глупо. По крайней мере, мы теперь знаем, чего хочет Силариаль.

Кайя покачала головой.

— Неважно. Давай вернемся в Бруклин и подумаем, что можно сделать с твоими руками.

Корни указал на уличный телефон, висящий на стене бара.

— Хочешь, позвоню твоей маме на сотовый? Скажу, что нас выкинули из клуба, потому что нам нет восемнадцати. Я — чемпион по вранью.

— После того как ты избил кого-то в туалете? — помотала головой Кайя. — Думаю, она уже знает, из-за чего нас на самом деле выкинули.

— Он первый на меня напал, — с лицемерным видом произнес Корни. — Я защищал свою непорочность.

Кайя открыла дверь маминой квартиры запасным ключом и бросилась на кровать. Корни со стоном рухнул рядом.

Кайя разглядывала трещины и пятна на потолке, старалась думать о проклятии Корни и о том, как объяснить маме их внезапное исчезновение из клуба. Но в голову ей упорно лез Ройбен. Вот он стоит на возвышении в большом зале Зимнего двора, а все его подданные склоняются перед ним...

Потом ее мысли перескочили на детей, украденных зимними фейри из колыбелек, кроваток и ходунков, чье место заняли

подменяши или кто похуже. Она представила тонкие сильные руки Ройбена, уносящие человеческое дитя.

Кайя повернула голову и увидела руки Корни, надежно упакованные в резину.

— Мы должны все исправить, — сказала она.

— Можно узнать, как мы это устроим? — поинтересовался Корни. — Не то чтобы я сомневался в твоих словах, но...

— Может, я могу снять с тебя проклятие? Я же владею магией!

Корни сел.

— Думаешь, получится?

— Не знаю. Сейчас избавлюсь от ореола и попробую что-нибудь сделать.

Она сконцентрировалась и представила, что ореол рвется на части и облетает с нее, как паутинка. Все ее чувства сразу обострились. Она могла уловить вонь гари на противне в духовке, выхлопы автомобилей с улицы и даже слабый запах тающего снега, который они принесли на подошвах. Кайя снова ощутила, что ее со всех сторон окружает железо, пожирающее магическую силу. Она чувствовала это так же явственно, как дуновение ветерка от собственных крыльев.

— Поехали, — сказала девушка и перекатилась поближе к Корни. — Снимай перчатки.

Он снял одну и вытянул перед собой руку. Кайя попыталась, как ее учили, представить магическую энергию в виде невидимого шара, покалывающего ладони. Она сконцентрировалась, и у нее получилось, несмотря на воздух, пропитанный духом железа. Но когда Кайя попыталась коснуться руки Корни, ее кожу обожгло, будто она схватила стебель крапивы. Она сложила пальцы по-другому, но проклятие снова ужалило ее, запрещая даже притронуться к Корни.

— Ничего не получается, — выдохнула она, встряхивая ладонь и позволяя энергии рассеяться.

Всего одна попытка полностью ее вымотала.

— Ладно, забей. Я слышал о парне, который умеет снимать

проклятие. Он человек, не фейри.

— Правда? Где ты о нем слышал?

Корни отвернулся к окну.

— Я забыл.

— А ты не забыл записку, которую передала мне та девушка? Там упоминался Посредник. С него и начнем.

— Думаешь, ему можно просто послать сообщение на пейджер, как торговцу наркотиками?

Корни зевнул и натянул перчатку на руку.

— Твоя мама отправит нас спать на пол, да?

Кайя повернулась и уткнулась лицом ему в плечо. Футболка Корни пропахла средством от тараканов. Зачем тот фейри проклял его, чего он добивался? Она снова подумала о другой Кайе, живой игрушке при Летнем дворе.

— Хочешь, чтобы я ей сказала? — пробормотала она.

— Что сказала? Что нам нужна нормальная кровать?

— Нет, что я — подменыш. Что ее настоящую дочь украли.

— Зачем тебе признаваться?

Корни убрал руку, и Кайя положила голову ему на грудь.

— Потому что мы — не настоящие дочка и мама. Я ей не принадлежу.

— А кому ты принадлежишь?

Кайя пожала плечами.

— Не знаю. Я ни рыба ни мясо. Что остается?

— Лягушка, — предположил Корни.

В замке повернулся ключ. Кайя подскочила. Корни схватил ее за руку.

— Ладно, расскажи ей.

Кайя быстро помотала головой. Дверь открылась, в комнату вошла Эллен. На ее волосах таял снег. Кайя напрягла все силы, чтобы накинуть ореол, но у нее ничего не вышло. Попытка колдовства и

железо съели больше энергии, чем она думала.

— Не получается, — прошептала она. — Не могу превратиться!

Корни фыркнул.

— Ты же собиралась ей все рассказать. Вот тебе и повод.

— Я слышала, что вы, ребята, во что-то влипли?

Эллен рассмеялась и положила чехол с гитарой на кухонный стол, застеленный клеенкой, потом стянула пальто и бросила его на пол.

Кайя отвернулась от матери и наклонила голову, пытаясь прикрыть лицо волосами. Кажется, ореол понемногу восстанавливался; по крайней мере, она больше не чувствовала за спиной крыльев.

— Он ко мне приставал, — заявил Корни.

Эллен подняла бровь.

— Зачем же так нервно воспринимать ухаживания?

— Тот парень вел себя как полный придурок, — подтвердила Кайя.

Эллен села на край кровати и принялась развязывать шнурки на ботинках.

— Похоже, я должна тихо радоваться тому, что два отважных борца со злом не пострадали. Кайя, что с твоими волосами? Ты выглядишь так, будто вылила на себя кувшин зеленой краски. И почему ты прячешь лицо?

Кайя вздохнула так резко и глубоко, что у нее закружилась голова и подвело живот.

— Знаете, пойду-ка я прогуляюсь до магазина на углу. Мне внезапно захотелось сырных палочек. Вам что-нибудь прихватить? — спросил Корни.

— Что-нибудь промочить горло, — сказала Эллен. — Пошарь в кармане пальто, там лежали какие-то деньги.

— Кайя, а тебе?

Девушка молча покачала головой.

— Ладно, скоро вернусь.

Он искоса взглянул на Кайю и вышел за дверь.

— Я должна что-то тебе сказать. — Кайя не могла поднять головы.

— Нет, это я должна тебе что-то сказать, — возразила Эллен и открыла стенной шкаф. — Знаю, я обещала, что мы останемся в Джерси, но не могу. Моя мать... Да ты сама все понимаешь. Я не хочу оставлять тебя с бабушкой. Ты должна жить со мной.

— Я... — начала Кайя, но Эллен снова перебила ее:

— Отлично. Я рада. Знаешь, я всегда считала так — пока ты счастлива, я буду правильной мамой, какой бы странной ни была наша жизнь. Но ты ведь несчастна, я вижу. Значит, и черт с ним, с этим Джерси. В Нью-Йорке все пойдет по-другому. Эта квартира — моя, а не какого-нибудь бойфренда. Я не только играю по клубам, но еще и барменшей подрабатываю. На этот раз все по-новому. Я хочу получить еще один шанс...

— Мама! — перебила ее Кайя, не поворачиваясь. — Думаю, тебе все-таки стоит выслушать меня, прежде чем продолжить.

— Насчет сегодняшнего? Да я понимаю, что вы рассказали мне не все. Вы никогда не напали бы на парня только потому, что он...

— Нет. Насчет другого. Того, что случилось давным-давно.

Эллен вытряхнула из пачки сигарету и прикурила ее от газовой конфорки. Она повернулась и прищурила глаза, словно заметила наконец-то зеленую кожу дочери.

— Ну, валяй.

Кайя глубоко вздохнула. Стук сердца так отдавался в ее ушах, будто оно находилось в голове, а не в груди.

— Я не человек.

Эллен нахмурилась.

— Не человек? Что это значит?

— Твоя настоящая дочь исчезла много лет назад. Когда она была совсем маленькой. Когда мы обе были маленькими. Они обменяли нас.

— Кто?..

— В мире есть сверхъестественные существа. Некоторые называют их фейри, другие — демонами или чудовищами. Когда фейри украли твою настоящую дочь, взамен они оставили меня.

Эллен посмотрела на дочь долгим взглядом. Пепел осыпался с сигареты прямо ей на ладонь.

— Полнейшая чушь. Кайя, взгляни на меня.

— Я ничего не знала до октября. Хотя могла бы догадаться, намеков хватало.

Глаза Кайи наполнились слезами, горло пересохло.

— Но я правда ничего не знала.

— Хватит! Это уже не смешно.

Голос Эллен прозвучал сердито и испуганно.

— Я могу доказать.

Кайя прошла на кухню.

— Люти-лу! Выходи и покажись.

Фея спорхнула с холодильника, приземлилась ей на плечо и привычно ухватила крошечными пальчиками за прядь ее волос.

— Мне скучно, — прозвенела она. — Тут воняет. Почему ты не взяла меня с собой на вечеринку? А если бы ты опять напилась и упала?

— Кайя, что это за штука? — дрожащим голосом спросила Эллен.

— Грубиянка! — обиделась Люти. — Я спутаю тебе ночью волосы. И молоко у тебя скиснет!

— Это моя свидетельница, — сказала Кайя. — Теперь ты меня в самом деле слушаешь.

— Кем бы она ни была, ты на нее не похожа.

Кайя сделала глубокий вздох и сбросила остатки ореола. Она не видела собственного лица, но прекрасно представляла, что видит Эллен. Черные глаза, блестящие, как нефть, кожа зеленая, как трава. Кайя видела свои запястья. Длинные тонкие пальцы, хищно

скрюченные, с лишним суставом.

Сигарета выпала из рук Эллен на пол и прожгла линолеум. Дырка, оплавленная по краям, в центре была угольно-черной, как глаза Кайи.

— Нет. — Эллен попятилась, мотая головой.

— Это я.

Руки и ноги Кайи похолодели, словно вся кровь отлила от них и бросилась в лицо.

— Вот так я выгляжу на самом деле.

— Не понимаю. Ты кто? Где моя дочь?

Кайя читала кое-что о подменышах, о том, как матери получить назад своего настоящего ребенка. Надо прижечь подмышку кочергой или просто бросить его в огонь.

— Твоя дочь в стране фейри, — ответила она. — Я ее видала. Но меня ты знаешь. Я все еще я. Я не хочу тебя пугать и могу объяснить все, если ты захочешь меня выслушать. Мы сумеем вернуть твою дочку.

— Вы украли мою дочку и теперь хотите мне помочь? — воскликнула Эллен.

На детских фотографиях Кайя выглядела крошечным костлявым заморышем. Это при том, что она постоянно хотела есть. Неужели Эллен ничего не заподозрила? Или заподозрила, но решила, что такого не может быть?

— Мамочка!

Кайя шагнула к матери, протянула было руки, но выражение лица Эллен остановило ее. Губы девушки скривились, с них сорвался нервный смех.

— Ты не ухмыляйся! — крикнула Эллен. — Тебе смешно, да?

Мать должна знать свое дитя до последнего ноготка, до самой маленькой складочки. Может, Эллен в глубине души желала отделаться от подмышку? Поэтому она порой забывала покупать еду, оставляла дочку с незнакомыми людьми, разрешала ей то, что все нормальные матери строго запрещают?

— Что вы, мать вашу, сделали с моим ребенком?! — заорала Эллен.

Кайя нервно хихикала, не в силах остановиться. Абсурд и ужас этого разговора могли найти выход лишь через смех.

Эллен залепила ей пощечину. Кайя умолкла, но через миг снова разразилась диким хохотом. Он рвался из нее, словно крик, стирал последние остатки человеческого. За спиной девушки распахнулись прозрачные крылья. Огромным прыжком Кайя перенеслась на столешницу. Над ее головой возник жаркий светящийся ореол, в котором тут же вспыхнула и осыпалась пылью моль, порхавшая в воздухе.

Изумленная Эллен попятилась и прижалась спиной к стенному шкафу.

— Я верну тебе настоящую дочь! — пообещала Кайя, стараясь убрать с лица широкоую жуткую усмешку.

В ее голосе смешались горечь и торжество. Все-таки какое облегчение! Она сделала то, что должна была, призналась наконец, что не является человеком.

Заодно Кайя поняла и еще кое-что очень важное. Ее Задание было выполнимым.

Глава шестая

Все у тебя отобрали: белые одеяния, крылья, и даже само существование.

Чеслав Милош. Ангелы.

Корни дрожал на крыльце дома. Холодный цемент жалил его сквозь тонкую ткань джинсов, на голову падали пушистые хлопья снега. Кофе, который он купил в ближайшей забегаловке, на вкус оказался как пепел, зато был горячий, поэтому Корни все же его выпил. Он старательно не замечал, что резиновые перчатки с краю уже начинали покрываться мелкими трещинками.

Корни гнал мысли о том облегчении, которое он ощутил, когда Кайя сказала ему, что не может снять проклятие. Сначала он чувствовал себя так, словно подцепил неизлечимую болезнь, будто гнил и увядал он сам, а не то, чего он касался. Но это чувство прошло. Он ведь не гнил, был в порядке. Теперь Корни думал обо всем, что ненавидел, что мечтал уничтожить. Его руки так крепко стискивали стаканчик, что в конце концов кофе выплеснулся ему на колени.

Дверь распахнулась с такой силой, что едва не оторвалась. Наружу выскочила Кайя. Рядом с ней, едва поспевая, летела Люти-лу. Корни рефлекторно поднялся на ноги.

— Чудесненько. Теперь она меня ненавидит, — сообщила Кайя, приблизившись. — Все, черт побери, сложилось так, как и планировалось!

— Значит, содовой она больше не хочет? — Корни открыл банку и сделал глоток. — О, диетическая!

Кайя даже не улыбнулась.

— Я собираюсь привести ей другую Кайю, — сказала она, кутаясь в красное пальто. — Хочу поменять нас местами.

— Но, Кайя... — Корни замялся, подбирая слова. — Ее дочка ведь именно ты, а вовсе не та девочка. Они даже не знакомы.

— Естественно, — глухо сказала Кайя. — Сначала им будет

неловко, но они быстро привыкнут.

— Все не так просто... — начал было Корни.

— Это именно просто! — оборвала его Кайя. — Я набираю номер, записанный на той бумажке, и отправляюсь к королеве Летнего двора. Если ей от меня что-то надо, то в уплату я потребую вернуть другую Кайю.

— Ха. Я даже знаю, что ей надо. Могу поспорить, она предложит обмен. Тиби-Кайя против твоей головы на блюде.

— Тиби-Кайя?!

Кайя взглянула на него, словно не зная, ударить или рассмеяться.

— Ну да. — Корни пожал плечами. — Знаешь, как в японских комиксах рисуют маленький, шуточный вариант персонажа с большой головой? Его и называют тиби.

— Я знаю, что это такое!

Кайя сунула руки в карманы.

— Дай на секунду мобильник.

Корни спокойно посмотрел на нее.

— А ты в курсе, что я иду с тобой?

— Я не...

— Я тебе пригожусь, — вставил Корни, не дав ей закончить. — Кроме того, там нигде не сказано, что ты должна идти одна. И мне не нужна твоя защита.

— А я и не собираюсь спасать тебе жизнь, когда ты во что-то ввяжешься!

— Кстати, ты говорила, что этот Посредник может что-то сделать с моим проклятием. Значит, мы ему обязательно звоним, и я все равно иду с тобой.

— Ладно, договорились! Давай телефон!

— Я сам позвоню, — сказал Корни и протянул руку.

Кайя вздохнула, сдалась и отдала ему бумажку.

Корни пришлось набирать номер трижды. Ему мешали толстые перчатки. Раздался звонок, электронный голос произнес: «Дождитесь

сигнала и наберите ваш номер».

— Пейджер, — ответила Корни на взгляд Кайи. — М-да, похоже, твой проводник к Летнему двору — занятой тип.

Люти опустилась на плечо Кайи и завернулась в прядь ее зеленых волос, как в плащ.

— Так ужасно холодно, что просто кошмар, — объяснила она.

— Пошли к машине, — предложила Кайя. — Может, к тому времени, как мы дойдем, он перезвонит.

Корни попрыгал, пытаясь согреться.

— Или мы ляжем спать на заднем дворе, зарывшись в мусор, как брат и сестра в «Детях в лесу»...

— Люти, — сказала Кайя, прерывая его. — Останься и присмотри за мамой. Пожалуйста! Просто чтобы знать, что с ней все в порядке.

— Но там воняет и скучно.

— Люти, пожалуйста! Там, куда мы идем, может быть опасно.

Люти вспорхнула с плеча девушки. Белые крылья и светлые волосы придавали ей сходство с пушистым комком снега.

— Меня скоро стошнит от железа, но ради тебя я останусь! Да, ради тебя!

Она ткнула крошечным пальчиком в сторону Кайи и взлетела к приоткрытому кухонному окну.

— Мы постараемся вернуться как можно быстрее! — крикнул Корни.

Он проводил Люти с облегчением. Слишком сложно было не таращиться постоянно на эти кукольные ручки и птичьи черные глазки. Слишком мало в них было от человека.

Стоило им перейти улицу, как зазвонил телефон.

— Алло, — сказал Корни, открыв его.

— Что тебе надо?

Голос в трубке был молодой, тихий и злой.

— Кто дал тебе этот номер?

— Прошу прощения. Наверное, я не туда попал.

Корни покосился на Кайю и сказал:

— Мы ищем... ну... Посредника.

На линии молчали. Корни подивился, какой тяжелой может быть тишина.

— Ты все еще не сказал, что тебе надо.

— Моя подруга получила записку. Там сказано, что ты поможешь ей увидеть королеву.

— Хорошо.

— Эй, подожди, так это ты Посредник?!

— Спроси его о проклятии, — подсказала Кайя.

— Да, это я.

Последняя фраза прозвучала так мрачно, что Корни усомнился, была ли она ответом на его вопрос.

— Да, я могу отвести девчонку куда надо. Пусть придет завтра утром в указанное место, и я ее доставлю. У тебя есть на чем писать?

— Минуточку...

Корни принялся обшаривать карманы в поисках бумажки. Кайя протянула ему ручку.

— Готов, давай.

Парень продиктовал ему адрес, который Корни записал на тыльной стороне ладони Кайи. *Риверсайд-драйв в Верхнем Вест-Сайде.*

— Я приду сегодня, — сказала Кайя. — Скажи ему. Сегодня!

— Она хочет сегодня, — повторил Корни в трубку.

— Она что, ненормальная? — удивился парень. — Уже два часа ночи.

Кайя выхватила у Корни телефон.

— Просто скажи, куда идти. Угу. Понятно.

Она закончила разговор и вернула телефон другу.

— Он нас ждет. Пошли.

* * *

Корни припарковался под знаком «остановка запрещена», решив, что переставит машину позднее. За деревьями тускло блестела река, отражая огни города. Кайя вышла из машины, сделала глубокий вдох, и ее кожа стала розовой, а глаза и волосы приобрели нормальный человеческий вид.

Друзья прошли по улице, разглядывая номера домов, и наконец остановились перед блестящей черной дверью респектабельного невысокого особняка.

— Вот местечко, да? — протянул Корни. — Неплохо устроился этот Посредник. Даже чересчур неплохо!

— Адрес правильный.

Кайя протянула руку, чтобы Корни убедился сам.

На крыльцо вышла женщина с покрасневшими глазами и кудрявыми волосами. Дверь захлопнулась бы у нее за спиной, если бы ее не успел перехватить Корни. Когда женщина спустилась с крыльца, он заметил связку веточек в ее руках.

— Надо бы выяснить об этом побольше, — сказал он, увидев, что Кайя тоже не сводит глаз с веток.

Девушка молча нажала на кнопку домофона.

Через несколько мгновений на крыльце появился темнокожий парень с брэдами.^[6] Один зрачок у него был затуманен молочно-белой катарактой, бровь проколота, в губе тоже блестело металлическое колечко, а рядом с ним виднелся бледный след от шрама, будто еще одно колечко когда-то было вырвано с мясом.

— Ты из Летнего двора? — недоверчиво спросил Корни.

Парень покачал головой.

— Я такой же человек, как ты. А вот она — другое дело.

Он кивнул на Кайю.

— Королева ничего не говорила про пикси. Фейри не разрешается заходить в мой дом.

Корни тоже посмотрел на приятельницу. Она сейчас выглядела совершенно как человек: никаких крыльев, глаза нормального карего цвета.

— Что именно сказала королева? — спросила Кайя.

— Ее посланник сообщил мне, что у вас небольшие проблемы с фейри, — сказал парень, поглядывая на Корни.

Кайя пихнула спутника в бок. Тот закатил глаза. Значит, теперь это называется небольшими проблемами!..

— Меня попросили передать, что леди Силариаль приглашает вас к Летнему двору, — продолжал парень. — Надвигается война, и она хочет, чтобы вы определились, на чьей стороне...

— Так, хватит, — перебил его Корни. — Кайя, пошли отсюда.

— Нет, — возразила она. — Подожди.

Парень улыбнулся.

— Королева догадывалась о ваших колебаниях. И поэтому...

— Погоди, — снова встрял Корни. — Дай угадаю. Только сегодня, только королева предлагает бесплатную подписку на журнал за каждый первый визит в страну фейри! На выбор предлагаются «Русалки топлес» или «Келпи по выходным».

Парень удивленно рассмеялся.

— Ну да. Но не только подписка. Королева предлагает вам защиту. Полная безопасность на пути туда и обратно.

«Он что, Толкиена сейчас процитировал?» — в свою очередь, удивился Корни.

Парень, мягко говоря, не выглядел любителем фэнтези.

— А я тебя уже видала — прищурилась Кайя. — При Зимнем дворе.

Улыбка пропала с лица Посредника.

— Да, я там был. Один раз.

— С девушкой. Она сражалась с одной из подданных Никневин.

Думаю, меня ты не вспомнишь.

— Так ты из зимних фейри?

Парень перевел взгляд на Корни, и его губы скривились. Тот напомнил себе, что чужие мнения ему по барабану.

— Типа того, — ответила Кайя.

— Не самое приятное место, — процедил парень сквозь зубы.

— А Летний двор сделан из сахара и меда и все там добрые и милые? — спросила Кайя.

— В точку.

Парень сунул руки в карманы.

— Вот что. Королева просила отвести вас к ней. Отказать ей я не могу. Приходите-ка вы утром. У меня есть еще одно дело, и я не хочу, чтобы вас тут видели.

— Мы не можем уйти, — сказал Корни. — Нам негде спать.

Парень посмотрел на Кайю.

— Ее я точно не могу тут оставить. Я выполняю работу для людей. Для смертных, понимаете? Мои клиенты увидят тут фейри и ее слугу и перестанут мне доверять.

— Выходит, люди пока не догадываются, что ты слуга Силариаль? — съязвил Корни. — Значит, они таки перестанут тебе доверять. Что ж, правильно сделают.

— Я делаю то, что должен, — ответил парень. — В отличие от тебя, ты, маленький лакей Зимнего двора. Любишь смотреть, как они мучают смертных, или это зрелище тебе уже приелось?

Корни толкнул его в плечо с яростью, которая удивила его самого.

— Да что ты вообще обо мне знаешь?

Парень пошатнулся и выпрямился с презрительным смехом. Корни подумал о своих смертоносных руках, скрытых под тонкой резиной перчаток. Ему захотелось остановить этот смех.

Кайя шагнула между ними.

— Иными словами, если я сниму ореол и сяду у тебя на крыльце,

то создам тебе проблемы?

— Ты не должна так поступать. Ореол защищает тебя, хоть я его и не вижу.

— Не видишь ореол?

Корни вдруг понял нечто очень важное. Парень не просто распознал, что Кайя — не человек. Он сказал, к какому роду фейри она относится, хотя ее скрывал ореол.

В памяти Корни всплыли слова маленького хоба: «Есть один юноша с Истинным Зрением. В огромном железном городе, где живут изгнанники. Он умеет снимать чары со смертных».

А у этого парня было Истинное Зрение, и он не видел ореол.

Корни повернулся к Кайе и слегка подмигнул ей, а потом улыбнулся Посреднику.

— Могу поспорить, так она и сделает. Эх, а я ведь не смог привыкнуть к этим ее крыльям и дурацкой зеленой коже. Думаю, мы сядем на твоём крыльце и проторчим тут до утра. Мы не будем делать ничего плохого! Просто когда к тебе придут, скажем, что ты немного занят, но скоро придешь. Вот только поможешь одному лоху найти ключи.

Посредник нахмурился. Корни стиснул руку Кайи, призывая ее продолжать игру. Она покосилась на него и пожала узкими плечиками.

— По крайней мере, ты будешь знать, где нас искать утром.

— Ладно. — Парень махнул рукой. — Заходите.

— Спасибо, — сказал Корни. — Кстати, ее зовут Кайя. Не «эта пикси» и не «моя госпожа из Зимнего двора». А я... — Он сделал паузу. — Я Нейл Корнелиус. Люди зовут меня Нейл.

Кайя отвернулась, с огромным трудом удержавшись от хохота. Приятель сердито посмотрел на нее. Он не хотел, чтобы этот тип звал его Корни. Посредник и так демонстрировал не слишком высокое мнение о нем, а тут еще это ненавистное имя, которое годится только для ботанов и придурков.

— Я Луис, — представился Посредник, открывая дверь. — А тут я живу. Хотя это не мой дом, я сюда просто вселился.

— Просто вселился? — изумилась Кайя. — В дом в Верхнем Вест-Сайде?

Внутри царило запустение. Стены покрывали извилистые трещины, деревянные полы в выбоинах. Потолок пятнали разводы мокрой бурой плесени. В одном углу обвалилась штукатурка, обнажив электропроводку. Из рта вырывался пар, как на улице.

— М-да, — хмыкнул Корни. — Выглядит, конечно, грандиознее трейлера. Но по сути то же дерьмо, даже хуже.

— Как ты нашел это место? — поинтересовалась Кайя.

Луис взглянул на нее и спросил:

— Помнишь ту фейри из Зимнего двора, с которой сражалась моя подруга Вэл?

Кайя кивнула.

— Да, Мабри. У нее были козьи копыта. Она пыталась убить Ройбена. А твоя подруга убила ее.

— Это прежнее жилище Мабри.

Луис вздохнул и повернулся к Корни.

— Слушай, я не хочу, чтобы вы разговаривали с моим братом. Фейри обошлись с ним очень скверно. Просто не обращайтесь на него внимания.

— Конечно, — озадаченно ответил Корни.

Луис провел их в гостиную, меблированную перевернутыми картонными коробками и продавленными диванами. На полу сидел очень худой чернокожий подросток с дредами, похожими на шурупы, и ел лакричные конфеты из пластиковой упаковки. Чертами лица он напоминал Луиса, но из его глаз смотрела жуткая пустота, а уголки рта были неестественно опущены.

Кайя плюхнулась на коричневую кушетку и откинулась на подушки. Сквозь ветхую ткань, заляпанную чем-то весьма похожим на кровь, торчали клочья наполнителя. Корни сел рядом.

— Дэйв, это люди, которым я помогаю, — сказал Луис. — Они останутся на ночь. Это не значит, что мы друзья, и...

Его речь прервал сигнал зуммера. Луис сунул руку в карман,

достал пейджер и прочитал сообщение.

— Черт!

— Можешь позвонить с моего мобильного, — предложил Корни и тут же ощутил себя идиотом.

«Зачем я пытаюсь быть предупредительным с этим парнем?»

Луис мгновение помолчал. В сумраке его слепой глаз казался голубым.

— Тут недалеко в закусочной есть платный телефон. Хотя ладно. Давай свой мобильник.

Корни мрачно посмотрел на него и принялся шарить по карманам. Луис взял телефон и молча вышел.

Кайя наклонилась к другу и прошептала:

— Не можешь объяснить, что мы изображали на улице?

— Он видит сквозь ореол, — шепотом ответил Корни. — Я слышал о нем. Посредник умеет снимать проклятия фейри.

Кайя фыркнула.

— Неудивительно, что он пытался нас выставить. Мы ведь знаем про его шашни с Летним двором. Похоже, он играет на обеих сторонах. Когда вернется, спроси его про руки.

— Что за шашни? — неожиданно задал вопрос Дэйв.

Его голос напоминал шелест бумаги.

— Чем занят мой брат?

— Не обращай внимания, — посоветовал Корни.

— Почему нам посоветовали не говорить с тобой? — спросила девушка.

— Кайя! — предостерегающе сказал Корни.

— Что? Луиса здесь нет. Я хочу знать.

Дэйв засмеялся горьким, бессмысленным смехом.

— Он все время пытается играть в старшего брата. Не понимает, что ему меня не защитить. Они все равно меня убьют.

— Кто убьет? — затаив дыхание, спросил Корни.

— Мы с Луисом работали курьерами у троллей.

Дэйв сунул в рот целую горсть конфет и принялся энергично жевать их.

— Лекарство. Средство от железной болезни. Знаете, на что ради него готовы фейри?

Корни наклонился. Он был явно заинтригован, даже против своей воли.

— На что?

— На все, что только угодно. Все фейри, без исключения.

Вдалеке раздался стук, словно кто-то вошел в дверь. Кайя повернулась к дверному проему. Из рта Дэйва вывалилась наполовину прожеванная конфета.

— Похоже, братец что-то затевает. А вы знаете, что моча — лучшее средство от чар фейри?

Кайя скорчила гримасу.

Дэйв довольно захихикал.

— Спорим, он сейчас мочится в чашку?

Кайя поудобнее устроилась на диване, скинула ботинки и положила ноги на колено Корни. Они пахли растоптанными одуванчиками.

Корни подумал о соке одуванчиков, липком и белом, как молоко. Ему вспомнилось, как он отрывал головки цветов и кидался ими в сестру на июньской лужайке, много лет назад. Внезапно ему стало грустно.

— Погоди, — вернулась к разговору Кайя. — Почему они хотят тебя убить?

— Да потому, что я отравил целую кучу фейри. Я уже покойник. И какой смысл тянуть время, скрываясь тут, пока братец пытается выторговать мне еще неделю-другую жизни? Я бы лучше повеселился напоследок. Помирать, так с музыкой!

Дэйв ухмыльнулся, но его улыбка походила на жалобную гримасу боли.

— Луис может командовать сколько хочет, но я знаю, что скоро

он уходит. Что ж, кот из дома — мыши наконец-то спляшут.

Корни моргнул, движением век прогоняя воспоминания.

— Минуточку. Ты убил кучу фейри?

— Думаешь, я вру?

— Эй! Чем это вы тут заняты?

В дверях появился Дэйв. За его спиной маячили девочка с латиноамериканской внешностью и женщина, видимо ее мать. Корни рукой в перчатке обхватил щиколотку Кайи.

— С кем хочу, с тем и говорю, — заявил Дэйв и поднялся. — Думаешь, ты лучше меня?

— Я не лучше, я умнее, — спокойно сказал Луис.

Девочка повернулась к Корни, и он увидел, что ее лицо скрыто в тени венка из дикого винограда, который, казалось, прорастал прямо сквозь ее кожу. Там, где наружу пробивались шипы, на коже проступали небольшие пятна засохшей крови.

— Ничего ты не знаешь! — Дэйв пнул стол так, что тот опрокинулся, и выбежал из комнаты.

Луис повернулся к Кайе и закричал:

— Если я только узнаю, что вы к нему хотя бы близко подошли!.. Если вы с ним разговаривали!..

— Пожалуйста, — сказала женщина. — Моя дочь!

— Извините.

Луис потряс головой и посмотрел на дверь.

— Что с ней случилось? — поинтересовался Корни.

— Она очень часто встречала тех мальчиков в парке. Они все время там гуляют, — заговорила пожилая женщина. — Симпатичные, но беспокойные. Однажды они надоели Лале, и она обругала одного из них. А теперь появилось вот это. Ничто не помогает.

— Вы оба выйдите из комнаты и подождите, когда я закончу. — Луис принялся закатывать рукава куртки. — Тут сейчас будет не до вас.

— Мне и тут хорошо, — возразил Корни, принимая

безразличный вид.

Когда у него бывали приступы мизантропии, он любил предаваться разным фантазиям. В одной из них Корни был ужасающим психом, парнем, который в один прекрасный день слетает с катушек, берет большое ружье и выходит на охоту, а потом хоронит тела всех, кто его обидел, в братской могиле в яме на заднем дворе. Еще была фантазия с непризнанным гением, которого мир недооценивает, но в конце он торжествует благодаря всезнанию и могучему интеллекту. В самых любимых грезах он втайне от всех обладал некой сверхъестественной силой.

— Надо, чтобы она легла на пол, — сказал Луис.

Он сходил на кухню и вернулся с разделочным ножом. Женщина побледнела и отвела взгляд.

— Холодное железо.

Да, Луис в самом деле обладал волшебной силой и знанием тоже. Корни был раздавлен, когда понял, что сам-то он обладал только какими-то жалкими проклятыми руками.

— Зачем это? — спросила Лала, со страхом глядя на нож.

— Обещаю, я не буду тебя резать, — поклялся Луис.

Женщина недоверчиво прищурилась, но Лала успокоилась и без возражений легла на пол.

Колючие побеги у нее под кожей вдруг пришли в движение. Девочка вскрикнула от страха и боли. Кайя взглянула на Корни, подняв бровь.

— Он ведь знает, что делает, да? — спросила женщина у Корни.

— Конечно, — кивнул тот.

Луис вытащил из кармана горсть белого порошка, похожего на соль, и рассыпал его по всему телу девочки. Она кричала и отбивалась. Лозы под кожей извивались, словно змеи.

— Он делает ей больно! — воскликнула женщина и прижала руки ко рту.

Луис даже не оглянулся. Он высыпал девочке на голову еще горсть порошка. Лала завизжала и закашлялась. Кожа на ее лице натянулась, как резина, шея раздулась, не давая ей дышать. Она

раскрывала рот, но даже кричать больше не могла.

Вдруг изо рта девочки вырвались сочные побеги, усаженные шипами, и нацелились в лицо Луиса. Он успел отмахнуться ножом. Железо с легкостью рассекло растение, но изо рта Лалы лезли все новые лозы. Они извивались, словно щупальца, шарили в воздухе, пытаясь оплести и придушить Луиса.

Корни взвыл и вскочил с ногами на диван. Кайя застыла в ужасе. Крики матери Лалы превратились в непрерывный пронзительный визг.

Одной лозе удалось захватить запястье Луиса, другие устремились к его шее, третьи извивались вдоль пола. Длинный шип впился в его руку. Глаза Лалы закатились, тело забило судорогах, изо рта потекла кровь.

Луис выронил нож и принялся рвать побеги руками, не обращая внимания на их попытки опутать его. Корни нагнулись, схватил нож и перерезал ближайшую лозу.

— Не надо, идиот! — заорал Луис.

Он рванул пучок побегов и с корнями выдрал его из горла Лалы. Белые корни, блестящие от слизи, шевелились, словно клубок червей. В тот же миг лоза почернела и рассыпалась в прах.

Лала закашлялась. Мать упала рядом с ней на колени, причитая и гладя ее по голове. Все руки Луиса были покрыты синяками и царапинами. Он стоял и смотрел перед собой невидящим взглядом, словно пьяный.

Мать помогла Лале встать и повела ее к двери.

— Грасиас, грасиас, — бормотала она.

— Подожди, — сказал Луис, приходя в себя. — Мне надо минутку поговорить с твоей дочерью. Наедине.

— Я не хочу, — запротестовала девочка.

Но мать кивнула.

— Только быстро. Она очень устала.

Женщина вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Луис обратился к Лале:

— Ты ведь рассказала маме не всю правду?

Миг она колебалась, потом кивнула.

— Один из тех парней чем-то тебя угостил, верно? И ты попробовала, хотя бы чуточку? Может, одно зернышко?

Она снова кивнула, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Да, — прошептала девочка и убежала вслед за матерью.

Луис повернулся к Корни.

— Твоя пикси говорила с моим братом?

— С чего ты взял?

Луис зевнул.

— С того, что нам надо убираться отсюда. Пошли, я покажу спальню.

* * *

Корни улегся на матрасе, брошенном на пол в комнате, которая когда-то была столовой. Дэйв уже спал возле дальней стенки, с головой завернувшись в груды одеял и отгородившись баррикадой из стульев. Кайя устроилась напротив двери в гостиную, обняла подушку и немедленно уснула. Луис лег с ними по соседству.

Корни пошевелил пальцами, глядя, как суставы двигаются под тонкой резиной. Перчатки уже потускнели. Утром они, возможно, станут ломкими. Парень осторожно вынул руку из перчатки и притронулся к подушке Луиса. Тонкая ткань мгновенно расползлась, наружу полезли растрепанные перья. Словно зачарованный, Корни наблюдал, как они медленно разлетаются в бледном свете, льющемся из окон.

Луис повернулся во сне. Несколько перьев запутались в его косичках, одно прилипло в уголке рта и трепетало при каждом вдохе и выдохе. Корни представил, как оно щекочется, и ему захотелось убрать его. Он поднял руку.

Глаза Луиса приоткрылись.

— Куда смотришь?

— Ты болтал во сне, — быстро соврал Корни. — Нес какую-то чушь.

Луис что-то буркнул и повернулся на другой бок.

Корни натянул перчатку. Его сердце колотилось, и спать расхотелось совсем.

«Он мне нравится, — подумал Корни в ужасе, и этот абсурд, в довершение всего остального, привел его в бешенство. — Блин. Он мне нравится».

* * *

Кайю разбудил солнечный свет, бьющий в огромные окна. Корни растянулся рядом. Он слегка похрапывал и каким-то образом ухитрился намотать на себя все ее одеяла. Дэйв и Луис исчезли.

Рот Кайи совсем пересох. Девушке так хотелось пить, что ее даже не волновало, где она находится и что случится дальше. Она добралась до ванной и вдоволь напилась из-под крана. Вода на вкус отдавала железом. Железо было везде, оно пузырилось в трубах и сочилось с потолка.

Кайя отправилась на поиски еды, и тут ее внимание привлек странный шум, напоминавший звон монет.

Запах плесени усилился, и девушка вдруг почувствовала, что ее ореол исчезает. Она взглянула на ладонь. Та была зеленой, как трава. Кайя пошла на звук. Он привел ее в комнату, где стоял полуразвалившийся диван, а в камине горел огонь.

У окна стоял человек средних лет, на плече которого висела переполненная курьерская сумка. Он увидел Кайю и сразу заговорил. Но вместо слов у него изо рта посыпались медные монетки. Они звонко забренчали по паркету, раскатываясь во все стороны.

Луис положил руку ему на плечо.

— Ты делал то, что я сказал? — спросил он, нагнулся и начал собирать монетки. — Я знаю, металл на вкус как кровь, но ты должен себя заставлять.

Человек кивнул и указал на свой рот.

— Лекарством служат твои же слова. Ты должен их проглотить. Каждую монетку!.. Ты утверждаешь, что так и делал?

На этот раз мужчина заколебался.

— Часть потратил, да? Только не говори, что ходил в «Койнстар» или еще какое-нибудь идиотское место!

— Угу, — промычал мужчина, и на пол упала еще монетка.

— Иди и ищи остальные. Это единственный способ вылечиться.

Луис скрестил руки на груди. Накачанные мускулы проступили под тонкой футболкой.

Кайя подумала, что на самом деле она знала о фейри очень мало.

Мужчина явно хотел что-то сказать, возможно, намекнуть, что он обойдется и без чужих указов, но вместо этого кивнул, тщательно собрал с пола оставшиеся монетки, пересчитал их, ссыпал в сумку и вышел без всякого намека на благодарность.

— Я велел тебе не показываться, — хмуро сказал Луис, поворачиваясь к Кайе.

— Со мной что-то творится, — объяснила девушка. — Проблемы с ореолом.

Луис застонал.

— Хочешь сказать, что мой клиент видел перед собой зеленую девушку с крыльями?

— Нет. Просто мне требуется больше усилий, чтобы замаскироваться.

— Железо города быстро вытягивает из фейри магическую силу, — со вздохом сказал Луис. — Вот почему они тут не живут, если у них есть выбор. Только изгнанники и те, кто в силу разных причин не может вернуться к своему двору.

— А почему они не могут присоединиться к другому двору? — спросила Кайя.

— Думаю, некоторые так и делают. Но это опасно. Их могут убить с такой же вероятностью, как и принять. Вот они и живут здесь, а железо медленно пожирает их.

Он еще раз вздохнул.

— Если тебе реально плохо, то есть лекарство. Оно называется «Никогда» и помогает от железной болезни. Сейчас я не могу его тебе дать, но...

— «Никогда»? Это как в поэме: «Каркнул ворон...»

— Так брат его назвал. — Луис тряхнул головой. — Это лекарство дарует людям магическую силу. Превращает нас почти в фейри. Возвышает. Но его нельзя принимать чаще чем раз в день, два дня подряд или больше одной порции зараз. Никогда. Кстати, держи своего приятеля от него подальше.

— Конечно, — сказала Кайя и подумала о голодных глазах Дэйва.

— Хорошо. Ты готова идти?

Кайя кивнула.

— Еще один вопрос. Слышал ли ты о проклятии, когда увядает все, к чему ты прикасаешься?

Луис кивнул.

— Вариации на тему царя Мидаса. Все, к чему ты прикасаешься, превращается в... Дальше надо вписать нужное слово. Золото. Дерьмо. Мармелад. Весьма сильное заклятие. — Он нахмурился. — Только совершенно чокнутый или по-настоящему разъяренный фейри может наложить такое мощное проклятие на смертного.

— А ты знаешь, как исцелиться от проклятия Мидаса?

— Морская вода. Мидас нашел реку с соленой водой и исцелился. Думаю, океан подошел бы лучше. Но принцип тот же. Нечто с солью.

В комнату, широко зевая, вошел Корни.

— Что происходит?

— Итак, Нейл. — Луис бросил взгляд на перчатки. — Рассказывай. Она прокляла тебя по ошибке?

Корни тупо моргнул, поскольку напрочь забыл псевдоним, придуманный вчера. Потом до него дошел смысл вопроса.

— Нет, — сказал он. — Я навлек на себя проклятие умышленно.

Глава седьмая

*Ночь будет певучей и нежной,
А думы, темнившие день,
Бесшумно шатры свои сложат
И в поле растают, как тень.*

Г. У. Лонгфелло. Дня уж нет. [\[7\]](#)

Над заброшенным владением Антермейер шел снег, укрывая грязь и мертвую траву призрачным белым пологом. Остатки усадьбы, частично уничтоженной пожаром, просвечивали сквозь голые ветви сада. Широкая каминная труба возвышалась, как башня, оплетенная сухими виноградными лозами. Под остатками шиферной крыши подданные Зимнего двора наспех разбили лагерь.

Ройбен сидел на низкой лежанке и смотрел, как в его покои входит Этайн. Она двигалась так легко, будто не шла, а парила над землей. Ройбен был совершенно невозмутим. Когда один из стражей схватил его сестру за руку и вынудил споткнуться на пороге, лицо короля выразило только легкое недовольство ее неуклюжестью. Перед ним стояли графины с настойками из клевера и крапивы, блюда с охлажденными фруктами и тарелки с маленькими птичьими сердечками, блестящими свежей кровью. Ройбен ел виноград, не выплевывая семечек. Они хрустели у него на зубах.

— Этайн, добро пожаловать.

Она нахмурилась, открыла рот, поколебалась, и сказала просто:

— Моя госпожа Силариаль знает, что нанесла Зимнему двору смертоносный удар.

— Я не знал, что твоя госпожа любит хвастаться, тем более через посредников. Иди сюда, попробуй фруктов. Они остудят твой горячий язычок.

Этайн молча подошла к столу и примостилась на самом краю лежанки. Ройбен протянул ей агатовый кубок. Она сделала маленький глоток и поставила кубок на стол.

— Тебя раздражает необходимость быть вежливой со мной, — сказал он. — Полагаю, Силариаль приняла во внимание твои чувства, когда выбирала посланника?

Этайн безмолвно созерцала земляной пол. Ройбен встал.

— Ты ведь умоляла ее послать кого-нибудь другого, да? — спросил он мстительно. — Возможно, даже призналась, как тяжело тебе видеть, во что превратился твой брат!

— Нет, — тихо ответила Этайн.

— Нет? Готов поспорить, ты это говорила, хотя, может, и другими словами. Теперь ты сама видишь, как Силариаль печется о своих слугах. Ты — просто еще одно средство, чтобы уколоть меня, и ничто больше. Вот она и отправила тебя сюда, не слушая мольбы.

Этайн крепко зажмурилась. Ее руки, сжатые в кулаки, лежали на коленях. Ройбен взял ее кубок и отпил из него. Этайн невольно бросила на него сердитый взгляд. Давно, в детстве, она сердилась точно так же, когда он дергал ее за волосы. Ей было больно видеть в нем врага.

— Не похоже, чтобы ты заботился о моих чувствах больше, чем королева, — сказала она.

— Это не так, — серьезно ответил Ройбен. — Давай выкладывай свое послание.

— Госпоже известно, что Зимнему двору нанесен серьезный ущерб. Кроме того, она знает, что свободные фейри отвернулись от вас после отмены десятины.

Ройбен оперся о стену.

— Когда ты так говоришь, даже голос твой звучит как у королевы.

— Не кривляйся. Госпожа Силариаль предлагает тебе сразиться в поединке с лучшим из ее рыцарей. Если победишь, она оставит твои земли в покое на семь лет. Если проиграешь, Зимний двор отойдет к ней.

Этайн посмотрела на брата взглядом, полным боли, и добавила:

— А ты должен будешь умереть.

Ройбена так удивило предложение Летнего двора, что он

пропустил мимо ушей безмолвную мольбу сестры.

— Понять не могу, то ли это безмерная щедрость, то ли безмерное коварство. Зачем королева дает мне шанс выиграть, если я и так почти проиграл?

— Она хочет, чтобы твои владения остались целыми и невредимыми, не ослабленными войной. Слишком много великих дворов исчезли или выродились, стали пристанищем для кучки сброда.

— А вам не приходило в голову, что будет, если не станет вообще никаких дворов? — тихо спросил Ройбен. — Никаких торжественных клятв и пустых обязательств, никакой древней вражды и бесконечных войн?..

— Мы и так слишком зависимы от людей, — хмурясь, ответила Этайн. — Когда-то мы жили отдельно. Но сейчас нам нужны смертные, от фермеров до нянек для наших детей. Так уж сложилось. Мы существуем рядом с ними, едим с их столов. Если падут дворы, то фейри просто превратятся в паразитов, у которых нет ничего своего. Настанет конец нашего прежнего мира.

— Не думаю, что все так серьезно.

Ройбен отвернулся от сестры. Он не хотел, чтобы она видела его лицо.

— Теперь вернемся к нашим делам. Передай Силариаль, что я принимаю ее сомнительное и, прямо скажем, оскорбительное предложение, но с одним уточнением. Ей тоже придется кое-чем рискнуть. Я хочу, чтобы она поставила на кон свою корону.

— Она никогда не отдаст тебе...

— Не мне, — перебил ее Ройбен. — Тебе.

Этайн раскрыла рот, но из него не вырвалось ни звука.

— Передай ей вот что. Если она проиграет, то ты станешь королевой Летнего двора. А если проиграю я, то отдам ей и царство, и жизнь.

Ройбен был доволен. Условия оставались жесткими, но теперь они его устраивали. Этайн поднялась из-за стола.

— Издеваешься?

— Не глупи, — махнул он рукой. — Сама знаешь, что нет.

— Королева сказала, что если ты хочешь заключить сделку, то должен прийти сам.

Этайн, ломая руки, принялась ходить по комнате. Она была очень взволнована.

— Почему ты не хочешь вернуться? Пади к ногам Силариаль, попроси ее о прощении! Расскажи ей, как тяжело быть рыцарем при Зимнем дворе. Она наверняка ничего не знала.

— У королевы повсюду шпионы. Не сомневаюсь, что она знала о моих страданиях в мельчайших подробностях.

— Но у нее не было другого выхода! Никто из наших не мог тебе помочь. Если бы ты слышал, с какой любовью она о тебе вспоминала! Она все может объяснить. Станьте снова друзьями, простите друг друга. — Голос Этайн задрожал. — Ведь ты не принадлежишь этому месту.

— Но почему, милая сестра? Почему я не принадлежу Зимнему двору?

Этайн застонала и ударила ладонью по стене.

— Потому что ты — не демон!

Она здорово напоминала Ройбену его самого, прежнего, невинного. Моментами он ненавидел сестру, в следующий миг ему хотелось встряхнуть ее, накричать, ударить, прежде чем это сделает кто-то другой.

— Не демон? Ты считаешь, я еще не заслужил этого названия? А как насчет глотки никса, перерезанной только за то, что он слишком громко засмеялся в присутствии Никневин? Или хоба, затравленного псами только за то, что он стащил пирожок с ее стола? Все они молили о милости, но я оставался глухим!

— Ты просто выполнял приказы Никневин.

— Конечно, приказы! — закричал он. — Приказы каждый день. Снова, снова и снова! А потом я изменился, Этайн. Я принадлежу этому месту, если вообще чему-то принадлежу.

— А как насчет Кайи?

— Пикси? — Ройбен бросил на сестру взгляд.

— Ты был добр с ней. Почему ты хочешь, чтобы я плохо о тебе думала?

— Я не был добр с Кайей, — ответил он. — Спроси ее. Я не добр, Этайн. Более того, с недавнего времени я считаю доброту пороком. Меня интересует не добро, а победа.

— Если ты победишь, то я стану королевой, а ты окажешься моим врагом, — сказала Этайн дрожащим голосом.

Ройбен фыркнул.

— Не будем гадать попусту.

Он протянул ей кубок.

— На, выпей. И поешь. В конце концов, братья и сестры всегда ссорятся из-за пустяков, верно?

Этайн взяла кубок и поднесла к губам, но сделала только один глоток.

* * *

Компания направлялась к машине Корни. Кайя тащила огромный термос с кофе, обхватив его руками. За ней шагал Луис, одетый как пугало. Черное пальто, которое он выудил из кучи пыльного тряпья, обнаруженной в одном из стенных шкафов, было ему явно велико, подкладка изорвана в клочья. Наконец они отправились в путешествие! Пусть в неизвестность, но это лучше, чем бессмысленно сидеть на месте.

— У вас есть карта Нью-Йорка? — спросил Луис у Корни.

— Я думал, ты знаешь дорогу. Что это за проводник, которому нужна карта?

— Вы оба можете не...

Кайя умолкла и остановилась напротив автомата для продажи газет. На первой странице «Таймс» она увидела фотографию кладбища на холме, рядом с бабушкиным домом, того самого, где была похоронена Дженет. Под ним короновали Ройбена. Верхушка полого холма провалилась под тяжестью перевернутого грузовика. На фото клубы дыма поднимались над провалом, а надгробия были

раскиданы по всему холму, как выбитые зубы.

Корни кинул четвертак в щель и вытянул газету.

— *«Обнаружено несколько сильно обгоревших тел. Чтобы их опознать, потребуется генетическая экспертиза. Предполагают, что грузовик, потерявший управление, сбил нескольких местных жителей, катавшихся на санках».* Кайя, что за бред?!

Девушка автоматически погладила страницу, пахнущую типографской краской.

— Не знаю.

Луис нахмурился.

— Какое нам дело до этих людей и до разборок, которые нас не касаются?

— Заткнись. Просто заткнись!

Кайя подошла к машине и дернула за ручку. Хромированное железо до боли обожгло ей пальцы.

— Подожди, я открою замок, — сказал Корни, доставая ключи. — Слушай, он в порядке. Я уверен, что в порядке.

Кайя молча бросилась за заднее сиденье, гоня из головы образ мертвого Ройбена, его лицо, застывшее среди грязи и копоти пожара.

— Откуда тебе знать?!

— Давай я позвоню маме, — предложил Корни.

Он завел машину и принялся набирать номер неуклюжими пальцами в перчатках. Вскоре парень уже разговаривал, прижимая телефон к уху плечом, а Кайя молча радовалась тому, что железная болезнь и тошнота мешали ей думать.

— Она сказала, что могила Дженет не пострадала, но надгробие исчезло, — сказал Корни, закрывая крышку телефона. — На санках среди ночи никто из местных, разумеется, не катался. Что касается грузовика, он вообще из другого региона и непонятно откуда там появился.

— Это война, — сказала Кайя, уронив голову на виниловое сиденье. — Война фейри.

— Ей плохо? — тихо спросил Луис. — Что вообще происходит?

— Она встречалась кое с кем из Зимнего двора, — объяснил Корни.

— Встречалась? — Луис взглянул на девушку.

— Ага. Они, кажется, даже обручились.

Луис фыркнул.

— Это был Ройбен.

Корни произнес это имя чересчур громко. Кайя страдальчески зажмурилась.

— Невероятно, — сказал Луис.

— Думаешь, почему меня ищет Силариаль? — воскликнула Кайя. — Почему она дает гарантии безопасности и просит тебя проводить нас? Она надеется с моей помощью добить Ройбена, если он еще жив.

— Нет, — повторил Луис. — Ты не можешь встречаться с повелителем Зимнего двора.

— Верно, не могу. Потому он меня и бросил.

— И бросить тебя он тоже не мог!

— Но ведь бросил же!

— Слушайте, мы все на пределе, — Корни потер лицо ладонями. — Когда я остаюсь единственным голосом разума, это уже вообще никуда не годится. Расслабьтесь. Мы все надолго завязли в этом деле.

Корни сел за руль, и они отправились в путь. Поздний зимний рассвет сочился сквозь голые ветви. Снег, выпавший ночью, таял и превращался в грязевую кашу. Они проезжали мимо пустых магазинов, украшенных гирляндами и сияющих разноцветными огоньками. Снега выпало столько, что по сторонам дороги образовались небольшие сугробы. Кайя глазела в окно, считала встречные машины, читала каждую вывеску, старалась вообще ни о чем не думать.

На закате они наконец свернули на грязную второстепенную

дорогу, и Луис велел остановиться.

— Здесь, — сказал он и вышел из машины.

В свете угасающего дня перед ними простерлось озеро, затянутое пленкой льда. В нескольких сотнях метров от края дороги клубился туман, скрывающий из виду противоположный берег. Из-под льда поднимались мертвые деревья, словно озеро вышло из берегов и затопило лес.

Ветер бросил в лицо Кайи горсть снежинок. Они кололись, как иглы.

— Тут есть лодка, — сказал Луис. — Пошли.

Они стали спускаться к воде, поскальзываясь на мерзлой траве.

Корни вдруг ахнул. Кайя подняла взгляд и увидела перед собой юношу, полускрытого в тени деревьев. Он был в длинном пальто и шерстяной шапке, стоял неподвижно, прямо как статуя. Кайя сглотнула. Взгляд юноши был устремлен в пространство. Он словно не видел их. Его кожа была темнее, чем у Луиса, но губы побелели от холода.

— Эй! — окликнул его Луис и поводил рукой перед лицом.

Человек не шевельнулся.

— Смотри, — Корни указал на женщину лет пятидесяти, неподвижно стоящую среди вечнозеленых деревьев.

Ее рыжеватые волосы шевелил ветер. Приглядевшись, Кайя заметила еще несколько ярких пятен, застывших вдоль берега. Они словно ждали какого-то сигнала.

— Они замерзают, — сказала Кайя, глядя на окаменевшие пальцы темнокожего юноши. — Или уже замерзли.

— Проснитесь! — заорал Луис.

Не дождавшись ответа, он ударил юношу по щеке.

Глаза темнокожего пошевелились. Не меняя выражения лица, он швырнул Луиса на землю и ударил в живот. Луис застонал, скрючившись от боли. В тот же миг Корни напал на юношу сзади. Они оба упали на тонкий лед, проломив его и свалились в воду, подняв тучу брызг.

Кайя бросилась на помощь. Она попыталась вытащить Корни на берег, но кто-то перехватил ее руку.

Она оглянулась и увидела перед собой существо в черных развевающихся одеждах, высокое и тощее, как огородное пугало. Его глаза выглядели устрашающе — белые, без зрачков, а зубы были острыми, как стекло. Крик замер в горле у девушки. Она вцепилась ногтями в костлявую руку незнакомца, и он отшвырнул ее в сторону. Взгляд не поспевал за движениями пугала. Не успела Кайя обернуться, а он уже держат замороженного юношу за горло.

Корни вылез на берег самостоятельно и теперь ворочался на снегу. Существо ткнуло пальцем в лицо чернокожему и прошипело несколько слов, которых Кайя не разобрала. Замороженный человек медленно вернулся на прежнее место и застыл, как часовой на посту. Вода капала с его одежды.

— Что тебе надо? — крикнула Кайя, срывая с себя пальто и заворачивая в него дрожащего Корни. — Кто ты такой?

— Душеглот, — наклонив голову, ответило существо, тонкие черные волосы которого напоминали клубок корней. — К вашим услугам.

— Круто, — прохрипел Луис, держась за живот. — Твою мать!

Корни содрогнулся и плотнее завернулся в пальто.

— Ты имеешь в виду, к моим услугам? — уточнила Кайя.

Она видела, как далекие пестрые фигурки замороженных людей возвращались на свои прежние места. Еще мгновение — и они успели бы добежать до берега и вступить в драку.

— Король Зимнего двора приказал, чтобы я охранял каждый твой шаг. Я следовал за тобой с тех пор, как ты покинула двор.

— Почему он это сделал?

Перед глазами Кайи возник Ройбен, лежащий среди хаоса и грязи, с лицом бледнее могильного камня. Она зажмурилась, чтобы прогнать страшный образ. Он должен был позаботиться о себе, а не подсылать к ней телохранителей.

Душеглот покачал головой.

— Я выполняю приказы, а не размышляю над ними.

— Но как тебе удалось прогнать замороженных людей? — спросил Луис. — Они охраняют озеро скорее от таких, как ты, чем от нас.

Душеглот услышал этот вопрос и улыбнулся. Острые влажные зубы придавали ему сходство с ядовитой змеей. Он порылся в сумке, укрытой под одеждами, и вытащил наружу то, что сначала показалось Кайе зеленой кожей на красной шелковой подкладке. Но потом она увидела длинные светлые волосы, испачканные кровью. Это в самом деле была кожа, недавно снятая с какой-то фейри.

— Она мне рассказала, — объяснил Душеглот.

Луис прижал руки ко рту и отвернулся, пытаясь справиться с рвотными позывами.

— Ты не должен!.. Я не хочу, — пробормотала Кайя, испытывая одновременно ярость и ужас. — Ты убил ее только для того, чтобы узнать...

Душеглот ничего не ответил.

— Никогда не делай так! Никогда!

Кайя сжала кулаки и подскочила к нему. Не думая, что делает, она влепила ему пощечину и больно ушибла руку. Душеглот даже не моргнул.

— Я должен тебя защищать, но это не дает тебе права приказывать мне.

— Кайя, — глухо сказал Луис. — Отстань от него.

— Я вообще-то замерзаю, — сообщил Корни, стуча зубами. — Давайте уже пойдем туда, куда собирались.

— Все эти люди могут умереть от холода! — сказала Кайя.

Она все еще желала помочь им, хотя пока только навредила.

— Мы не можем просто бросить их тут на погибель!

Корни достал телефон.

— Сейчас я позвоню в...

Луис покачал головой.

— Хочешь, чтобы жертв стало еще больше? Именно это и случится, если сюда приедет полиция.

— Ну, тогда я не знаю, — сказал Корни. — Ты умеешь снимать проклятия. Не поможешь ли им?

— Нет. Я не знаю подходящего способа. Это слишком сложный случай.

— По крайней мере, мы должны позаботиться об этом парне, — сказала Кайя. — Он насквозь мокрый. Надо хотя бы надеть ему что-то на руки, пока у него не отмерзли пальцы. Душеглот, ты не можешь еще раз его расколдовать?

— Я не обязан выполнять твои приказы, — равнодушно произнес он, глядя на нее мертвыми совиными глазами.

— А я не приказываю, я прошу о помощи.

— Пусть умирают, — сказал Душеглот.

Кайя вздохнула.

— Может, ты все-таки снимешь чары с этих людей? Они не станут на меня нападать, просто разойдутся по домам.

— Нет. Не буду.

— Я собираюсь помочь этому парню. Если он нападет на меня, тебе придется его остановить. А если ты сейчас его расколдуешь, то он не нападет.

Жуткое лицо Душеглота не изменилось, но рука сжалась в кулак.

— Ну хорошо, пикси, любимица моего короля!

Он шагнул к замороженному человеку и снова направил палец ему в лицо.

Пока звучали незнакомые слова заклинания, Кайя стащила с ног ботинки, сняла носки и надела их на руки темнокожего парня на манер рукавиц. Луис накинул на его плечи свое пальто и увернулся от удара, когда шипящее пение прекратилось.

— Не поможет, — сказал Корни. — Слишком холодно.

Кайя шагнула назад. От холода ступни болели так, будто их резали бритвой. Губы Корни, закутавшегося в ее пальто, уже посинели. Темнокожий парень умрет, как и прочие заколдованные люди.

— Летний двор близко, — сказал Луис.

— Туда я идти не могу, — сообщил Душеглот. — Если пойдешь туда, останешься без защиты, и тем самым бесконечно огорчишь моего повелителя.

— Мы все равно туда пойдем, — ответила Кайя.

— Как скажешь. — Душеглот снова раскланялся. — Я буду ждать здесь.

Кайя взглянула на Корни.

— Не ходи с нами. Ты быстро согреешься в машине.

— Размечтались, — ответил Корни, клацая зубами от холода.

— Если все готовы, то нам туда. — Луис указал в сторону озера.

Сначала Кайя не видела ничего, кроме мрака. Потом дунул ветер, по воде побежала рябь. В лунном свете девушка заметила возле берега что-то неподвижное и мерцающее. Это была ладья в форме лебедя с распахнутыми крыльями, вырезанная из цельного куска льда.

— Кстати, госпожа Летнего двора не предупредила меня о замороженных зомби-часовых, — сказал Луис. — Так что, думаю, наше путешествие будет полно сюрпризов.

— Чудесная лодка! Один ее вид согревает! — просипел Корни, переминаясь с ноги на ногу.

Кайя осторожно ступила на скользкое дно ладьи и села. Ледяная скамейка пробирала холодом даже сквозь одежду.

— Не исцелит ли эта вода проклятие Корни?

— Корни? — удивленно переспросил Луис.

— Я не...

— Нейл, — быстро поправилась Кайя. — Я имела в виду проклятие Нейла.

— Нет.

Луис навалился на борт ладьи, спихнул ее в воду и едва не опрокинул, когда запрыгнул внутрь.

Потом он оценивающе посмотрел на Корни и сказал:

— Вода слишком пресная.

Грести было нечем, но и не понадобилось. Странное течение повлекло ладью прочь от берега, между утонувшими деревьями. Под прозрачным днищем ладьи проплывали длинные зеленые водоросли, словно там в самом деле был затонувший лес. Среди водорослей мелькали зеленые и золотистые рыбки.

«Рыбы должны все время двигаться, чтобы дышать», — подумала Кайя.

Сейчас она чувствовала себя такой же рыбой, не могла найти ни единого безопасного объекта для размышлений. Ройбен, мама, люди, медленно умирающие на заснеженном берегу... Оставалось только двигаться, иначе отчаяние догонит ее и уморит, как их.

— Кайя, ты глянь! — раздался рядом голос Корни. — Прямо как в книжке!

Сквозь туман медленно проступал берег, поросший высокими елями. Небо с каждым мгновением становилось светлее, воздух теплел. Солнца не было, но вскоре вокруг стало светло как днем. Корни посмотрел на часы и продемонстрировал их Кайе. Электронные часы остановились. Они показывали двадцать первое декабря, шесть часов тринадцать минут пятьдесят две секунды пополудни.

— Колдовство!

— По крайней мере, стало заметно теплее, — сказала Кайя и принялась растирать руки краем пальто, словно надеясь вытравить из них озноб.

— Меня бы это тоже порадовало, не плыви мы в лодке, сделанной из льда!

— Не знаю, как там у вас, — улыбаясь, сказал Луис. — А я давно уже не чувствую собственной задницы. Я предпочел бы добираться до берега вплавь.

Корни расхохотался, но Кайя смолчала. Она сообразила, что Корни снова в опасности. И опять по ее вине.

Последние остатки тумана рассеялись. Теперь Кайя видела каждое дерево на берегу. Издалека они казались окутанными снегом, но вблизи стало ясно, что это коконы шелкопряда. Кайя представила себе массу шелковичных червей, копошащихся в них, и содрогнулась.

Нос ладьи зарылся в прибрежную грязь. Путешественники перелезли через борт и побрели к берегу. Грязь смачно чавкала у них под ногами.

«Дурацкая грязь, — думала Кайя. — Дурацкая лодка! Дурацкий остров фейри! — Внезапно она почувствовала, что окончательно выдохлась. — И я тоже полная дура!»

Издали доносились едва слышная музыка и смех. Они привели путешественников под сень цветущих вишен. Бутоны были не розовыми, а голубыми. Они сыпались на землю, как снег, при малейшем дуновении ветерка.

Кайя вспомнила разговор с Ведьмой Чертополоха, когда та впервые рассказала девушке о том, что она подменш.

«С каждым годом детям фейри становится все труднее скрывать свою истинную натуру. Рано или поздно все они возвращаются к своему народу».

Кайя не хотела, чтобы эти слова оказались правдой.

Услышав звуки музыки, Корни содрогнулся всем телом и скинул кеды, перепачканные в грязи. На острове было тепло, но не жарко. Погода оказалась такой идеальной, будто ее вообще не было.

Несколько местных обитателей подошли, чтобы поглазеть на прибывших. Мальчик в юбочке из серебристой чешуи держал за руку пикси с голубыми крыльями. Тучи крошечных жужжащих фейри роились над цветущими деревьями, как комары. Рыцарь в белой броне проводил Кайю внимательным взглядом. Откуда-то доносились чарующие, прекрасные, певучие голоса, с ветвей смотрели вниз раскрашенные лица.

Рыцарь с бирюзовыми глазами низко поклонился Кайе.

— Госпожа рада вашему прибытию. Она приглашает вас присоединиться к ней, — Он окинул взглядом компанию и уточнил: — Только вас.

Кайя кивнула, покусывая губы.

— Там, под деревом.

Рыцарь указал на громадную иву. Ее длинные гибкие ветви были густо усажены коконами. Время от времени один из коконов разрывался, и оттуда выпархивала белая птица. Кайя заставила себя

отодвинуть одну из висячих ветвей и нырнула внутрь.

Свет сочился сквозь ветви, играя на лицах Силариаль и ее придворных. Королева Летнего двора восседала не на троне, а на куче вышитых подушек, брошенных прямо на землю. Прочие фейри толпились вокруг, создавая пестрый орнамент — одни рогатые, другие тощие, как ветки, третьи с листьями вместо волос.

Волосы Силариаль, расчесанные на прямой пробор, сияли как медь. На миг Кайе вспомнились медные монетки, падавшие изо рта мужчины в квартире Луиса. Королева Летнего двора улыбнулась, и Кайя застыла. Она забыла поклониться, забыла обо всем, кроме этой невыразимо чарующей улыбки.

На королеву было больно смотреть. Ее красота была непереносимой.

— Угощайся. — Силариаль повела рукой, указывая на блюда с охлажденными фруктами и кувшины сока. — Надеюсь, они в твоем вкусе.

— Очень даже в моем, — отозвалась Кайя и впилась зубами в незнакомый белый плод.

Черный липкий сок потек у нее по подбородку. Придворные засмеялись, деликатно прикрывая рты тонкими длинными пальцами. Кайя задумалась. Она чувствовала себя наживкой.

— Хорошо. Теперь убери этот глупый ореол.

Королева повернулась к придворным.

— Оставьте нас.

Толпа лениво разошлась, забирая с собой лютни, кубки, подушки и книги. С таким надменным видом уходят обиженные кошки.

Повинуясь приглашающему знаку Силариаль, Кайя уселась на самый краешек подушки и рукавом вытерла черный сок с подбородка. Когда растаял ореол, Кайя увидела свои зеленые пальцы и неожиданно испытала облегчение. Ей больше не надо было прятаться.

— Ты меня не любишь, — сказала Силариаль. — И на то есть причины.

— Ну да. Ты пыталась меня убить.

— Один из моих слуг, любой из них — ничтожная цена за жизнь госпожи Зимнего двора.

— Я не одна из твоих слуг!

— Ты ошибаешься, — улыбнулась Силариаль. — Ты родилась здесь. Ты принадлежишь нам.

Кайя промолчала. Ей нечего было сказать. Конечно, она хотела бы узнать, кто ее настоящие родители и зачем ее подменили, но не от Силариаль.

Королева взяла сливу с серебряного блюда и бросила на Кайю взгляд из-под ресниц.

— Эта война началась еще до моего рождения. Некогда существовали малые круги, которым хватало зарослей терновника или цветущего луга. Но время шло, наши земли истощились, и фейри решили, что вместе выживать проще. Мечом и мудрыми речами моя мать собрала большой круг и создала Летний двор. Однако кое-кто ей не подчинился. Это был мой отец. Его народ обитал в здешних горах, и они не нуждались ни в мудрости моей матери, ни в ее силе. Однако со временем она очаровала и его, стала любовницей и соправительницей, даже родила ему двух дочерей.

— Никневин и Силариаль, — добавила Кайя.

Королева кивнула.

— Двух девочек, столь не похожих друг на друга, сколь это возможно для сестер. Никневин была вся в мать, такая же коварная и кровожадная. Я пошла в отца, который предпочитал не столь жестокие развлечения.

— Типа заколдовать людей и расставить их вокруг озера, пока они не замерзнут насмерть, — заметила Кайя.

— Это не развлечение, а необходимость, — отрезала Силариаль. — Никневин убила отца, когда он наградил флейтиста, которого она предпочла бы помучить. Говорили, что мать смеялась, когда Никневин ей об этом рассказывала. Но смерть всегда была ее хлебом насущным, а мое горе пошло на десерт.

Несколько мгновений королева любовалась игрой света и тени в листьях ивы, потом сказала:

— Земли моего отца никогда не подчинятся Зимнему двору.

— Но Зимнему двору и не нужны твои земли. Твоя сестра мертва.

Королева с удивлением взглянула на нее и сжала в кулаке сливу.

— Да, Никневин умерла. Но совсем не так, как я хотела. Долгие годы я раскидывала сети и ждала подходящего мгновения, но она умерла не ко времени. Я не могу сполна насладиться ее гибелью, но не дам ее двору ни единого шанса переиграть меня. Я заберу земли сестры вместе с подданными. Таково будет мое мщение. Кроме того, я не хочу подвергать опасности Летний двор. Ведь это и твой дом. Подумай об этом, Кайя! Твой дом и твоя война. Ты должна сделать выбор. Я знаю о твоей привязанности к Ройбену, о Заявлении. Кстати, он правильно отверг его. Он прибыл к Зимнему двору как заложник, ради мира. Неужели ты думаешь, что он хочет привязать тебя к зимним фейри, как был привязан сам, чтобы ты страдала, как он?

— Конечно, нет! — резко ответила Кайя.

— Мне ведомо, каково это — предать возлюбленного. Прежде чем отправиться к Зимнему двору, Ройбен был моим любовником. Ты об этом знала? Страсть порой заставляла его забывать свое место, но все же мне было так жаль отказаться от него!

— По-моему, сейчас ты забываешь его место.

Силариаль громко рассмеялась.

— Давай я расскажу тебе историю про Ройбена. Я часто ее вспоминаю.

— Давай, — согласилась Кайя.

Ее душили слова, которые она не могла произнести. Кайя была уверена в том, что королева затевала что-то недоброе, но дать ей об этом знать было бы глупо. Конечно, она хотела услышать какую угодно историю про Ройбена. Речи и тон королевы подтверждали, что он все еще жив. Девушку слегка трясло то ли от напряжения, то ли от страха.

— Как-то раз недалеко от места, где мы пировали, лиса запуталась в колючих зарослях терновника. Вокруг вились крошечные феи, пытались распутать ветви, но лиса не понимала, что

фейри хотят ей помочь. Она чувствовала только боль. Лиса огрызалась на фей и рвалась на волю, но шипы только сильнее впивались в ее шкуру. Ройбен увидел лису и сказал, что может успокоить ее. Он мог схватить бедняжку за морду, но тогда она принялась бы вырываться и только сильнее запуталась бы в терновнике, мог отпустить ее сразу, как она его тянула. Но он не сделал ни того ни другого. Ройбен позволил лисице кусать себя за руку много раз подряд, пока феи не освободили ее из зарослей.

— Не понимаю, в чем мораль, — сказала Кайя. — В том, что Ройбен готов терпеть боль, если думает, что может помочь? Или в том, что раньше он был белым и пушистым, а теперь стал мерзким гадом?

Силариаль тряхнула головой, откинув с лица непослушный локон.

— Мне кажется, Кайя, ты похожа на эту лисицу.

— Чем? — Кайя встала. — Я-то не из тех, кто его мучил!

— Он был готов умереть вместо тебя во время десятины. Умереть ради пикси, которую встретил днем раньше. Тогда он отказался примкнуть ко мне. А ведь мы могли объединить дворы и установить мир, длительный, настоящий. Почему же этого не случилось? Не потому ли, что Ройбен был слишком занят, выпутывая тебя из терновника?

— Возможно, он иначе видел ситуацию, — проворчала Кайя.

Девушка чувствовала, как кровь приливает к ее щекам, а крылья нервно трепещут.

— Говоришь, ты за мир? Так сама перестань кусать его руку! Ройбен не хочет с тобой сражаться.

— Полно! — Силариаль улыбнулась и вонзила зубы в сливу. — Видела гобелен с моим изображением, который он порубил на лоскутки? Да, Ройбен не хочет со мной сражаться. Он жаждет меня уничтожить.

Последнее слово Силариаль произнесла так, будто оно означало что-то приятное.

— Знаешь, что случилось с той лисицей?

Кайя хмыкнула.

— Уверена, ты мне расскажешь.

— Она зализала раны и убежала. Но на следующее утро мы снова нашли ее в тех же зарослях. Она запуталась еще сильнее. Страдания Ройбена оказались бесполезными.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила Кайя напрямик. — Зачем пригласила меня сюда?

— Чтобы показать, что я не чудовище. Ройбен, несомненно, ненавидит меня. Ведь это я послала его к Зимнему двору. Но он все еще может вернуться. Он не годится на роль короля, он слишком добр, им легко управлять. Присоединись к нам, Кайя. Стань частью Летнего двора и помоги убедить Ройбена. Рано или поздно его гнев пройдет, и он поймет, что самое разумное — передать мне власть над Зимним двором.

— Я не могу, — сказала Кайя неуверенно.

На миг она заколебалась и возненавидела себя за это.

— Можешь. У тебя есть средство его убедить. Он доверяет тебе. Он сказал тебе свое имя.

Выражение лица королевы было все тем же, но что-то промелькнуло в ее глазах.

— Нет, этим я не стану пользоваться.

— Даже ради его блага? Даже ради мира между нашими дворами?

— Ты ведь хочешь, чтобы он сдался. Это не то же самое, что мир.

— Я хочу, чтобы он скинул с себя такое ужасное тягло, как Зимний двор, — возразила Силариаль. — Кайя, я не настолько тщеславна, чтобы держать на тебя зло за то, что ты меня однажды перехитрила. Я понимаю твоё желание сохранить жизнь. Пусть между нами больше не будет разногласий.

Кайя стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Нет, — сказала она с трудом.

Искушение было невероятным. Девушка знала, что она может прямо сейчас прекратить войну и одним «да» спасти Ройбена от смерти.

Если он, конечно, жив.

— Подумай хорошенько. Кстати, как только Ройбен перестанет быть королем Зимнего двора, твое Невыполнимое Задание потеряет силу. Заявления делаются только королям и королевам.

Кайя хотела сказать, что это не имеет значения, но не смогла. Ее плечи поникли.

— Если ты захочешь мне помочь, то я устрою вашу встречу. Ты сможешь увидеть его и даже поговорить с ним, невзирая на Заявление. Скоро он прибудет сюда.

Силариаль встала. Шелест ее одеяний был единственным звуком, слышным под пологом ветвей.

— Есть и другие способы уговорить тебя, — заметила она, проходя мимо Кайи. — Но я стараюсь избегать жестокости.

Кайя перевела дух.

«Ройбен жив. Теперь надо сделать то, ради чего я сюда явилась».

— Мне нужна Кайя, — сказала она. — Смертная, дочь Эллен. Настоящая я. Верни ее. Если ты это сделаешь, то я подумаю над твоими словами. Обещаю.

В конце концов, подумать не означает согласиться.

— Почему бы нет? — сказала Силариаль и прикоснулась к щеке Кайи холодными пальцами. — Ты же одна из нас. Тебе надо только попросить. Наслаждайся гостеприимством Летнего двора, пока будешь думать.

— Ага, — вяло согласилась Кайя.

Глава восьмая

*Леса дремучие, вы мрачны, как соборы,
Печален, как орган, ваш грозный вопль и шум
В сердцах отверженных, где вечен траур
дум,
Как эхо хрипкое, чуть внятны ваши хоры.*

Шарль Бодлер. Неотвязное. [\[8\]](#)

— Ваше величество, вы дурак! — сказал Эллебер.

Он смотрелся не к месту в городе, хотя и накинул ореол: черный костюм в тонкую красную полосу и галстук цвета засохшей крови.

— Потому что лезу в ловушку? — спросил Ройбен.

Полы его длинного шерстяного пальто раздувал ветер с реки. Вонь железа разъедала нос и горло.

— Наверняка.

Эллебер на ходу повернулся к королю. Он не обращал ни малейшего внимания на пешеходов, вынуждая их отступать с его пути.

— Даже ее предложение мира вызывает подозрения! Но то, что Силариаль согласилась на ваше абсурдное предложение, означает, что она нашла верный способ вас погубить.

— Да. — Ройбен схватил его за руку. — А тебе лучше идти по тротуару.

Эллебер остановился, откинул с лица длинные винно-красные волосы и вздохнул.

— Рыцарь королевы победит вас?

— Талатайн?

Ройбен на миг задумался. Было сложно представить врагом того Талатайна, который боролся с ним в детстве на весеннем лугу и был так влюблен в Этайн, что несколько лет собирался с духом, чтобы

подарить ей букетик фиалок. Но сейчас эти воспоминания казались ему чужими. Возможно, стал чужаком и новый, сегодняшний Талатайн.

— Думаю, я могу одолеть его.

— Может, королева заготовила какое-то смертельное оружие или нерушимую броню? Нашла способ использовать железо?

— Возможно. Я все время об этом думаю, но ответов у меня ровно столько же, сколько у тебя.

Ройбен взглянул на свои руки, и ему представились умоляющие глаза жертв, их дрожащие губы и глотки, которые он перерезал по приказу Никневин. Он не помиловал их, впрочем, и себя тоже.

— По крайней мере, я куда лучший убийца, чем это представляет себе Силариаль.

— Так поделитесь наконец своим планом!

— У меня есть план, — сказал Ройбен, скривив рот. — Но я не знаю, что задумала Силариаль, и не могу оценить, хорош он или нет.

— Вам не следовало самому идти к Железнобоким, — продолжал ворчать Эллебер. — В мире смертных вы слишком уязвимы.

Они перешли дорогу вслед за двумя смертными женщинами. Одна из них катила пустую коляску, вторая яростно давила на клавиши мобильного.

— С нами должна была пойти Дулькамара. Вы обязаны были отдать приказ, а мы — его выполнить. Вот как повел бы себя настоящий повелитель Зимнего двора!

Ройбен свернул с тротуара и поднырнул под ограду из висячих цепей, разорвав край пальто о железный шип. Эллебер перелез через ограду и с шумом спрыгнул на землю.

— Настоящий король не стал бы выслушивать поучения от рыцаря, — сказал Ройбен. — Но давай, можешь позанудствовать еще немного. Как ты и сказал, я дурак, и как раз сейчас собираюсь заключить несколько абсолютно дурацких сделок.

Здание за оградой напоминало несколько блоков, поставленных рядом, только у одного из них на крыше был сад. Длинные плети

плюща поднимались по кирпичной стене до самой крыши. Окон на втором этаже не было вовсе, на первом они были закрыты ставнями.

— Я просто хочу сказать, что Зимний двор изменил меня, — продолжал Ройбен. — И знаешь, впервые мне приятна эта мысль. Если я еще когда-нибудь встречу сестру, то ее вид будет напоминать мне о том времени, когда я еще не был развращен зимними фейри.

— Ваше величество, вы не...

— Да, правда. Полагаю, Зимний двор просто помог мне лучше узнать свою истинную натуру, которая была скрыта от всех, даже от меня.

— Какова же эта натура?

— Увидишь.

Ройбен поднялся на растрескавшееся крыльцо, подошел к деревянной двери и постучал.

— Скажите мне хотя бы, что мы сейчас делаем? — спросил Эллебер. — Навещаем изгнанников?

Ройбен прижал палец к губам. На ближайшем окне раскрылись ставни, и наружу выглянул великан. На голове у него торчали рога, закрученные как у барана, а длинная коричневая борода была на конце зеленой.

— Уж не само ли ваше темное величество пожаловало? — пробасил гигант. — Вы, без сомнения, прознали о моей лавке подменышей. Лучший выбор, уникальный товар! Не какие-нибудь примитивные деревянные чурбаны, а настоящие манекены, некоторые даже со стеклянными глазами. От живого не отличишь! Даже смертные с Истинным Зрением не всегда способны почувствовать разницу. Среди моих клиентов сама королева Летнего двора. Об этом вам, конечно, известно. Заходите посмотрите товар! У меня есть, что вам предложить!

Ройбен покачал головой.

— Нет, это у меня есть что предложить. Скажи, тебе не надоело в изгнании?

* * *

Кайя валялась рядом с Корни и Луисом в беседке из плюща, мягкой земли и сладкого убаюкивающего ветерка. Ночные цветы благоухали, наполняя темноту порхающими белыми пятнами лепестков.

— Чудеса, — сказала Кайя, вытягиваясь на траве. — Сейчас темно, но когда мы отплыли, там была ночь, а здесь — день. Все наоборот. А я думала, тут вечный день или типа того.

— Ага, странно, — подтвердил Корни.

Луис распечатал второй шоколадный батончик, откусил и поморщился.

— Не понимаю, почему королева заставила меня остаться? Что за дерьмо? Я сделал все, что она сказала. Дэйв...

Он осекся.

— Что Дэйв? — подхватил Корни.

Луис повертел в руках обертку.

— Может угодить в неприятности без моего присмотра.

Кайя провожала взглядом падающие лепестки. Подменьш, должно быть, уже вернулся к Эллен и занял место ее дочери в мире людей. Одно Задание выполнено, второе — невыполнимо. Что делать дальше?

Кайя очень сомневалась в том, что Силариаль позволит ей уйти отсюда живой. То, что она не отпустила Луиса, было плохим знаком, но и хорошим тоже. Хорошим — поскольку королева могла задержать его как проводника на обратный путь. Плохим — потому что Летний двор оказался паутиной, в которой они запутывались все сильнее, как в терновых кустах. При этом Кайя понятия не имела, куда ей стоило бы отправиться дальше.

Молчаливый карлик принес им поднос, на котором стояли выдолбленные сосуды с кристально чистой водой и тарелка с маленькими пирожными. Кайя уже съела три штуки. Она взяла с тарелки четвертое и предложила его Корни.

— Не надо, — сказал Луис, когда Корни протянул руку.

— Почему?

— Ничего не ешь и не пей здесь. Это небезопасно.

Корни взял пирожное.

Кайя хотела остановить его, но парень отстранился. Его глаза вспыхнули азартом. Он со смехом кинул лакомство в рот.

— «Это небезопасно». «Это не для тебя». Да, у меня нет Истинного Зрения. Я не могу сопротивляться чарам и, честно говоря, не понимаю, зачем вообще пытаться.

— Потому что глупо сдаваться без борьбы, — сказал Луис.

— Глупо, но так вкусно, — промямлил Корни, облизывая пальцы.

Подошла женщина-фейри, бесшумно ступая по траве босыми ногами.

— Это вам, — сказала она и положила на траву три свертка.

Кайя развернула один из них, и ее пальцы погрузились в нежнейшую шелковистую зеленую ткань.

— Дайте-ка угадаю, — сказал Корни. — Нам нельзя надевать одежду, подаренную фейри. Может, мы должны расхаживать голыми?

Луис нахмурился, но Кайя заметила, что его шея покраснела.

— Хватит выпендриваться.

Она кинула Корни сверток с одеждой. Приятель ухмыльнулся, словно она сделала ему комплимент.

Кайя спряталась за кустом, скинула футболку и через голову натянула платье. Она не меняла белья с позавчерашнего дня и не могла дождаться, когда от него избавится. Одевание, подаренное фейри, было легким, как паутина, и некстати напомнило Кайе платье, в котором ее собирались принести в жертву. Воспоминания о несостоявшейся десятине до сих пор вызывали у нее дрожь восхищения и ужаса. Она ощущала дыхание Ройбена на своей шее и слышала его шепот: *«Что принадлежит тебе, но другие пользуются этим чаще, чем ты?»*

Его имя. Имя, которое она вызнала обманом, еще не понимая его ценности. Зная истинное имя Ройбена, она обрела над ним полную власть. Неудивительно, что Зимний двор ее не любил. Ведь она могла приказать королю выполнить любое ее желание, и он не смог бы

отказаться.

— По-идиотски выгляжу, да? — спросил Корни, выходя из-за кустов.

На нем была черная с красным туника, украшенная вышивкой, и черные штаны. Ноги остались босыми.

— Моя нормальная одежда насквозь мокрая. Ну и ладно, хоть высохнет пока.

Кайя закружилась на месте, взметнув тонкую юбку.

— А мне нравится новое платье!

— Симпатично. Зеленый цвет красиво оттеняет твои розовые веки.

— Заткнись!

Кайя подобрала с земли веточку и накрутила на нее локон, как в школе накручивала волосы на карандаш.

— А где Луис?

Корни мотнул головой. Кайя обернулась и увидела Луиса. Он сидел под деревом и с мрачным видом доедал последний шоколадный батончик. На нем был длинный коричневый камзол, перетянутый в талии серебряным поясом с блестящей пряжкой. Рядом на ветке висел матово-алый плащ Кайи.

— Думаю, это был намек на то, что мы приглашены на вечеринку, — сказала Кайя.

Луис подошел ближе.

— Точнее сказать, это пирушка.

— Так пошли, — нетерпеливо произнес Корни.

Кайя пошла на звук музыки, пропуская сквозь пальцы встречные листья. Она сорвала с ветки тяжелый белый цветок и принялась рассеянно обрывать лепестки.

— Любит — не любит, — ехидно сказал Корни.

Кайя смутилась и выкинула цветок.

— И вовсе не это! Я просто так.

Среди деревьев бродили призрачные тени. Повсюду раздавались смех и музыка. Они то доносились издалека, то звучали совсем рядом, и вдруг Кайя очутилась прямо в центре праздника.

Толпы фейри танцевали, водили огромные неровные хороводы или просто хохотали над шутками, которые понимали только они. Какая-то женщина-фейри склонилась над прудом и оживленно разговаривала со своим отражением. Другая нежно гладила кору дерева, будто это был мех ее домашнего любимца.

Кайя повернулась к Корни, собираясь заговорить с ним, но тут неподалеку мелькнули белые волосы и глаза, похожие на живое серебро. Кто-то закутанный в плащ с капюшоном пробирался сквозь толпу. Кайя знала только одного фейри с подобными глазами.

— Сейчас вернусь, — бросила она на бегу, проскальзывая между девушкой в платье из речной травы и карликом на ходулях, сделанных из сырого замшелого дерева.

— Ройбен? — прошептала она, догоняя фейри и касаясь его плеча.

Сердце девушки колотилось. Она была счастлива и так ненавидела себя за это, что готова была надавать пощечин самой себе.

— Ты сволочь! Мог быть дать мне Задание принести яблоко с ближайшего стола! Или заплести тебе косу!

Фейри повернулся, снял капюшон, и Кайя поняла, что перед ней вовсе не Ройбен, а его сестра Этайн.

— Кайя! — приветливо сказала она. — Я так рада с тобой встретиться.

Кайя замерла от ужаса. Ее ответная улыбка больше походила на гримасу. Неужели она только что ляпнула вслух такое, что вряд ли сказала бы и самому Ройбену?

— Удели мне минутку, — попросила Этайн. — Я должна передать послание королеве, но сперва хочу кое-что узнать. Насчет брата.

Кайя пожала плечами.

— Не знаю, чем могу помочь.

— В детстве он вовсе не был жестоким, сейчас стал злобным, холодным и ужасным, пошел войной на тех, кого любил.

Кайя с трудом могла представить себе Ройбена в детстве.

— Вы выросли у фейри? — спросила она.

— У меня нет времени...

— Так поищи его. Я хочу знать.

Этайн посмотрела на Кайю долгим взглядом и вздохнула.

— Мы выросли у фейри, но воспитала нас смертная женщина. Она была похищена и называла нас именами своих детей, оставшихся в мире людей. Мэри и Роберт. Мне это не нравилось. Но вообще-то она была доброй.

— Как насчет ваших родителей? Вы их знали? Любили их?

— Прощу, ответь на мой вопрос, — сказала Этайн. — Моя госпожа хочет устроить поединок вместо войны между дворами. Если Ройбен победит, то войны не будет. Но он умрет в любом случае.

— Твоя госпожа — настоящая сука, — вырвалось у Кайи.

Этайн сжала руки.

— Нет, я уверена в том, что она примет его обратно, если только он ее попросит. Почему Ройбен не хочет это сделать?

— Не знаю.

— Ты должна повлиять на него. Ройбен к тебе привязан.

Кайя хотела было возразить, но Этайн опередила ее:

— Я же слышала, как ты обратилась ко мне, принимая меня за брата. Ты говорила с ним как с другом.

Кайя помотала головой.

— Слушай, я же сделала это несчастное Заявление и получила Задание. Ройбен совершенно конкретно послал меня подальше. И после этого ты хочешь, чтобы я на него влияла?

— Я видела тебя той ночью, под холмом, хотя и не слышала слов. — Этайн улыбнулась. — Нетрудно было понять, что тебя послали не за яблоком с ближайшего стола.

Кайя покраснела.

— Король Зимнего двора никогда и никому не дал бы такое простое Задание.

— Но почему? Он сказал, что я...

Кайя остановилась, вдруг осознав, что ей не следует повторять здесь слова Ройбена: *«Ты единственное, чего я желаю»*. И вдвойне небезопасно было передавать эти слова Этайн.

— Заявление — это очень серьезно.

— Но... Я думала, это что-то вроде признания, что мы вместе.

— Все гораздо глубже. У короля может быть только одна супруга, а чаще и вовсе никакой нет. Заявление связывает вас обоих... и двор тоже. Ты знаешь, что брат однажды уже делал Заявление?

— Угу, королеве, — сказала Кайя, хотя никогда не слышала ни о чем подобном.

Она представила, как Силариаль стоит под ивой в окружении придворных и объясняет Ройбену, как именно он должен будет доказать свою любовь.

— Он ведь выполнил Задание, да?

— Да, — кивнула Этайн. — Брат должен был служить Никневин до конца перемирия. Смерть Никневин освободила его. Если теперь Ройбен вернется к Летнему двору, то он станет супругом королевы. Заявление — это сделка. Свою часть он выполнил.

Кайя окинула взглядом веселящихся фейри и внезапно почувствовала себя маленькой и глупой.

— Думаешь, они должны быть вместе? Тебя удивляет, что Ройбен разглядел что-то ценное во мне, какой-то грязной пикси с плохими манерами?

— Ты умна, — сказала Этайн, не встречаясь с ней взглядом. — Полагаю, он это оценил.

Кайя опустила взгляд на свои потрепанные ботинки.

«Не так уж и умна, — подумала она. — Мягко говоря».

— В глубине души я верю в то, что брат любит Силариаль, —

задумчиво сказала Этайн. — Он винит ее в своих страданиях, но моя госпожа никогда не заставляла его страдать.

— Ройбен в это не верит. Он считает, что ей все равно. Думаю, это ранило его куда сильнее.

— Какое Задание он тебе дал?

Кайя нахмурилась и сказала, стараясь выглядеть безразличной:

— Найти фейри, способного говорить неправду.

Ей было больно повторять эти слова. Они стали наглядным свидетельством того, что Ройбен любил ее далеко не так сильно, как ей хотелось бы.

— Невозможное Задание...

Этайн по-прежнему была задумчива.

— Так что сама видишь, ты обратилась не по адресу, — сказала Кайя. — Я очень близко к сердцу принимала интересы Ройбена. Вот только он оказался против. Ему до меня нет дела.

— Если Ройбену нет дела ни до тебя, ни до меня, ни до королевы, то это значит, что ему безразличны все, не считая себя самого, — заявила Этайн.

Из зарослей бесшумно появился светловолосый рыцарь в зеленых доспехах. Когда он остановился, то сделался практически невидимым на фоне листвы.

— Мне действительно пора идти.

Этайн отвернулась.

— Ему и до себя дела нет, — сказал Кайя ей в спину. — Он уже давно совсем о себе не думает.

* * *

Корни шагал через лес, стараясь не обращать внимания на то, как сердце колотится в груди. Он изо всех сил пытался не встречаться взглядом с фейри, но их кошачьи лица, длинные носы и яркие глаза все равно завораживали его. Луис шел рядом с мрачным видом. Его не расшевелил даже ручей, полный никсов. Капли воды сверкали на

их обнаженных телах, напоминая драгоценные камни.

— Что ты видишь? — спросил Корни, потеряв надежду на то, что Луис заговорит первым. — Они в самом деле так прекрасны? Или это иллюзия?

— Эти создания не так прекрасны, как кажутся, — хмыкнул Луис. — Но все равно ослепительны. Что за дерьмо? Они бессмертны, и на что тратят вечность? Едят, трахаются и изобретают новые замысловатые способы убивать друга.

— Я делал бы то же самое, — заявил Корни. — Будь я бессмертным, целыми неделями ел бы «Читос», скачивал из Сети порнуху и играл в «Мстительные души».

Луис посмотрел на Корни долгим взглядом.

— Я и сказал — дерьмо.

Корни захихикал.

— Помнишь пирожное, которое ты недавно съел? — спросил Луис. — Это был гнилой гриб.

Корни недоверчиво взглянул на него.

— Но Кайя тоже съела одну штуку.

— Три, — уточнил Луис.

Корни захохотал во весь голос, и вскоре они смеялись вместе, беспечно и глупо, как старые друзья. Когда Корни это осознал, то умолк.

— Почему ты так не любишь фейри? — спросил он.

Луис повернулся к нему слепым глазом.

— Я обладал Зрением с самого детства. Мой отец тоже. Думаю, я унаследовал его дар. Истинное Зрение свело его с ума. А может, они сделали это нарочно.

Луис устало покачал головой, словно ему давно надоела эта история.

— Если фейри понимают, что ты их видишь, то они начинают тебя изводить. У отца была паранойя, он нигде не чувствовал себя в безопасности, застрелил мою мать, чуть не убил брата. Думаю, он пытался защитить их. Он и меня убил бы, подвернись я ему под руку.

Теперь мне приходится работать на фейри, чтобы они не трогали Дэйва. Ты можешь представить мир без фейри? Я могу. Он был бы нормальным, безопасным.

— Я хочу рассказать тебе кое-что. Один из них, келпи, погубил мою сестру, — сказал Корни. — Утопил в океане два месяца назад. А на меня начал поглядывать другой, Нефамаэль. Но знаешь, мне все равно хотелось...

Голос Корни дрогнул. Он вдруг задумался, а стоит ли рассказывать Луису такие вещи.

— Чего тебе хотелось?

Впереди, на прогалине, сидела компания, играющая в какую-то азартную игру. Фейри, бросающие кости, выглядели разом и прекрасными, и уродливыми. Корни обратил внимание на одного из них, золотоволосого. Тот показался смутно знакомым. *Адаир!*

— Валим отсюда! — прошептал парень. — Пока он нас не заметил.

Они развернулись и пошли в другую сторону, постепенно ускоряя шаг.

Луис с любопытством обернулся через плечо.

— Который из них? Что он сделал?

— Проклял меня.

Корни кивком указал на Адаира, и они нырнули под сень ивовых ветвей. Конечно, Силариаль гарантировала им безопасность, но у Корни, как и у Луиса, не было никаких иллюзий на этот счет.

Возле корней ивы они наткнулись на веселую компанию. В нее входили черный косматый фука с двумя зеленокожими пикси и сонный с виду мужчина-фейри в обнимку с мальчиком-эльфом. Корни резко остановился и с удивлением услышал, что кто-то из фейри нараспев читал эпическую поэму о червях.

— Извините, — пятась, сказал Корни. — Мы не хотели вас беспокоить.

— Чепуха, — воскликнула одна из пикси. — Иди сюда, посиди с нами, расскажи какую-нибудь историю.

— Я не... — начал было Корни, но фейри с козьими копытами со

смехом дернул его за руку, и парень плюхнулся на колени в мягкую черную грязь.

Воздух сильно пах сырой землей и свежими листьями.

— «В небо стремглав взвился дракон, пламенем был весь лес опален!» — декламировал фейри.

Видимо, в этих строчках подразумевалось, что дракон тоже червь, только большой.

— Смертные так интересно устроены, — сказал мальчик-эльф, собираясь ткнуть пальцем в глаз Корни.

— Нейл!.. — предостерегающе произнес Луис.

Фука погладил мохнатой рукой щеку Корни, и тот застыл, зачарованный.

Мальчик лизнул внутреннюю сторону его предплечья. Корни затрепетал. Он чувствовал себя марионеткой. Они дергали его за нитки, он танцевал.

— Нейл! — повторил Луис, чей голос казался далеким и неважным. — Очнись!

Корни подался навстречу нежным прикосновениям фейри. Его кожа стала такой горячей и чувствительной, что парень застонал от удовольствия. Чьи-то длинные пальцы потянулись к его перчаткам.

— Не надо, — слабым голосом попросил Корни.

На самом деле он хотел, чтобы с ним делали все, что угодно. Тело Корни жаждало ласк, а разум ненавидел его за это. Он призвал в памяти образ сестры, которую келпи скинул с пирса, но и это не смогло одолеть вожделение.

— Давай снимем это, — проворковал фейри, волосы которого были синими, как перья сойки.

Корни моргнул.

— Я могу причинить тебе вред, — томно предупредил он.

Фейри расхохотались. Их смех не был таким уж жестоким или издевательским, но Корни почувствовал себя униженным. Так волка забавляет кошка, которая пытается шипеть на него.

Они стащили с него перчатки. Изнутри облачком поднялась

резиновая пыль.

— Я порчу все, к чему прикасаюсь, — тупо сказал Корни.

Он чувствовал их руки на своих бедрах, на губах. Ему было холодно сидеть на влажной земле, но все остальное тело горело как в лихорадке. Он вытянул перед собой руки, касаясь чьих-то шелковистых волос и теплой, волнующе мускулистой плоти.

Неожиданно Корни распахнул глаза и осознал, что происходит. Теперь он видел аккуратные дыры в одежде фейри там, где ее коснулись его пальцы, синяки, проступающие на шее, коричневые пятна и морщины на коже, которая мгновение назад была безупречно белой. А фейри ничего не замечали.

Корни медленно улыбнулся. Пусть он не может им сопротивляться, но у него есть тайное оружие. Он расслабился и отдался похоти. Пикси повалили его на землю. Кто-то кусал его за шею, источая странный земляной запах...

— Нейл! — закричал Луис.

Он схватил Корни за шиворот и заставил подняться. Парень качнулся, растопырил руки. Луис хотел отскочить, прежде чем Корни дотронется до него, но чуток не успел. На его футболке все же осталась дыра.

Корни упал снова.

— Очнись! — Луис тяжело дышал, пытаясь побороть страх. — Вставай!

Корни удалось подняться на колени. Желание мешало ему даже говорить. Собственные губы предали его, стремясь только к наслаждению. Длинные пальцы фейри обхватили лодыжку парня. Ласкающее прикосновение снова лишило Корни контроля над собой.

Чьи-то теплые губы прижались к его губам.

— Нейл, подъем, — ласково, но твердо приказал Луис. — Пора вставать.

Его целовал тот самый Луис, который умел все, что не умел Корни, умный и саркастичный. Он не должен был даже смотреть на такого неуклюжего растяпу.

Корни приоткрыл рот, их языки соприкоснулись. Потом Луис

отпрянул.

— Дай руки, — велел он, и Корни охотно подчинился.

Луис связал ему запястья шнурком от кроссовок.

— Что ты?..

Корни попытался понять, что происходит, но его разум все еще застилал сладкий туман.

— Сложи пальцы вместе, — приказал Луис спокойным, уверенным тоном и снова прижал губы к его рту.

Конечно, Луис пытался спасти его. Так же как того мужчину, у которого изо рта сыпались медные монеты, или ту девочку с живыми лозами под кожей.

Он все знал о проклятиях, лекарствах и ядах, да и о целительной силе поцелуев тоже. Он знал, как отвлечь внимание Корни, пока связывал его, использовал себя как наживку, чтобы увести парня подальше от опасности. Он явно догадывался о том, что Корни влечет к нему, и хладнокровно этим воспользовался.

Все возбуждение Корни сразу пропало. Он отшатнулся и выскочил из-под ветвей ивы, надеясь, что Луис не видит его лица.

— Эй, прости, — окликнул его тот. — Я же не знал. Я думал...

— Не знал!.. Думал?! — завопил Корни.

Его лицо пылало. Потом живот скрутило.

Корни едва успел отвернуться, и его вырвало гнилыми грибами, Луис, конечно же, был прав насчет тех пирожных.

* * *

В темноте леса вспыхнули желтые совиные глаза, заставив Кайю подпрыгнуть. Она давно устала звать Корни и теперь просто пыталась найти обратную дорогу к месту пирушки. Но каждый раз, как она находила тропинку, музыка начинала звучать с другой стороны.

— Потерялась? — раздался за спиной вкрадчивый голос.

Это оказался фейри с зеленовато-золотистыми волосами и

стрекозиными крыльями, трепетавшими над обнаженной спиной.

— Будьте добры, подскажите мне дорогу, — попросила Кайя.

Он кивнул и показал одним пальцем направо, а другим налево.

«Ах ты, гад», — подумала девушка и скрестила руки на груди.

— Оба пути приведут тебя к месту пира, — сказал он, улыбаясь. — Один чуть длиннее, другой короче. Скажи мне свое имя, и я покажу тебе короткий путь.

— Ладно. Кайя.

— Оно не настоящее, — улыбка фейри стала коварной. — Могу поспорить, ты даже не знаешь своего настоящего имени.

— Вот и хорошо. Так безопаснее.

Кайя огляделась, но деревья, кольцом окружавшие прогалину, были ей совершенно незнакомы.

— Но кто-то ведь знает его, правда? Хотя бы тот, кто тебе его дал?

— Может, никто не давал мне имени? Или я сама его придумала?

— Говорят, безымянные вещи постоянно меняются. Имена, как булавки, прищипливают сущности к мирозданию. Безымянные сущности не вполне реальны. Как ты.

— Я реальна, — возразила Кайя.

— Ты же знаешь, что твое имя на самом деле не твое, правда? Как насчет истинного имени? Серебряной булавки, которой можно прищипить короля к любому месту, какому пожелаешь?

Голос фейри звучал беспечно, но Кайя напряглась.

— Я уже сказала Силариаль, что не стану пользоваться его именем. Не стану, понятно?

— Правда?

Фейри склонил голову набок, как птица.

— А как насчет обмена его на чью-нибудь жизнь? Смертная мать? Легкомысленный друг?

— Угрожаешь? — Кайя попятилась. — Тебя послала Силариаль?

— Пока нет, — сказал он и рассмеялся.

— Я сама найду дорогу, — буркнула она и пошла через лес куда глаза глядят.

Листья клонились под тяжестью невозможной летней листвы, влажная земля была теплой и ароматной, но деревья стояли неподвижно, как каменные столбы. Ветер полностью прекратился. Кайя шагала быстрее и быстрее, пока не вышла к ручью, петлявшему между камней.

У воды скрючилась невысокая фигурка. Побеги и ветки, росшие у нее на голове вместо волос, делали ее похожей на небольшой потрепанный куст.

— Ты! — изумленно выдохнула Кайя. — Что ты тут делаешь?

— Я знаю, что у тебя есть вопросы получше, — ответила Ведьма Чертополоха, блеснув глазами.

— Я устала от загадок.

Голос Кайи оборвался. Она села рядом с ведьмой, не заботясь о том, что подол угодил в ручей.

— И от яичной скорлупы, и от заданий.

Ведьма Чертополоха протянула длинную костлявую руку и погладила Кайю жесткими, как дерево, пальцами.

— Бедная маленькая пикси. Положи головку мне на плечо.

— Я даже не знаю, на чьей ты стороне, — пожаловалась Кайя, но придвинулась и прижалась лбом к плечу ведьмы. — Не знаю, сколько вообще сторон. На что все это похоже? На обычный лист бумаги с двумя поверхностями или на заколдованные кости с двенадцатью гранями? Если сторон в самом деле двенадцать, то которая из них моя?

— Умная девочка, — одобрительно сказала Ведьма Чертополоха.

— Давай хватит толочь воду в ступе! Ты хотела что-то мне сказать? Так говори!

— Ты уже знаешь, что тебе нужно. А нужно тебе сама знаешь что.

— Опять загадка! — возмутилась Кайя.

— Иногда загадка — это уже ответ, — сказала ведьма и ласково похлопала девушку по плечу.

Глава девятая

*Светлая как луна, радостная как свет.
Не омрачит печаль нежный овал лица.
Скажете: не она. Вымысел, сказка,
бред...
Женщина-призрак... Нет. Фея из снов
творца.*

*Кристина Росетти. В мастерской
художника.*[\[9\]](#)

Корни проснулся затемно. Его разбудил отдаленный звон колокольчиков и глухой грохот множества копыт. Он перевернулся на бок, не понимая, где находится, и чувствуя себя препаршиво. Неожиданно его охватил страх. Рукава кожаной куртки превратились в лохмотья, опухшие запястья были связаны шнурками. Корни попытался ослабить путы и чуть не взвыл от боли. Во рту чувствовался кислый привкус.

Когда Корни осознал, что он все еще во владениях Летнего двора, ему стало страшно и неудобно. Но потом он увидел Луиса, спящего рядом, и вспомнил все, что случилось той ночью. Свое идиотское поведение, мягкость губ Луиса и то, как он убирал его волосы с лица, пока Корни блевал на траву.

Луис был очень, очень добр.

Корни стало так стыдно, что он покраснел до слез. При одной мысли о ночных событиях у него немел язык и сжималось горло. Он отполз на коленях в сторону от Луиса и неуклюже поднялся на ноги. Оказаться от него подальше — только это могло успокоить Корни.

Стук копыт и звон колокольчиков становились все громче.

«Может, Кайя в той стороне? Если отыскать ее, то Луис, возможно, не станет обсуждать случившееся. Они оба сделают вид, что ничего не было».

Корни побежал на звук, петляя между деревьями, и вскоре наткнулся на процессию.

Мимо него на серебристых конях с сияющими гривами ехали фейри. Лица всадников скрывали шлемы. Первый наездник был в темно-красной броне, словно сошел со старинной картины. Кожаные доспехи второго оказались белыми, как змеиное яйцо. Конь третьего всадника неожиданно поднялся на дыбы. Копыта замелькали прямо над головой Корни. Этот всадник был в черных доспехах, блестящих, как вороньи перья.

Корни шарахнулся назад и стукнулся спиной о древесный ствол.

Черный всадник выхватил кривой меч, вспыхнувший, словно всплеск воды на солнце.

Корни зажмурился от ужаса. Горячее дыхание лошади ударило ему в лицо. Он поднял перед собой связанные руки, пытаясь закрыться.

Меч рассек шнурки, спутавшие его запястья. Корни вскрикнул и упал в грязь. Всадник вложил меч в ножны и поднял забрало.

— Корнелиус Стоун? — раздался голос Ройбена.

От облегчения Корни истерически рассмеялся.

— Ройбен! Что ты здесь делаешь?

— Еду заключить сделку с Силариаль. Я встретил Душеглота на берегу озера. Кто связал тебе руки? Где Кайя?

— Это было сделано ради моего же блага, — пробормотал Корни, потирая запястья.

Ройбен нахмурился и наклонился в седле.

— Поведай мне свою историю.

Корни протянул руку и коснулся зеленого листа. Тот свернулся и побурел.

— Вот ведь паршивое проклятие, да? Шнурками меня связали для того, чтобы я чего-нибудь ненароком не коснулся. По крайней мере, думаю, что именно для этого. Я не помню, что было ночью.

Ройбен покачал головой. Его лицо было сурово.

— Уходи из этого места как можно быстрее. Душеглот выведет тебя из владений Летнего двора по безопасному пути. Тут все является совсем не тем, чем кажется. Даже ты. Разве что Кайя...

Ройбен помолчал.

— Скажи, что с ней все в порядке.

Корни хотел было послать подальше этого Ройбена вместе с его фальшивой заботливостью, но его все еще слегка трясло от вида меча, промелькнувшего так близко от головы.

— Тебе-то какое до нее дело? — буркнул он.

Ройбен закрыл глаза, словно пытаясь справиться с волнением.

— Что бы ты обо мне ни думал, уведи ее отсюда.

Он откинулся в седле и тронул шпорами коня.

— погоди, — остановил его Корни. — Хочу тебя кое о чем спросить. Каково это — быть королем? Стать самым главным, когда никто не может тебя контролировать?

Конечно, это слегка напоминало насмешку, но Корни в самом деле хотел знать. Ройбен мрачно рассмеялся.

— Мне нечего ответить.

— Не хочешь, так и не говори.

Ройбен качнул головой, его взгляд стал серьезным. Корни почувствовал себя неуютно под этим взглядом.

— Чем круче твоя власть, тем больше появляется желающих тобой управлять. Они делают это через твоих близких или через врагов. Всегда найдется подходящая узда, и рано или поздно ты уступаешь.

— Значит, в безопасности оказаться никак нельзя?

— Не знаю. Стать невидимым. Или никудышным.

Корни покачал головой.

— Не работает.

— Тогда заставь их отступить первыми. — Тон Ройбена был серьезен, но на его губах играла ироническая улыбка. — Или умри. Мертвецом управлять невозможно.

Он опустил забрало.

— Отыщи Кайю, и бегите отсюда.

Ройбен пришпорил коня и вскоре исчез в туче пыли. Корни повернулся, собираясь идти обратно, и наткнулся на Адаира. Фейри стоял у него за спиной, прислонившись к древесному стволу.

— Ты — комок грязи, который портит красоту утра, — сообщил Адаир, откидывая за плечи золотистые волосы и доставая нож. — Быть столь уродливым — типичная ошибка смертных.

Корни вспомнил слова Ройбена. «Заставь их отступить первыми».

— Знаешь, ты сделал мне крутой подарок, — сказал он, кладя руку на ближайшую ветку и видя, как она чернеет. — Я о проклятии. Спасибо тебе большое.

Адаир попятился.

— Что, занервничал? Не знал, что от моих рук увядает все, даже плоть фейри? — Корни улыбнулся. — А мне как раз пришел на ум отличный способ тебя отблагодарить. Угадай с трех раз, что я задумал?

* * *

Кайя попыталась изобразить на лице безразличие, когда Ройбен нагнулся и проскользнул под зеленую бахрому тронного зала Силариаль. Его серебристые волосы ртутью стекали на плечи, но шея потемнела от пота.

Кайю потянуло к нему до головокружения, до боли в животе. Она не могла преодолеть свое влечение. Человеческий облик, под которым ее скрыла Силариаль, давил, как тяжелая и тесная одежда. Кайе жутко хотелось дотронуться до Ройбена, окликнуть его. Девушке казалось, что вся эта история с Заданием — всего лишь недоразумение. Стоит ей только заговорить с любимым, как все проблемы чудесным образом разрешатся. Но она должна была стоять возле ствола ивы, смотреть в землю и помалкивать вместе с прочими смертными служанками.

Когда Силариаль предложила скрыть ее под ореолом, Кайя сочла эту идею неглупой. По правилам Заявления Ройбену не позволено было ее видеть. Под ореолом она как раз и останется невидимой.

Они с королевой решили, что сперва Силариаль переговорит с

Ройбеном, а потом Кайя попытается убедить его следовать ее плану. Конечно, девушка была уверена в том, что из этого ничего не получится. Но это лучше, чем первоначальная идея — стоять здесь в настоящем обличье и смотреть на Ройбена так, словно они незнакомы.

— Этайн сообщила, что ты не согласен с моими условиями, — лениво проговорила Силариаль, раскинувшись на подушках.

— Вы же не думали, что я соглашусь, моя...

Ройбен оборвал речь. Королева рассмеялась.

— Ты чуть не назвал меня госпожой, не так ли? Да, эту привычку вытравить непросто.

— В самом деле, — скривился Ройбен. — Чуть не сморозил глупость.

— Пустяки. По-моему, это очаровательно.

Она улыбнулась и повела рукой в ту сторону, где Кайя стояла среди служанок.

— Ты не тосковал по неизменному вкусу страны твоей юности?

Из толпы слуг, повинаясь неувловимому сигналу королевы, выступила стройная смертная девушка в простом синем платье. Она подошла к столу, отпила из медного кувшина, а потом опустилась на колени перед Ройбеном и приоткрыла рот. В нем мерцало вино.

Кайю вдруг посетило ужасное воспоминание: мертвая Дженет, ее распахнутый рот, полный морской воды. Она изо всех сил впилась ногтями в мякоть ладони.

— Испей, — предложила королева, в глазах которой плескался смех.

Ройбен опустился на колени рядом с девушкой и вместе с поцелуем выпил вино из ее рта. Потом он опустился на подушки и с удовольствием вытянул ноги с таким безмятежным видом, будто приехал к себе домой.

— Знаешь, чего мне в самом деле не хватало? — спросил он королеву. — Копченого чая из одуванчиков.

Силариаль погладила служанку по голове и велела принести вина из другого кувшина. Кайя отвернулась, стараясь сохранить

равнодушное выражение на лице, и запустила ногти глубже в ладонь.

— Теперь давай побеседуем, — начала Силариаль. — Какие ты предлагаешь условия?

— Я рискую всем. Ты тоже должна что-то поставить на кон.

— У Зимнего двора нет шансов выиграть войну. Ты должен согласиться на все условия и сказать спасибо.

— Ничего подобного, — возразил Ройбен. — Если я проиграю твоему рыцарю, ты станешь королевой Зимнего двора, а я умру. Согласись, это большая ставка против краткого перемирия. Но я даже не прошу уравнивать ставки. Моя единственная просьба такова. Пусть королевой станет Этайн, если я выиграю.

На миг Кайе показалось, что в глазах королевы вспыхнул триумф.

— Только и всего? А если я не соглашусь?

Ройбен откинулся на подушках.

— Тогда война до конца.

Силариаль прищурилась, по-прежнему улыбаясь уголком рта.

— Ты изменился. Ты уже не тот рыцарь, которого я знала.

— Тот рыцарь утомлял тебя своей влюбленностью, — улыбнулся в ответ Ройбен. — Был безмерно благодарен за малейший знак внимания. Представляю, каким назойливым он тебе казался.

— Да, нынешнего рыцаря, который спорит со мной ради спасения тех, кого презирает, я нахожу куда более интересным, — согласилась королева.

От ответного смеха Ройбена кровь застыла в жилах Кайи.

— Но меня ты, наверное, презираешь еще сильнее? — спросила Силариаль.

Ройбен посмотрел на кольца из оникса, унизывающие пальцы его левой руки.

— Иногда я думаю о тех временах, когда желал тебя всем своим существом, и мне становится дурно.

Он сделал паузу и добавил:

— Но это не значит, что я больше не желаю тебя и не хочу вернуться домой.

Силариаль помотала головой.

— Ты же сказал Этайн, что никогда не откажешься от королевского титула, не передумаешь и никогда не станешь мне служить. Это правда?

— Я никогда не буду прежним, — Ройбен махнул рукой в ту сторону, где среди служанок стояла Кайя. — Чего бы я на самом деле ни желал.

— Когда-то ты заявил, что ничто связанное со мной не способно тебя соблазнить, — напомнила Силариаль. — Как насчет этого?

— Я просто попросил Этайн сказать тебе эти слова, — улыбнулся Ройбен.

— А на самом деле?

Ройбен встал, подошел к подушкам, на которых раскинулась Силариаль, и опустился перед ней на колени. Он коснулся ладонью щеки королевы, и Кайя увидела, что его рука дрожит.

— На самом деле...

Королева прыгнула к Ройбену, и их губы встретились. Первый поцелуй был кратким и осторожным, второй — уже нет. Ройбен сжимал королеву в объятиях с такой силой, словно хотел переломить ее пополам. Когда они отпрыгнули друг от друга, губы королевы стали красными, как кровь, а глаза потемнели от страсти.

Лицо Кайи пылало, стук сердца отдавался даже в ушах. Дрожащие руки Ройбена, протянутые к королеве, были хуже, чем поцелуи, чем его слова. Кайя знала, что означает эта дрожь, она и сама испытывала подобное желание, острое и отчаянное.

Девушка уткнулась взглядом в землю, пытаясь сосредоточиться на толстых корнях, извивающихся под ногами, и ни о чем не думать. Она и сама не знала, как сильно надеялась на то, что Ройбен все еще любит ее, пока не увидела явное доказательство обратного.

Шорох ткани заставил ее поднять взгляд, но оказалось, что Силариаль всего лишь снова откинулась на подушки. Взгляд Ройбена был настороженным.

— Вижу, ты очень хочешь, чтобы я приняла твои условия! — сказала королева игриво, но в ее голосе ощущалось сильное волнение.

Она протянула руку и откинула прядь волос с лица Ройбена.

— Скорее всего, Этайн вернет тебе корону, как только получит ее, — сказал он.

— Если ты проиграешь моему рыцарю...

Силариаль умолкла и погладила его по щеке.

— Если проиграешь, мне будет очень тебя не хватать.

Ройбен слабо улыбнулся.

— Но я выполняю твою просьбу. Этайн станет королевой, если ты победишь.

Она встала и подошла к кувшинам с вином. В их стенках отразилось ее лицо.

— Конечно, все эти переговоры ничего не значат, если ты просто ко мне вернешься. Оставь Зимний двор. Я же знаю, как ты к нему относишься. Вместе мы закончим войну за один день. Ты станешь супругом королевы.

— Нет, — буркнул он. — Я уже сказал, что не хочу.

— У меня есть средство убедить тебя.

Внезапно Ройбен встал, повернулся к группе служанок и окинул их взглядом.

— Кайя!

В его голосе звучало страдание.

Кайя смотрела в землю, стиснув зубы.

— Как ты угадал? — спросила Силариаль.

Ройбен подошел к девушке и взял ее за руку. Кайя рванулась в сторону, но безуспешно.

— Я должен был догадаться раньше. Ты очень хорошо замаскировала ее.

Кайю мучило от мыслей об их поцелуях. Ей хотелось надавать ему пощечин, плюнуть в лицо.

— Но как ты нашел ее среди прочих служанок?

Ройбен поднял руку Кайи и показал королеве кровавые полумесяцы, следы ногтей на ладони.

— По этому. Не думаю, что кто-то еще здесь стал бы так же нервничать.

Кайя с ненавистью взглянула на него, но увидела только отражение незнакомого человеческого лица в его глазах. Она вырвала руку и принялась вытирать ее о подол, словно хотела стереть с кожи прикосновения Ройбена.

— Тебе же нельзя меня видеть, пока я не решу эту дурацкую загадку!

— Я заслужил твое презрение, — глухим голосом сказал Ройбен. — Но что ты здесь делаешь? Тут небезопасно.

Его губы все еще были красными от поцелуев. Кайя не могла думать о чем-то другом.

— Тут моя родина. Отсюда я родом. Другая Кайя вернулась домой. Сейчас она у мамы, Эллен.

Ее слова мгновенно привели Ройбена в ярость.

— Что королева заставила тебя сделать ради этого?

— Хреново как-то получается. Странно же ты ее любишь, — желчно сказала Кайя. — Влюбленные должны доверять друг другу!

Несколько мгновений он молчал, глядя на нее с ужасным отчаянием, для которого не было подходящих слов.

— Неважно, что он думает обо мне или о тебе, — мягко и заботливо сказала Силариаль, подходя к Кайе. — Важно, что тебе известно его истинное имя. Прекрати войну.

Кайя улыбнулась.

— Я могу, ты знаешь. В самом деле могу.

Ройбен стал очень серьезен, но его голос прозвучал так же мягко, как у королевы:

— Хочешь управлять мной, Кайя? Мне придется склониться перед новой хозяйкой?

Кайя не ответила. Она боялась, что если откроет рот, то

наговорит такого, о чем потом пожалеет.

Ройбен побледнел.

— Кайя! — Он закрыл глаза. — Не надо!..

Его страх и отчаяние только разозлили Кайю. Ей хотелось, чтобы он мучился так же, как она.

Между тем Силариаль подобралась так близко к Кайе, что та чувствовала ее дыхание на своей щеке.

— Прикажи ему, — прошептала королева. — Ты же знаешь, что придется. Если откажешься, то я устрою неприятности твоей матери, сестре-подменьшу и твоим друзьям. Давай не упрямясь. У тебя нет выбора.

— Пообещай, что не повторишь его имени, — сказала Кайя. — Нет, не просто пообещай, а поклянись!

— Я не произнесу истинного имени Ройбена, — прошептала королева. — Не буду пользоваться им сама и не сообщу никому другому.

— Рат Ройбен... — начала Кайя.

Рука Ройбена поползла к рукоятке меча, но остановилась у пояса. Глаза его все еще были закрыты. Рай — третья часть его имени язвила ей губы. Рат Ройбен Рай.

— Ривен, — закончила Кайя. — Рат Ройбен Ривен, делай, как я велю.

На губах Кайи появилась жестокая улыбка. Лучше ему исполнить ее приказ. Иначе Силариаль сразу поймет, что имя было неправильным.

— Лижи руку королевы, Рат Ройбен Ривен. Лижи ее, как собака.

Ройбен опустился на колено и принялся лизать руку Силариаль. Его лицо покраснело от стыда.

Королева расхохоталась и вытерла руку о платье.

— Чудно. Что еще мы заставим его сделать?

Ройбен, по-прежнему стоящий на колене, покосился на Кайю. Та ухмыльнулась.

— Я заслужил это, — прошептал он. — Но...

— Заставь его замолчать, — приказала королева.

— Молчи, — сказала Кайя, кипя от ненависти.

Ройбен опустил глаза и умолк.

— Прикажи ему поклониться мне и навечно признать себя слугой Летнего двора!

Кайя резко втянула воздух. Этого она сделать не могла.

Лицо Ройбена стало угрюмым.

Кайя покачала головой, но ее ярость сменилась страхом.

— Я с ним еще не закончила, — сказала она.

Силариаль нахмурилась.

— Рат Ройбен Ривен, — начала Кайя, пытаясь придумать приказ, который Силариаль сочла бы приемлемым. — Хочу, чтобы ты...

Ее прервал пронзительный крик. Силариаль шагнула в сторону, с недоумением прислушиваясь.

— Кайя... — начал Ройбен.

В этот миг целая толпа фейри ворвалась под завесу ивовых ветвей. Среди них была Этайн.

— Госпожа! — воскликнул мальчик-эльф и застыл, пораженный видом короля Зимнего двора, стоящего на коленях. — Случилась смерть. Здесь, у нас.

— Что?! — Королева невольно взглянула на Ройбена.

— Смертный...

— Корни!

Кайя взвыла и бросилась из-под ивовых ветвей, забыв о Силариаль, о приказах и обо всем, кроме Корни. Она мчалась в ту сторону, куда бежали все, где уже собралась изрядная толпа. В центре толпы обнаружился Корнелиус. Живой и невредимый.

Трава на том месте, где он опирался на землю руками, увяла, маленькие фиалки побурели и высохли, даже земля выцвела и раскрошилась. Недалеко от Корни валялось тело Адаира. Мертвец все еще сжимал в руке нож, его шея и часть лица сморщились и потемнели. Пустые глаза смотрели в облачное небо.

Кайя резко остановилась, испытывая громадное облегчение при виде живого Корни. Рядом с ней стоял Луис. Он выглядел особенно бледным на фоне пурпурного плаща.

— Кайя, — тихо сказал он.

— Что здесь случилось? — спросила она, опускаясь на колени и аккуратно вынимая нож из руки Адаира.

— Нейл убил его, — глухим голосом сказал Луис. — Летние фейри не любят смерть, особенно здесь, в своих владениях. Это напоминает им о том, что рано или поздно их настигнет та же участь.

Корни внезапно рассмеялся.

— Держу пари, он такого не ожидал! Уж точно не от меня!

— Надо отсюда убираться, — сказала Кайя. — Корни, вставай!

Корни взглянул на нее странным взглядом, словно издалека.

— Не думаю, что меня отсюда выпустят.

Кайя оглянулась. Толпа становилась все больше. Силариаль стояла рядом с Талатайном. Этайн наблюдала за братом, беседовавшим с Эллебером и Руддлзом. Некоторые фейри таращились на тело, словно не веря своим глазам, другие рвали на себе одежды и причитали.

— Ты гарантировала Корни безопасность, — напомнила Кайя королеве, чтобы потянуть время.

— Он в безопасности, — ответила та. — Зато один из нас мертв.

— Тогда мы пошли. — Кайя встала и сделала несколько шагов.

Рукоятка ножа стала влажной в ее руке.

— Пусть идут, — сказал Ройбен.

— Не пытайся приказывать королеве! — возмутился Талатайн и наставил на него арбалет.

Ройбен рассмеялся и медленно, напоказ, вытащил меч. В его глазах пылала ярость, но лицо казалось просветлевшим, словно чистота ненависти спалила стыд унижения.

— Давай, — сказал он. — Добавим к этому трупу еще один!

Талатайн отбросил арбалет и тоже выхватил меч.

— Как долго я ждал этого мига!

Они начали кружить, держась друг против друга. Фейри подались назад, освобождая им место.

— Дайте мне с ним сразиться! — попросила Дулькамара.

Она была вся в красном, только волосы перевязаны черной лентой.

Ройбен улыбнулся и покачал головой. Он повернулся к Кайе, одними губами приказал уходить и бросился в атаку.

— Останови их! — велела Силариаль Кайе. — Прикажи им остановиться!

Рыцари то делали выпады, то отступали. Они казались партнерами в некоем смертельном танце. Мечи с лязгом столкнулись. Этайн шагнула к брату, остановилась и бросила умоляющий взгляд на Кайю.

— Ройбен, — крикнула та. — Стой!

Ройбен застыл как статуя. Талатайн с разочарованным видом опустил меч.

Силариаль подошла к Ройбену, провела пальцами по его щеке и повернулась к Кайе.

— Если ты хочешь уйти отсюда со своими друзьями, то знаешь, что именно надо ему приказать.

Кайя кивнула и подошла к ним. Ее сердце билось так сильно, что от него было тяжело в груди. Она остановилась позади Этайн, пытаясь найти способ вывести отсюда Корни и Луиса, не выдавая истинного имени Ройбена. Взамен свободы девушка должна была предложить нечто такое, что было бы достаточно ценным для Силариаль.

Кайя прижала нож Адаира к шее Этайн. Вокруг зазвучал хор взволнованных голосов.

— Корни, вставай. Луис, помоги ему!

Кайя с трудом сглотнула и заявила:

— Мы уходим. Прямо сейчас.

Силариаль больше не улыбалась. Она застыла на месте, ее губы

побелели.

— Я могу устроить...

— Нет! — крикнула Кайя. — Если ты тронешь мою мать, то я зарежу Этайн. Если тронешь брата Луиса, я тоже ее зарежу. Я собираюсь уйти отсюда с Корни и Луисом. Ты не станешь мне мешать, если не хочешь навредить Этайн!

— Госпожа, — прошептала Этайн.

Талатайн направил меч на Кайю, намекая, что ее ждет в будущем.

— Пусть пикси и смертные уходят, — сказала Силариаль. — Хотя она об этом скоро пожалеет.

Королева шевельнула рукой, и ореол исчез. Кайя выпрямилась, жадно вдыхая нахлынувшие запахи зеленых растений, влажной темной земли и червей, ползающих в ней. Она забыла, как это потрясающе — быть фейри, и как тяжек ореол, наброшенный такой могущественной колдуньей, как королева. От сладкого головокружения Кайя чуть не упала, но стиснула кулаки и только крепче прижала нож к горлу Этайн.

— Не трогай мою сестру, — сказал Ройбен. — Только не ее. Нет, Кайя!..

— Рат Ройбен Ривен...

— Это не мое имя, — сказал он.

Вокруг раздалось изумленное аханье. Кайя поймала его взгляд и сказала, вкладывая в слова безграничную ярость:

— Ты меня не остановишь.

Она подтолкнула Этайн к Корни и Луису и добавила:

— Попытайся, и я по-настоящему прикажу тебе остановиться.

Ройбен сжал зубы. Его глаза были холодны, как свинец.

Они прошли через весь остров к берегу и сели в ледяную лодку в виде лебедя. Когда лодка отчаливала, Этайн издала тихий звук, похожий на рыдание.

Они поплыли к далекому берегу, засыпанному снегом. Там ничего не изменилось. Все так же стоял у кромки воды юноша в

пальто Кайи, неподвижный, как рождественский Щелкунчик. Его губы и щеки посинели, изморозь на подбородке напоминала щетину. Застывшие глаза неподвижно смотрели на воду. Даже в смерти он готов был служить Летней королеве.

Глядя на него, Кайя подумала, что ей все равно не сбежать навсегда, куда бы она ни бежала.

Глава десятая

Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь.

Сунь-Цзы. Искусство войны.

Машина стояла там же, где ее оставили, в кювете возле шоссе. Стекла у пассажирских сидений покрылись белыми пятнами изморози. Когда Луис дернул на себя дверь, она открылась с сухим треском.

— Залезай, — сказала Кайя Этайн.

Сердце девушки стучало, как погремушка, лицо и пальцы заледенели, ярость давно выдохлась, осталась только паника.

Этайн недоверчиво посмотрела на автомобиль.

— Железо?

— Почему нас не преследуют? — спросил Луис, оглядываясь через плечо.

— Преследуют, — ответил кто-то.

Кайя вскрикнула и автоматически подняла нож.

На дороге появился Душеглот. Черное одеяние колыхалось на ходу, сапоги скрипели по гравию обочины.

— Моему лорду Ройбену не понравилось, что я позволил вам пересечь озеро, — с угрозой сказал он, приближаясь. — Но он будет совсем недоволен, если вы немедленно отсюда не уедете. Уматывайте. Я задержу преследователей, кем бы они ни были. Вы окажетесь в безопасности, когда пересечете границу владений Летнего двора.

— Ты-то понимаешь, что это безумие — удерживать меня тут против воли? — спросила его Этайн. — Ты ведь изгнанник? Позволь мне вернуться, и я замолвлю за тебя словечко. Клянусь!

Луис покачал головой.

— А кто гарантирует безопасность моего брата, если мы тебя отпустим? Извини, нет. У всех нас есть близкие, которых мы любим и хотим защитить.

— Не дай им увезти меня! — Этайн бросилась на колени перед Душеглотом и схватила его костлявую руку. — Брат все равно вернет меня. Уже сейчас он ищет. Если ты ему верен, то отпустишь меня.

— Стало быть, Ройбен больше не злодей? — ехидно спросила Кайя. — Теперь он любящий братец?

Губы Этайн сжались в тонкую линию.

— Мне никто не приказывал тебя слушаться, — ответил Душеглот, отталкивая руку Этайн. — У меня вообще нет ни малейшего желания кому-либо помогать. Я только выполняю приказы.

Этайн медленно встала.

Луис взял ее за руку.

— Я знаю, что ты важная дама и все такое, но сейчас ты сядешь в машину.

— Если ты причинишь мне вред, то брат тебя возненавидит, — прищурившись, сказала Этайн Кайе.

Кайя вспомнила последний, ужасный взгляд Ройбена, и ей стало худо.

— Полезай в машину, — повторила она. — Давай, это всего лишь небольшая поездка.

— Быстро! — подтолкнул ее Луис.

Этайн кое-как устроилась на ободранном заднем сиденье среди всякого мусора, стараясь не касаться железных частей отделки. На ее лице застыла гримаса бешенства и страха.

Корни водил пальцем по крышке капота, оставляя на ней ржавые узоры. Казалось, он не замечал этого, как и того, что стоял босой на снегу.

— Я убийца, — пробормотал он.

— Вовсе нет, — возразил Луис.

— Если я не убийца, то что произошло с Адаиром?

— Ага, тут есть пластиковые пакеты, — сказал Кайя.

Она потянулась к заднему сиденью, порылась в куче пустых банок из-под колы и фастфудовских контейнеров и выудила оттуда пару пакетов.

— Надень пока их вместо перчаток.

— Отлично, — ответил Корни с дурацкой улыбкой. — Будет печально, если на ходу увянет руль.

— Нет уж, машину ты не поведешь, — сказал Луис.

Кайя натянула ему на руки пакеты, усадила рядом с водителем, а сама села рядом с Этайн. Луис завел мотор, и они наконец тронулись в путь.

Кайя то и дело поглядывала в заднее стекло, но не видела никаких преследователей. Фейри не гнались за ними по воздуху, не выскакивали из-под земли. Никто не пытался остановить машину. Мысли Кайи путались от горячего, пропахшего металлом воздуха, дующего из вентиляции. Ее клонило в сон, глаза закрывались сами собой, но страх преследования снова и снова заставлял девушку просыпаться. Ей казалось, что небо, затянутое облаками, потемнело от перепончатых крыльев, а лес, растущий вдоль дороги, полон распахнутых голодных ртов.

— Что будем делать дальше? — спросил Луис.

Кайя думала о длинных пальцах Ройбена, запутавшихся в медных волосах Силариаль, и о том, как он притянул ее к себе.

— И вообще, куда мы едем? — подхватил Корни. — Где оно, это безопасное место? Думается, у Ройбена нам будет поуютнее, чем у Силариаль. Но что произойдет, когда мы вернем Этайн? Вы уверены в том, что Силариаль все забудет и простит? Я ведь убил Адаира. Убил насмерть!

Кайя молчала. Они остались в полном одиночестве, и это было страшнее всего.

«Мы настроили против себя оба двора. Силариаль никогда не перестанет искать меня, потому что только я знаю истинное имя Ройбена. На этот раз у меня нет ни волшебного оружия, ни волшебного рыцаря-фейри. Все, что у меня осталось, — это

обшарпанная машина и двое парней, которые не заслужили всех этих неприятностей».

— Не знаю, — вздохнула она.

— Так я и думал, — сказал Корни. — Безопасного места не существует. По крайней мере, для нас.

— Ни для кого, — удивительно спокойно заметил Луис.

Этайн застонала на заднем сиденье. Луис глянул на нее в зеркало заднего вида.

— Это все железо, — объяснил Корни.

Луис неопределенно кивнул.

— Да, я знаю, как они страдают от него.

— Кайя, берегись, — ухмыльнулся Корни. — Как бы Этайн на тебя не блеванула.

— Заткнись! Ей плохо. Она ведь не привыкла к железу, как я.

— «Добро пожаловать в Нью-Джерси», — прочитал Корни надпись на придорожном стенде.

— Не пора ли сделать остановку? Пусть Этайн глотнет воздуха. Похоже, мы уже в землях Зимнего двора.

На всякий случай Кайя еще раз окинула взглядом небо, но не заметила ни следа погони. Чего ждать от фейри — переговоров или серебряную стрелу в сердце? Объединятся ли Силариаль и Ройбен, чтобы вернуть Этайн? Сейчас Кайе казалось, что они остались на другом конце света.

Порыв свежего морозного ветра отвлек ее от размышлений. Машина подъехала к заправке и остановилась. Луис пошел платить за бензин, а Корни принялся заправлять бензобак. Его руки, обернутые пакетами, скользили. Вдобавок тонкий пластик как будто начал таять. От удивления Корни окатил бензином крыло автомобиля. Кайя, которая вышла подышать свежим воздухом, отшатнулась и заткнула нос.

— Расскажи, что там случилось? — негромко спросила она. — Ты правда убил Адаира? Зачем?

— Ты же не думаешь, что я сделал это, чтобышний раз

попрактиковаться? Помнишь Нефамаэля? — спросил Корни так же тихо. — Его я тоже убил.

— Нефамаэль и так умирал, — ответила Кайя и ей стало горько.

Корни запустил в волосы пальцы, обернутые в пластик, дернул так сильно, будто пытался их оторвать, а потом вытянул руку перед собой.

— Это случилось так быстро! Адаир заговорил со мной. Он пытался меня запугать, и я решил припугнуть его. Тут подошел Луис. Адаир схватил его и заявил, что Силариаль гарантировала только мою безопасность, а насчет Луиса уговора не было. Он сказал, что выдавит ему оставшийся глаз, и уже поднял руку. Я поймал запястье, оттолкнул, а потом схватил его за горло. Кайя, в школе меня колотили так часто, что я приобрел кое-какой опыт в драках. Но проклятие... Мне даже не понадобилось сжимать пальцы. Я просто подержал его несколько секунд, и он умер.

— Мне так...

Корни помотал головой.

— Не говори, что тебе жаль. Мне не жаль ничуть.

Кайя опустила голову ему на плечо, вдохнула знакомый запах пота.

— Тогда мне тоже не жаль, — сказала она.

Вернулся Луис. В магазине при заправке он купил пару желтых перчаток для мытья посуды и шлепанцы. Кайя посмотрела вниз и сообразила, что Корни все еще босой.

— Надевай, — сказал Луис, не глядя Корни в лицо. — Напротив какая-то забегаловка, мы можем там пообедать. Я позвонил Дэйву, велел ему спрятаться у друзей в Джерси и предостерег, чтобы он не заходил на территорию Летнего двора, хотя в городе живут в основном изгнанники.

— Можешь позвонить маме, — предложил Корни Кайе, вытаскивая телефон. — Черт, аккумулятор сел. Ладно, заряджу его в кафе.

— А еще нам надо бы раздобыть нормальную одежду, — сказала Кайя. — Мы одеты как компания психов. На нас будут обращать внимание.

Луис заглянул в машину. Этайн ответила ему недобрым взглядом.

— Вы не можете накинуть ореол? — спросил он.

Кайя покачала головой. Окружающий мир тоже качнулся.

— Какой ореол? Я совсем расклеилась, — пробормотала она.

— Тогда не думаю, что нормальная одежда отвлечет внимание людей от того факта, что у тебя крылья и зеленая кожа. Ладно, вытаскивайте наружу Этайн. Попытаемся затеряться в толпе.

— Не воображай, что можешь приказывать мне! — холодно сказала Этайн, пробуя ногой асфальт.

От запаха бензина ее перекосило. Корни захихикал.

— Присматривай за ней, — велел Луис. — Она может попытаться удрать.

— Не думаю, — возразил Корни. — Она выглядит еле живой.

— Секундочку, — попросила Кайя.

Она нагнулась, достала из машины пакет с багровым плащом, который ей подарили фейри, наручники из секс-шопа, обшитые мехом, и пристегнула к себе Этайн.

— Это еще что? — насторожилась та.

Луис оглушительно расхохотался.

— Ты специально так хорошо подготовилась или всегда носишь при себе наручники на всякий случай?

Этайн задрожала.

— Здесь все пропахло железом и гнилью!..

Корни снял кожаную куртку и протянул ей.

— Да уж, Джерси — это не курорт.

Этайн приняла ее с благодарностью.

Кайя сосредоточилась. Ей удалось спрятать крылья и поменять цвет кожи. На этом ее силы иссякли. Поездка в машине и мощный ореол, наброшенный на нее королевой, выжали ее до капли. Что касается Этайн, она и не подумала скрыть магией свои острые уши или придать себе не столь изящный вид.

Кайя хотела сделать ей замечание, когда они поднимались на крыльцо кафе, но девушка увидела, как фейри в ужасе шарахнулась от дверной ручки, и только махнула рукой. Если ей самой было нехорошо, то Этайн — наверняка в сто раз хуже.

Фасад забегаловки был выложен декоративными плитками под камень, на двери красовалась наклейка: «Дальнобойщики, добро пожаловать!» Кто-то коряво разукрасил окна изображениями оленей, Санта-Клауса и огромных саней.

Беглецы вошли внутрь и сели за столик у окна. Никто даже не взглянул на них, кроме пожилой женщины с высоко взбитыми седыми волосами, стоявшей за прилавком. Этайн уставилась на ее морщинистое лицо, как завороченная.

Кайя зажмурилась, наслаждаясь таким знакомым и уютным ароматом свежесваренного кофе. Ее даже не волновало, что напиток был приготовлен в железной кофеварке. Это был ее родной мир. Тут она чувствовала себя почти в безопасности.

Официант, шустрый латиноамериканский парень, принес ламинированное меню и воду. Луис тут же выпил ее.

— Давно хотел пить, — сказал он. — И есть. Шоколадные батончики кончились еще вчера.

— А вы правда получаете над нами власть, если мы едим вашу пищу? — спросил Корни у Этайн.

— Так и есть, — кивнула она.

Луис мрачно посмотрел на фейри.

— Так я... — Корни открыл меню и, не договорив, уткнулся в него.

— Чары проходят, — сказала Этайн. — Съешь что-нибудь человеческое, это поможет.

— Мне надо позвонить, — сказала Кайя.

Корни нагнулся, воткнул зарядное устройство в розетку под сиденьем и протянул Кайе телефон.

— Болтай сколько хочешь, главное, случайно не выдерни вилку.

Кайя набрала номер матери, но услышала только длинные гудки. Ни голосовой почты, ни автоответчика. А электронные сообщения

Эллен никогда не читала.

— Мамы нет дома, — сказала Кайя. — Нам нужен план.

Корни положил меню на стол.

— Как мы придумаем план, если не знаем, что затевает Силариаль?

— Надо действовать! — возразила Кайя. — опередить ее, неважно как.

— Ради чего? — спросил Луис.

— Знаете, почему меня ищет Силариаль? Потому что я знаю истинное имя Ройбена.

Этайн широко распахнула глаза.

— Ух ты, — протянул Корни. — Черт! Круто!

— Мне удалось ненадолго обмануть Силариаль, но сейчас она уже знает, что ее провели.

— Ты — типичная пикси, — заявила Этайн.

Она хотела добавить еще что-то, но в этот миг подошла официантка и достала из кармана передника блокнот и карандаш.

— Что будем кушать, ребятки? Вот-вот подспеют блины.

— Кофе, кофе, кофе и еще кофе, — заказал Корни, поочередно тыкая пальцем во всех сидящих за столом.

— Молочный коктейль с клубникой, — добавил Луис, — чизбургер «Де-люкс» и сырны палочки.

— Как приготовить? — спросила официантка.

Луис удивленно взглянул на нее.

— Как обычно.

— Еще стейк с яичницей, — добавил Корни. — Хорошо прожаренный. И ржанные тосты.

— Овощи с курицей на лепешке, — сказала Кайя. — И дополнительный соус, пожалуйста.

Этайн с сомнением посмотрела на меню, лежащее перед ней.

— Черничный пирог.

— Вы, детки, едете со средневековой ярмарки?

— Угадали, — подтвердил Корни.

— Что ж, костюмы удались на славу.

Официантка улыбнулась и забрала меню.

— Как это ужасно, — с содроганием сказала Этайн, провожая ее взглядом. — Постепенно умирать всю жизнь.

— Ты ближе к смерти, чем она, — буркнул Луис.

Он насыпал на стол дорожку из сахара, облизнул палец и провел им по столу.

— Вы не собираетесь меня убивать, сами не знаете, что делать, — спокойно сказала Этайн. — Вы — всего лишь перепуганные дети.

Кайя резко дернула руку, заставив Этайн покачнуться.

— Я что-то слышала про поединок. Силариаль согласилась отдать тебе власть над Летним двором, если Ройбен выиграет. Это правда?

Этайн обернулась к девушке.

— Она согласилась?!

— Может, на нее так подействовали поцелуи Ройбена?

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Корни. — Какие поцелуи?

Кайя кивнула.

— Не то чтобы это было слияние душ, скорее неприкрытая попытка соблазнения.

Ее голос прозвучал резко и злобно. Этайн улыбнулась, не поднимая глаз.

— Он ее целовал. Меня это радует. Значит, брат все еще питает к ней чувства.

Кайя насупилась, борясь с искушением еще раз дернуть наручники.

— Вернемся к поединку, — дипломатично произнес Луис.

Этайн пожала плечами.

— Он состоится на границе дня и ночи, на нейтральной территории. Харт-Айленд расположен за пределами Нью-Йорка. В лучшем случае брат выиграет для Зимнего двора несколько лет мира и сможет собрать армию побольше. В худшем — потеряет и корону, и жизнь.

— Ставки неравны, — отметил Корни. — Оно того не стоит.

— Нет, погоди, — возразила Кайя. — Еще как стоит! У Ройбена, в принципе, появилась возможность выиграть. Могу поспорить, он победит Талатайна. Силариаль остановила их сегодня, но Ройбен явно не огорчился. Зачем королева дала ему шанс на победу?

— Может, ей слишком скучно так легко победить Зимний двор? — предположил Луис.

— Подозреваю, она снова что-то затеяла, — сказала Кайя. — Что-то такое, что даст преимущество Талатайну.

— Как насчет холодного железа в виде пуль? — предположил Корни. — Силариаль не стесняется прибегать к человеческой технике.

— Чем пуля страшнее стрелы с серебряным наконечником, который пронзает плоть и добирается до сердца? — спросила Этайн. — Оружие смертных не убьет Ройбена.

Луис кивнул.

— Тогда — его имя. Это ведь очевидно, да? Ройбен не выиграет, если королева просто прикажет ему.

— Что бы ни задумала моя королева, вам это не по уму, — заметила Этайн.

Подошла официантка и налила им кофе.

— Слушайте. — Корни помахал желтой резиновой перчаткой. — Неважно, дружба или судьба собрала нас за этим столом. Выпьем за то, чтобы этот чудесный кофе помог нам сосредоточиться и отгадать все, что требует разгадок!

Они чокнулись чашками. Этайн к своей даже не прикоснулась.

Корни зажмурился, отпил глоток кофе и поставил чашку на стол.

— Так на чем мы остановились?

— План, — напомнила Кайя. — Которого у нас нет.

— Сложно придумать план, который будет лучше, чем другой, о котором мы понятия не имеем, — сказал Луис.

— Думаю, нам надо залечь на дно и не высовываться до самого поединка. Обвешаемся железом с ног до головы, а ее спрячем.

Корни указал на Этайн чайной ложкой, пролив несколько капель на скатерть. Одна из них упала на платье Этайн и впиталась в его необычную материю.

— Кайя, если ты будешь пытаться превзойти неизвестный тебе план, то обязательно проиграешь. Поединок будет между двумя фейри. Так пусть лучший монстр победит!

— Ну, не знаю, — проворчала Кайя.

Официантка поставила перед ней тарелку. Над кушаньем поднимался пар. От запаха жареного лука рот девушки наполнился слюной. Луис, сидящий напротив нее, окунул в соус сырную палочку.

— У меня такое чувство, что мы должны сделать что-то более важное, — сказала Кайя.

— Ты знаешь, что такое шахматы фейри? — спросил Корни.

Кайя помотала головой.

— Когда правила меняются при каждом следующем ходе.

— И что, они в самом деле так это называют? — заинтересовалась Кайя. — Как в шахматном клубе?

Корни с серьезным видом кивнул.

* * *

— В том пироге с черникой совершенно не было черники, — сказала Этайн, садясь в машину рядом с Кайей. — Почему?

— Неужели? — фальшиво удивился Корни. — А как на вкус?

— Почти несъедобно.

— Вот она, великая тайна человеческих забегаловок. На самом деле еда гораздо вкуснее, чем кажется фейри. Как те сырны палочки.

— Мои сырные палочки, — уточнил Луис, заводя мотор.

— Боишься подцепить от меня микробов? — с коварной улыбкой спросил Корни.

Луис вздрогнул и резко ответил:

— Заткнись!

Кайя шлепнула Корни по затылку, но когда он обернулся, у него оказалось такое странное выражение лица, что она не нашла что сказать. Корни тряхнул головой и отвернулся к окну. Кайя откинулась на спинку сиденья и позволила ореолу растаять. С недавних пор он все сильнее раздражал ее.

— Вы должны меня освободить! — подала голос Этайн. — Мы уже достаточно далеко от Летнего двора. Если вы будете меня удерживать, то только привлечете к себе лишнее внимание.

— Никому не нравится быть пленным, — сказал Луис без особого сочувствия к Этайн. — Летний двор будет преследовать нас независимо от того, в плену ты или нет. Но нам спокойнее с заложником.

Этайн повернулась к Кайе.

— Позволишь смертным говорить за тебя? выступишь против собственного народа?

— Лучше порадуйся, что ты здесь, а не там, — ответила Кайя. — По крайней мере, не придется смотреть, как твоя возлюбленная королева убивает твоего возлюбленного брата, в которого она, без сомнения, безумно влюблена.

Стоило ей договорить, как у нее похолодело в животе. Слова прозвучали мрачным пророчеством. Губы Этайн сжались в узкую бледную линию.

— Не говоря уже о волшебном черничном пироге, — добавил Корни.

Кайя смотрела в окно на мелькающие деревья, чувствуя себя больной, беспомощной и виноватой.

— Не заехать ли нам за Дэйвом? — тихо спросил Корни.

Кайя поняла, что вопрос обращен не к ней.

Луис отрицательно качнул головой.

— Я звонил ему из кафе. Моя подруга Вэл обещала, что встретит его на станции, присмотрит за ним и даже привезет к нам, если мы попросим.

Луис вздохнул.

— Главное, чтобы Дэйв благополучно сел на поезд.

— А что может ему помешать? — спросил Корни.

— Он все делает наперекор. Около года назад мы с ним жили на заброшенной станции метро. Паршивое местечко, но железо отпугивало фейри, к тому же я тогда был у них курьером, и потому нас не трогали. Затем он подобрал ту чертову наркоманку Лолли и привел ее жить к нам. У нас с братом и так были напряженные отношения, но Лолли вконец их испортила.

— Вы оба на нее запали? — спросил Корни.

— Не совсем. — Луис бросил на него быстрый взгляд. — Дэйв бегал за ней, как собачка. Он был словно околдован. Но она... В общем, она предпочитала меня.

Корни рассмеялся.

— Знаю, — сказал Луис, смущенно опуская голову. — Гнусно, да? У девчонки были мерзкие привычки, я был слеп на один глаз... В общем, Дэйв меня так и не простил. Он наглotalся того волшебного наркотика, который называется «Никогда», и принял мое обличье. После этого у него поехала крыша, и он убил нескольких фейри.

— Вот почему ты работаешь на Силариаль? — спросил Корни.

— Ага. Только благодаря ее защите брат может оставаться живым в Нью-Йорке. — Луис снова вздохнул. — Но эта защита не многого стоит. Изгнанники никому не подчиняются, а их-то он и поубивал. Если бы Дэйв хотя бы взялся за ум... Знаю, дела бы пошли лучше. В следующем году ему будет восемнадцать. Мы могли бы взять ссуду от правительства штата и поступить в колледж.

Кайя вспомнила слова Дэйва о том, что он хотел бы повеселиться перед смертью, а больше его ничто не волнует. Он вовсе не собирался поступать в колледж.

— На кого хочешь учиться? — спросил Корни.

— Пусть это звучит глупо! На библиотекаря, как мама, или на врача...

— Я хочу заехать домой, — перебила его Кайя. — Поверни тут. Это очень близко.

— Что? — воскликнул Корни. — Нет! Мы должны держаться вместе!

— Хочу убедиться, что с бабушкой все в порядке, и заодно переоденусь.

— Глупо. — Корни развернулся к ней лицом. — Вдобавок, если ты забыла, к тебе кое-кто пристегнут.

— У меня есть ключ. Пристегни ее к себе. Заберу шмотки и приду к тебе. Там и встретимся. — Кайя сунула руку в карман, вылавливая ключи. — А еще мне надо покормить крыс. Они уже второй день не ели. У них и вода в поилке наверняка закончилась.

— Ты их вообще никогда не покормишь, если тебя захватят фейри!

— Я не хочу оставаться с двумя смертными юношами, — тихо сказала Этайн. — Если не хотите меня освободить, то подумайте немного о моем удобстве.

— Ой, я тебя умоляю! — ответила Кайя. — Корни — гей. Тебе не о чем беспокоиться.

Она перехватила свирепый взгляд Корни и умолкла, догадавшись наконец, в чем дело. Ему нравился Луис. Вот к чему все эти разговоры о микробах и сырных палочках.

— Извини, — пролепетала она, но только заставила его сильнее покраснеть. — Луис, поверни здесь.

— Вы меня превратно поняли, — заговорила Этайн, но никто не стал ее слушать.

— Кайя, я все понимаю, — сказал Корни. — Ты хочешь проведать бабушку и маму. Но тебе вряд ли понравится, что скажет бабушка. Даже если она в курсе того, что у тебя произошло с мамой.

— Корни, я не знаю, что будет и как мы все это уладим. Но я не могу просто взять и исчезнуть, даже не сказав «до свидания», — так же тихо ответила Кайя.

— Хорошо. Остановись здесь, — попросил он Луиса и сказал девушке:

— Только недолго.

Машина затормозила напротив дома бабушки. Кайя отстегнула наручники, передала их Корни и выбралась на улицу.

— Мы тебя подождем, — сказал Луис, опустив стекло.

— Не надо. Встретимся в трейлере, парни.

* * *

На втором этаже горел свет, напоминая глаза Джека-Тыквы. Дом не был украшен к Рождеству, хотя все соседские дома сияли и переливались огнями. Кайя взобралась на дерево, растущее напротив окна спальни. Обледеневшая кора привычно царапала ей кожу. Кайя уже перелезала на крышу, засыпанную снегом, когда заметила тени, движущиеся в ее комнате. Она замерла, скрючившись на карнизе.

В коридоре, спиной к окну, стояла Эллен и с кем-то говорила. В первый миг Кайя едва не распахнула окно, чтобы окликнуть ее. Но тут она заметила, что клетка с крысами исчезла, а все ее вещи и одежда были свалены в две огромные кучи на полу.

«Тоби-Кайя», — вспомнила она.

Так пошутил Корни.

В комнату вошла девочка, одетая в футболку Кайи, достающую ей до коленок. Малышка выглядела в точности как Кайя в миниатюре: грязные светлые волосы, раскосые карие глаза. Кайя смотрела на нее через окно, и ей казалось, что она заглядывала в собственное прошлое.

— Мамочка, — прошептала она.

Слово вылетело изо рта облачком пара, как безмолвный призрак. Сердце ее гулко стучало в груди.

— Что тебе, Кейт? — спросила Эллен.

— Я не хочу спать, — сказала малышка. — Не люблю спать.

— А ты попробуй, — ответила мама. — Я думаю...

С ветки дерева спорхнула Люти-лу. Кайя от удивления отшатнулась назад, потеряла равновесие и скатилась вниз, к самому краю крыши. Из спальни донесся испуганный вскрик.

Эллен подошла к окну, высунулась и осмотрела заснеженную крышу. Кайя потихоньку откатилась подальше. Словно чудовище. Монстр, который ждет, когда ребенок уснет, чтобы пробраться в спальню и сожрать его.

— Там никого нет, — сказала Эллен, закрывая окно. — Никто и никогда тебя больше не украдет.

— Кто эта девочка?

Шепот Люти-лу раздался над самым ухом. Крылья Люти обдужали пальцы Кайи легко, как крылья бабочки или взмахи ресниц.

— Почему она спит в твоей постели и носит твою одежду? Я ждала, как ты приказала. Ты очень долго не возвращалась.

— Это ребенок, который занимал мое место и там и тут. Я думала, что она — это я.

— Подменьш?

— Ага. Настоящая Кайя.

Холод снега просочился под одежду, кожа заныла от мороза. Но Кайя все так же сидела на краю крыши и смотрела, как Эллен выключает повсюду свет, оставив только ночник.

Проще простого было забраться в темноте на самый верх и влезть в чердачное окно. Кайя проскользнула в окно, оттолкнулась от рамы и оказалась внутри. Ее ноги коснулись грязного пола. Кайя протянула руку, нащупала выключатель и повернула его. Вспыхнула единственная пыльная лампочка.

В тот же миг Кайя ударилась бедром о какой-то ящик, и на пол высыпалось его содержимое, десятки, а то и сотни фотографий. Одни склеились от старости, другие были обтрепаны по углам, но на всех была запечатлена маленькая девочка.

Кайя склонилась над фотографиями. На одних была крошка в пеленках, спящая в саду, на других — тощее создание в спущенных колготках. Какие из этих фото изображали ее, а какие — другую девочку? Кайя не знала этого. Она ведь не помнила, когда ее подменили.

«Самозванка, — вывела она пальцем в густой пыли. — Фальшивка».

В окно ворвался ветер и раскидал фотографии. Кайя со вздохом принялась собирать их. Она чувствовала множество запахов: помет белок, проеденное термитами дерево, подгнивший подоконник... Под стропилами какая-то птица свила гнездо из розовой изоляции, ярким пятном выделявшееся на фоне темного дерева. Кайя подумала о кукушках. Она сгребла фотографии в обувную коробку и оглянулась, разыскивая лестницу.

В ванной на втором этаже никого не было, но возле раковины горел еще один ночник. В этом знакомом месте Кайя почувствовала себя опустошенной. Как она и догадывалась, никто не позаботился упаковать ее грязную одежду. Из корзины с бельем она вытащила футболки, свитера и джинсы, которые носила на прошлой неделе, собрала их в охапку и выкинула из окна на заснеженный газон.

Кайе хотелось унести свои записи, тетрадки и романы, но она опасалась заходить в спальню. Что, если подменыш заплачет? Что, если Эллен поднимется и увидит ее, вцепившуюся в дурацкие пластмассовые бусы, которые она когда-то выпросила у нее на уличной ярмарке?

Кайя осторожно открыла дверь и вышла в коридор, стараясь на слух определить, где находятся крысы. Она не могла бросить тут своих любимцев, чтобы бабушка сдала их в зоомагазин, как не раз грозилась, когда клетка становилась особенно вонючей. Мысль о том, что крыс уже нет в доме, приводила Кайю в панику. Может, кто-нибудь отнес их на крытое крыльцо?

Кайя прокралась вниз по лестнице, но стоило ей оказаться в гостиной, как она увидела бабушку, сидящую на диване.

— Кайя! Я не слышала, как ты вошла. Где ты была? Мы очень беспокоились.

Кайя могла бы накинуть ореол невидимости и сбежать, но голос бабушки прозвучал так обыденно, что пригвоздил ее к полу. Сумрак лестницы скрывал зеленый цвет ее кожи.

— Ты не знаешь, где Исаак и Армагеддон?

— Наверху, в комнате твоей матери. Твоя сестра их боится. Это все воображение. Ей кажется, что крысы с ней разговаривают.

— Вот как, — сказала Кайя. — Ладно.

Рядом с телевизором стояла елка, украшенная гирляндой и игрушками в виде ангелов. Она была такой настоящей! Кайя чувствовала запах хвои и мокрой резины. Под деревом выстроились в ряд несколько коробок, обернутых в золоченую бумагу. Кайя уже и не помнила, когда в этом доме последний раз наряжали елку.

— Где ты была? — Бабушка наклонилась, искоса глядя на Кайю.

— Там и сям, — неопределенно ответила она. — В Нью-Йорке дела пошли наперекосяк.

— Сядь, — приказала бабушка. — Меня раздражает, когда ты стоишь, а я тебя не вижу.

Кайя шагнула глубже в тень.

— Мне и тут неплохо.

— Она никогда не рассказывала мне про Кейт! Можешь себе представить? Ни словечка! Как она могла скрыть от меня собственную плоть и кровь? Вылитая ты в ее возрасте! Такая сладкая девочка выросла вдалеке от родных, обделенная материнской любовью. Когда я думаю об этом, у меня просто сердце разрывается!

Кайя тупо кивнула. Обделенная!.. Это она, Кайя, тому причиной.

— Но почему Эллен привезла ее сюда?

— Я думала, что она тебе рассказывала об этом. Отец Кейт лег в больницу. Он клялся никогда не беспокоить Эллен, но нарушил обещание, и, честно говоря, я рада. Кейт — странный ребенок. Похоже, ее кошмарно воспитывали. Ты знаешь, что она ест только соевые бобы и лепестки цветов? Что это за диета для растущего организма!

Кайе хотелось закричать. Разница между обыденными вещами, которые рассказывала бабушка, и тем, что случилось на самом деле, была почти невыносимой. Ее заколдовали или она в самом деле верила в то, что все это правда? Слова правды теснились в горле Кайи, но она проглотила их, потому что хотела слушать бабушку дальше, хотела еще минутку чувствовать, что все нормально.

— Эллен счастлива? — тихо спросила она. — С... Кейт?

Бабушка фыркнула.

— Она никогда не была готова стать матерью. Как можно устроиться с ребенком в такой крошечной квартире? Я уверена, она счастлива с Кейт. Какая мать не будет счастлива, обретя своего ребенка! Но Эллен забывает, какая это большая работа — растить дитя. Думаю, они снова переедут сюда.

С нарастающим ужасом Кайя поняла, что Корни оказался прав. Это был ужасный план — вернуть матери подменыша. У Эллен только-только начало что-то налаживаться с работой, с группой. Тут появился ребенок, и опять все пропало. Кайя втравила мать в то, о чем и понятия не имела.

— Поэтому ты не можешь болтаться по всей округе, как сейчас. Кейт станет брать с тебя пример, — сказала бабушка. — Нам не нужен еще один дикий ребенок.

— Хватит! — воскликнула Кайя, закрывая уши ладонями. — Просто помолчи. Кейт не будет брать с меня пример, потому что...

— Кайя? — раздался с лестницы голос Эллен.

Кайя в панике кинулась к кухонной двери, распахнула ее и выскочила наружу, жадно вдыхая холодный воздух. Сейчас она ненавидела всех. Корни — за то, что он оказался прав, Ройбена — за то, что он бросил ее, маму и бабушку — за то, что они заменили ее другим ребенком. А больше всего она ненавидела себя — за то, что позволила всему этому произойти.

— Кайя Фирш! — крикнула Эллен в кухонную дверь строгим властным тоном. — Ты немедленно вернешься назад!

Кайя автоматически остановилась.

— Прости, — проговорила Эллен.

Кайя обернулась и увидела ее расстроенное лицо.

— Я плохо с тобой обошлась. Пожалуйста, не уходи. Я не хочу, чтобы ты ушла.

— Почему? — с трудом спросила Кайя.

У нее в горле застрял ком.

Эллен вышла в сад.

— Помнишь, ты сказала тогда у меня в квартире, что все объяснишь? Я слушаю.

— Ладно, — заговорила Кайя. — Когда я была маленькой, меня подменили. Да, подложили вместо твоего ребенка, и ты воспитала меня как свою дочь. Я ничего не знала, пока не выросла и не встретила других фейри.

— Фейри? — повторила Эллен. — Ты в этом уверена? Ты — фейри?

Кайя повертела в воздухе зеленой рукой.

— А кем я, по-твоему, еще могу быть? Пришельцем? Зеленым человечком с Марса?

Эллен глубоко вдохнула и выдохнула.

— Не знаю. Понятия не имею, что со всем этим делать.

— Я не человек, — сказала Кайя.

Вот в чем, казалось ей, суть всего этого ужаса.

— Но твой голос! Он звучит... как твой. Конечно, ты — это ты.

— Ну да. Но я не та дочь, которую ты вырастила.

Эллен покачала головой.

— Как я испугалась, когда увидела Кейт! И знаешь почему? Я подумала, что ты сделала какую-нибудь кошмарную глупость, чтобы вернуть ее, где бы ее ни прятали. Я ведь тебя знаю. Да-да, именно тебя.

— Ее зовут не Кейт. Она Кайя. Настоящая...

Эллен подняла руку.

— Ты не ответила на вопрос.

— Угу. — Кайя вздохнула. — Я в самом деле совершила что-то кошмарно глупое.

— Видишь, как хорошо я тебя изучила?

Эллен обняла Кайю за плечи и рассмеялась своим низким, прокуренным смехом.

— Ты ведь моя девочка.

Глава одиннадцатая

*Меня, как пальцы, сжатые в кулак,
По одному умело раскрываешь
И обрываешь, лепесток за лепестком,
Как нежную весеннюю ромашку.*

*Е. Е. Каммингс. Там где я не был, где-то в
прекрасной дали.*[\[10\]](#)

Напротив трейлера, в котором жил Корни, был устроен газон, украшенный огромным надувным пингвином в зеленом шарфе, шляпе и футболке с надписью «Стар трек». Когда Луис въехал на парковочное место, на крыше и на двери вспыхнули и замигали разноцветные огоньки, напоминающие дискотеку.

— Что же ты не похвалишь мой роскошный дом? — спросил Корни.

Шутка прозвучала вымученно.

Этайн наклонилась, с удивлением разглядывая трейлер.

Луис заглушил двигатель.

— Это пингвин выглядит как... — начал было он.

— Как разодетый айсберг, — закончил Корни.

Луис пристегнул Этайн наручниками к себе, а Корни пошел открывать дверь. Когда они вошли, огоньки, сияющие за окном, осветили гору грязной посуды. Образцы вышивки в рамках висели вперемешку с портретами Капитана Кирка и мистера Спока. Откуда-то прыгнула кошка и принялась орать.

— Моя комната в дальнем конце коридора, — шепотом сообщил Корни. — Ах, милый дом.

Луис, тащивший за собой Этайн, добрался до вытертого ковра. В воздухе отчетливо пахло гнилью. Корни задумался, почему он раньше не замечал эту вонь, а теперь почувствовал. Видимо, просто отвык.

Открылась дверь, и в коридор выглянула мама Корни. Было что-то печальное в ее тонкой ночной рубашке, взлохмаченных волосах и голых ступнях. Она молча обняла Корни.

— Мама, познакомься, это Луис... и Эйлин, — сказал он.

— Тебе не стыдно? — спросила она, отступая на шаг. — Ты пропустил все Рождество. Первое Рождество после похорон твоей сестры. Мы думали, ты тоже умер. Я никогда раньше не видела твоего отца таким несчастным.

Корни моргнул, словно что-то попало ему в глаза и помешало понять слова матери.

— Пропустил Рождество? Какое сегодня число?

— Двадцать шестое, — ответила она. — Во что вы все вырядились? И почему у тебя черные волосы? Где ты был?

Прошло пять дней! Корни застонал. Ну конечно. В Стране фей время идет иначе. День за два — и это еще не самый страшный вариант. Отправившись на остров, они словно пересекли часовой пояс, как при полете в Австралию. И потерянного времени не вернуть.

— Да что с тобой творится? Чем ты занимался, если даже не знаешь, сколько прошло дней?

Корни провел рукой в желтой перчатке по своей тунике.

— Мама...

— Не знаю, смогу ли я простить тебя. Но сейчас полночь, и я слишком устала, чтобы выслушивать оправдания. Я еле жива от беспокойства.

Она повернулась к Луису и Этайн.

— В шкафу пара одеял, если вы замерзли. И напомните Корни, чтобы включил обогреватель.

Этайн собралась что-то сказать, но Луис опередил ее.

— Спасибо, что разрешили остаться, — поблагодарил он скромно. — Мы постараемся вас больше не беспокоить.

Мама Корни сонно кивнула, перевела взгляд на Этайн и вздрогнула, рассмотрев ее уши.

— И все-таки где вы были?

— На конвенте фантастов. Извини, мама.

Корни включил свет в своей комнате и пропустил перед собой Луиса и Этайн.

— Я и в самом деле не понимаю, куда подевалось так много времени.

— Конвент фантастов в канун Рождества? Постарайся к утру выдумать что-нибудь более убедительное! — ответила мать и вернулась к себе в спальню.

Тихо гудел компьютер, на экране пестрели скриншоты из «Фарскейпа». Над кроватью висел постер с двумя ангелами. Один из них был с белыми крыльями, второй — с черными. Руки ангелов опутывала шипастая веревка, их кровь была единственным ярким пятном на огромном блестящем плакате. Кучи книг громоздились на полу, куда Корни бросал их перед сном. Особенно много было всяких комиксов.

Корни смутился и затолкал под кровать некоторые выпуски. Он всегда считал, что эта комната идеально отражает его личность. Теперь она показалась ему такой же идиотской, как пингвин, торчащий на газоне.

— Можешь спать тут, — предложил он Этайн, указывая на кровать. — Простыни относительно чистые.

— Вы очень любезны, — ответила она.

— Ага, я такой.

Он подошел к стенному шкафу, раздвижные дверцы которого украшали Черный король и Белый король. Раньше Корни нравилось предупреждать окружающих о своем настроении, выдвигая вперед того или иного короля. Но сестра, ради которой это делалось, умерла.

Корни открыл ящик, вытащил футболку, широкие трусы и бросил их на постель.

— Можешь надеть это вместо пижамы.

Луис развязывал ботинки.

— Можно принять душ?

Корни кивнул и принялся перебирать одежду, стараясь найти майку с самой приличной надписью. Наконец он выкопал застиранную голубую футболку с нейтральной заявкой «Я могу выпить больше кофе, чем ты».

Корни повернулся, чтобы передать ее Луису, и примерз к месту. Этайн сняла платье и стояла теперь совершенно голая, ничуть не смущаясь. На ее спине, белой и нежной, как батист, виднелись розовые рудиментарные крылышки. Она натянула трусы и посмотрела на парней пристальным спокойным взглядом.

— Спасибо, — слишком громко произнес Луис, принимая футболку. — Я бы еще одолжил джинсы, если ты не против.

Корни мотнул головой в сторону корзины с чистым бельем.

— Выбирай любые.

Луис вышел. Этайн села на край кровати и вытянула стройные ноги с неестественно длинными пальцами.

— Я могла бы зачаровать тебя, — сказала она.

Корни попятился, стараясь не смотреть ей в лицо.

— Тебе это ничего не даст. В любой момент могут войти Луис или Кайя. Их ты не зачаруешь.

Но Корни прекрасно знал, что Кайя была сейчас в доме бабушки, а Луис — в душе. К тому же он забыл пристегнуть наручники. У Этайн хватало времени на все.

— Я могла бы подчинить тебя одним только голосом, — продолжала она.

— Если бы ты хотела это сделать, то не рассказывала бы мне.

Корни вспомнил о маленьком фейри, которого поймал в ночь коронации, и незаметно сунул руку в шкаф, где на нижней полке хранил кочергу.

— Я тоже мог бы сказать, что одним прикосновением сделаю твою нежную кожу такой же морщинистой, как у той официантки в кафе. Но ты же понимаешь, что я не собираюсь так поступать.

— Да и твою славную матушку заколдовать не сложнее, чем тебя.

Корни засопел и протянул руку к ее горлу.

— Застегни наручники. Немедленно!

Этайн беспечно рассмеялась.

— Ты не должен был забывать о том, что подвергаешь родных опасности, приведя фейри в свой дом.

— Застегивай наручники!

Этайн пристегнула руку к спинке кровати и легла на живот. Ее серые глаза светились в темноте, как у ночного зверя. Корни схватил ключ, открыл окно и выкинул его в кучу листьев.

— А теперь попробуй меня околдовать! Я все равно не найду ключи без посторонней помощи.

Корни не сводил глаз с Этайн, сжимая в руке кочергу, пока не вернулся Луис. На нем были джинсы Корни, мокрые волосы он обмотал полотенцем. Черная кожа на его груди все еще блестела, усеянная каплями воды. Корни быстро опустил взгляд на свои защитные перчатки. Это было лучше, чем слишком долго пялиться на полуголого Луиса.

Луис разматал полотенце и только тогда заметил кочергу в руке Корни.

— Что случилось?

— Да так, побазарили с Этайн. Ничего серьезного.

Он поставил кочергу на место, вышел в коридор и прижался лбом к стенке, закрыв глаза и тяжело дыша. Где Кайя? Минуло уже почти полчаса. Если она зашла к бабушке только для того, чтобы взять вещи, то будет тут с минуты на минуту. Корни мечтал, чтобы девушка пришла поскорее.

«Кайя выручала меня даже тогда, когда дело казалось безнадежным, а сейчас сама может быть в опасности. Она была слишком расстроенной, когда вышла из машины. Я отпустил ее и даже не догадался отдать ей свой мобильник».

Корни открыл стенной шкаф, расположенный рядом с водонагревателем, и вытащил из него ворох одеял и старых подушек.

«Спокойно, пока все идет нормально. Кайя возвратится и придумает хитрый план. Например, вернуть Этайн в обмен на

гарантии безопасности для себя и своих близких. Да, что-то в таком духе, только поумнее. Кайе никак нельзя выдавать имя Ройбена. Пока Силариаль его не знает, у нас есть шансы на победу. Потом Ройбен наверняка помирится с Кайей, и все снова пойдет как надо.

Я умою руки в том самом океане, который погубил мою сестру, и проклятие будет снято. Луис пригласит меня на свидание, потому что я прекрасен, крут и неотразим».

Корни вернулся в комнату и уронил кучу подушек на постель.

— Кайя ляжет с Этайн, когда наконец явится. Мы расстелем несколько одеял на полу. На одну ночь сойдет.

— Я спал и в худших местах, — равнодушно сказал Луис.

Корни развернул шерстяное одеяло с узором из желтых и зеленых зигзагов и расстелил его на полу, поверх застиранной голубой детской перины.

— Это тебе, — сказал он и принялся готовить по соседству постель для себя.

Луис натянул одеяло до самой шеи и с наслаждением выпрямил ноги. Корни положил на пол свой матрас и улегся рядом. Комната снизу выглядела непривычно, как чужая. Повсюду были разбросаны бумажки и пустые коробки для компакт-дисков. Корни откинул голову и посмотрел на потолок, покрытый темными потеками воды, словно годовыми кольцами.

— Эй, я выключу свет? — спросил Луис, приподнимаясь.

— Мы ждем Кайю и твоего брата, забыл?

— Я пытался позвонить ему еще раз, но он не берет трубку. Я оставил твой адрес Вэл, той девчонке, у которой он должен был спрятаться, на случай, если брат ей позвонит. Надеюсь, он сделал так, как я ему велел, и сел на поезд.

Луис помолчал и добавил:

— Знаешь, Вэл сказала кое-что важное. У нее есть друг среди изгнанников. Так вот, к этому другу недавно заходил Ройбен. Пару дней назад, как раз перед поездкой к Силариаль.

Корни нахмурился. Его усталый мозг не находил в этом никакого смысла.

— Что в этом важного? Мы все равно сейчас можем только сидеть и ждать. Скоро придет Кайя. А нам в самом деле лучше лечь спать.

Луис выключил свет. Корни поморгал, привыкая к полумраку. Огни, весело мигающие снаружи, осветили фигуру Луиса, стоящего на коленях.

— Ты правда гей? — шепотом спросил он.

Корни кивнул, хотя Луис вряд ли мог увидеть его движение в темноте.

— Ты знал, да? Ты вел себя так, будто знал. Целовал меня, будто знал.

— Я решил, что это не важно.

— Чудненько, — прошептал Корни и отвернулся.

— Эй, не обижайся.

Луис пинком отодвинул одеяло, лег и тихо рассмеялся.

— Я имел в виду, что в тот момент ты был околдован. Девочки, мальчики — тебе было по фигу. Ты целовался бы с любым, кто подвернется.

— А подвернулся ты, — сказал Корни.

Он остро ощущал близость их тел, чувствовал малейшее движение Луиса и влажность своих ладоней под тонкой резиной. Сердце билось так громко, что Корни боялся, как бы Луис не услышал его стук.

— Что ж, это было умно. Ты быстро среагировал.

— Спасибо, — медленно ответил Луис. — Я не был уверен, что это сработает.

Корни захотелось попробовать его слова на вкус, сказать Луису, что это сработало бы, даже если бы он не был околдован, и что это сработает прямо сейчас.

Вместо этого Корни отвернулся и с головой нырнул под одеяло.

— Спокойной ночи, — сказал он, стараясь скрыть разочарование, и закрыл глаза.

Корни разбудил кошмар. Ему снилось, что он барахтается в океане крови. Когда парень выбился из сил и начал погружаться на дно, то увидел сквозь кровавый туман множество демонов, приветливо кивающих ему. Он дернулся, пытаясь выпутаться из одеяла, распахнул глаза, увидел возле окна чью-то фигуру и в первый момент подумал, что это Кайя пыталась потихоньку влезть в окно, чтобы не разбудить его мать и отчима.

— Он привел нас прямо к вашему дому, — прошипел незнакомый голос. — За один-единственный глоток нектара.

Корни похолодел.

— Договорились, — услышал он ответный шепот Луиса, но не мог понять, с кем тот разговаривал. — Поменяемся. Этайн — за моего брата. Сейчас я выведу ее из дома.

Корни напрягся. Предательство!

В темноте блеснул металл. Неизвестное существо передало Луису ключ от наручников. Корни почувствовал себя круглым идиотом. Он ведь сам выкинул его прямо к ним в руки.

Парень бесшумно приподнялся, выждал, пока Луис пройдет мимо, и схватил его за ногу. Луис упал. Корни навалился на него и прижал к полу. Затем он зубами стащил перчатку, растопырил пальцы и поднес ладонь прямо к лицу Луиса.

— Предатель!

Луис широко раскрыл глаза и попытался уклониться от пальцев Корни.

— Вот дерьмо! Нейл, не надо!

— Чего не надо?! Врать? Гадить друзьям?

— У них Дэйв, мой брат. Он пошел не на поезд, а прямо к ним. Они убьют его!

— Этайн — наша единственная защита от фейри. И ты хочешь обменять ее?

— Я не могу бросить брата. Он все, что у меня есть. Пойми, Нейл. Ты сам сказал, что нам негде спрятаться от них.

— Понять? Да, я вполне тебя понимаю. Сложно не понять, когда тебя предают. — Пальцы Корни были уже в дюйме от горла Луиса. — Ты продал нас фейри. Вот и вся правда!

— Нет! Пожалуйста. — Корни чувствовал, как Луис дрожит всем телом. — Дэйв поступил как сволочь, но я не могу бросить его на смерть. Он же мой брат.

В памяти Корни всплыли слова Ройбена.

«Чем круче твоя власть, тем больше появляется желающих тобой управлять. Они делают это через твоих близких или через врагов. Всегда найдется подходящая узда, и рано или поздно ты уступишь».

Голая рука Корни дрогнула. Он вспомнил о Дженет, которая пошла за прекрасным юношей на пирс. В то время как его сестра погибала, он сам лежал у ног короля фейри. Ими обоими руководила любовь. Любовь — это слабость.

Но его сестра умерла, а брат Луиса был еще жив. Если бы Корни мог тогда спасти Дженет, то он сделал бы ради этого все. Именно так сейчас и поступил Луис. Корни опустил взгляд на тело, простертое под ним, на голову, покрытую шрамами и короткими косичками. Луис не старался быть хорошим — он просто был им.

Корни оперся голой рукой о линолеум и слез со спины Луиса. Ему стало жутко при мысли, что он едва не убил его. Во что превратился он сам?

— Проваливай, — буркнул он. — Забирай ее, обменивай. Делай что хочешь.

Луис тяжело дышал, все еще не в состоянии успокоиться. Он с трудом встал.

— Извини...

— Давай-давай. Делай то, что должен.

Ключ блеснул, как одно из стальных колечек в губе Луиса, когда тот повернул его в замке наручников и освободил Этайн. Она вздохнула, упала на колени и вскинула руки, словно готовясь драться.

— Там за тобой пришли, — сказал Луис.

Она потерла запястья и промолчала. В полумраке ее лицо

выглядело очень юным, хотя об истинном возрасте этой особы можно было только догадываться.

— Мне правда ужасно жаль, — прошептал Луис.

Корни кивнул. Он чувствовал себя столетним, дряхлым, смертельно усталым неудачником.

Стараясь ступать тихо, они прошли по коридору к входной двери и открыли ее. Прямо за дверью на грязном снегу стояли трое фейри. Лицо того, кто стоял ближе всех, напоминало лисью морду, его длинные пальцы заканчивались когтями.

— Где Дэйв? — спросил Луис.

— Отдай нам леди Этайн и получишь его.

— Тогда вы оставите нас в покое? — уточнил Корни. — Не тронете ни Дэйва, ни Луиса, ни меня, ни Кайю, ни наши семьи?

— Да, — равнодушно согласился фейри-лис.

Луис кивнул и отпустил руку Этайн. Она стрелой кинулась к своим — босая, в футболке и мужских трусах. Один из фейри снял плащ и накинул ей на плечи.

— Теперь отдайте Дэйва, — потребовал Луис.

— Едва ли он стоил ваших усилий, — ответил фейри-лис. — Знаете, как мы вас нашли? Это он привел нас сюда в обмен на глоток зелья.

— Сейчас же отдайте его мне!

— Как пожелаешь, — сказал другой фейри.

Он кивнул куда-то в темноту, и к двери вышли двое, таща под руки тело с мешком на голове. Его посадили на крыльцо, и оно упало, как манекен. Луис шагнул к нему.

— Что вы с ним сделали?!

— Мы его убили, — ответил фейри с плавниками на скулах.

Луис застыл на месте. У Корни в висках стучала кровь. В мертвой тишине было слышно, как ветер шуршал подмороженными листьями.

Корни очнулся первым, бросился вперед и стянул мешок с головы Дэйва. Лицо подростка казалось восковым, глаза окружали

черные круги, одежда была изорвана и испачкана. Ноги его были босыми и бледными, словно отмороженными.

— Когда-то королева обещала, что сохранит жизнь твоего брата, пока ты будешь верно служить ей, — сказал фейри-лис. — Как видишь, она сдержала обещание.

Свирепый порыв ветра налетел из мрака. Корни зажмурился, защищая глаза от уколов летящего снега, а когда открыл их, фейри исчезли.

Луис дико заорал и бросился за ними, но их и след простыл. Он кричал как ненормальный, потрясая в воздухе кулаками. В окнах соседних трейлеров зажегся свет. Корни протянул руку в перчатке и коснулся холодной щеки Дэйва. Ему не верилось, что уже ничего нельзя сделать. Дэйв был мертв, как когда-то Дженет. Совсем как Дженет.

На порог вышла мама Корни с телефонной трубкой в руке.

— Вы перебудили половину... — И тут она заметила тело. — Боже мой!

— Это его брат Дэйв, — сказал Корни.

Все это было уже не важно. На другой стороне улицы миссис Хендерсон выглядывала наружу через дверное стекло.

— Какого дьявола вы тут шумите? — спросил отчим Корни, выходя на крыльцо.

Мама Корни сосредоточенно давила на кнопки телефона.

— Я звоню в «скорую». Не трогайте его.

— Он мертв, — хрипло сказал Луис.

Он и сам был бледен, как мертвец.

— Не надо «скорой помощи». Понимаете? Он умер!

Корни переминался с ноги на ногу за спиной Луиса. Он понятия не имел, что делать и что говорить. Словами было уже ничего не исправить. Ему хотелось обнять Луиса, успокоить его, напомнить, что он не одинок. Корни автоматически протянул голую руку к плечу Луиса и с ужасом отдернул ее. Но прежде чем он успел убрать руку за спину, Луис перехватил его запястье. На глазах у него блестели слезы.

— Да-да, хорошо. Коснись меня. Какая, на хрен, разница?

— Что?

Корни попытался оттолкнуть его другой рукой, но Луис перехватил и ее, стараясь пальцами стянуть перчатку.

— Я хочу, чтобы ты ко мне прикоснулся!

— Перестань! — закричал Корни, вырываясь, но Луис держал его, словно клещами.

Он прижал ладонь Корни к своей щеке. Его слезы жгли пальцы парня.

— Я в самом деле хочу, чтобы ты ко мне прикоснулся, — произнес он тихо, и Корни с удивлением услышал страсть в его голосе. — Я не мог тебе сказать раньше, а теперь говорю. Я хочу тебя. Приласкай меня, и я умру.

— Нет! — Корни снова принялся вырываться. — Стой, не надо!

Пальцы Луиса снова прижали его ладонь к щеке.

— Но я так хочу. Никому больше нет до меня дела.

— Мне! Мне есть до тебя дело! — завопил Корни и вдруг перестал вырываться.

Кожа на лице Луиса не почернела и не сморщилась. Она вообще не изменилась. Луис отпустил запястье Корни и зарыдал.

Корни осторожно провел пальцем по скуле Луиса, мокрой от слез.

— Проточная вода, — сказал он. — И соль.

Их глаза встретились. Где-то вдалеке раздалось завывание сирены, но никто из них не оглянулся.

Глава двенадцатая

*Возлюбленных все убивают —
Так повелось в веках.
Тот — с дикою злобой во взоре,
Тот — с лестью на устах.
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!*

*Оскар Уайльд. Баллада Редингской
тюрьмы. [\[11\]](#)*

Кайя увидела синие вспышки мигалки в соседнем квартале и выскочила на дорожку как раз в тот момент, когда мимо нее промчалась «скорая». Поблизости на заснеженных газонах стояли соседи в пальто и куртках, наброшенных поверх пижам и ночных рубашек, и тоже провожали «скорую» глазами.

Дверь трейлера, где жил Корни, была закрыта, но внутри горел свет. Люти носилась в воздухе над головой Кайи, в возбуждении молотя крыльями по воздуху.

Кайе подумалось, что правильных решений больше не будет — только бесчисленные неправильные. Она открыла дверь трейлера и наткнулась на маму Корни, которая вылиwała воду из чайника. Ее муж сидел в кресле с закрытыми глазами и тихонько похрапывал.

— Кайя? Ты что здесь делаешь? — удивилась миссис Стоун. — Уже давно за полночь!

— Я... — начала было Кайя.

Дунул легкий ветерок, и в комнату влетела Люти-лу. Маленькая фейри вспорхнула на голову какого-то гипсового бюста, согнав оттуда одну из кошек.

— Это я ее позвал, — сказал Корни. — Он была знакома с Дэйвом.

«Была знакома с Дэйвом...» Была? Кайя взглянула на Луиса. Он сидел за столом и так крепко сжимал чашку, что у него побелели

костяшки пальцев. Рядом с ним на полу были рассыпаны бумаги, какие-то официальные бланки. Глаза Луиса опухли и покраснели.

— Что случилось?

— Брат Луиса умер от передоза прямо у нас на крыльце, — сказала миссис Стоун. — Люди со «скорой» не смогли официально подтвердить его смерть. Они всего лишь санитары. Поэтому тело увезли в больницу.

Кайя взглянула на Корни, желая объяснений, но тот только покачал головой. Тогда она села на линолеум и прислонилась спиной к стене. Миссис Стоун допила чай и поставила кружку в раковину.

— Корни, можно поговорить с тобой минутку наедине?

— Да, мама.

Когда они вышли, Кайя повернулась к Луису и спросила:

— Что случилось? Он ведь не от передоза умер, да? Где Этайн?

— Когда-то давно я заключил сделку с фейри. Ради спасения жизни Дэйва, — глухим голосом ответил Луис. — После того, как отец стрелял в него. Я пытался заботиться о нем, как положено старшему брату, пытался уберечь его от проблем, но не справился. Он находил неприятности, я его вызволял, и каждый раз цена становилась все выше.

По рукам Кайи побежали мурашки.

— Когда я звонил ему в последний раз, он уже вел их по нашим следам, — продолжат Луис. — Продал меня за наркотик. Несмотря на то, что зелье сжигало его изнутри. Несмотря на то, что я его брат. И знаешь что? Я даже не удивлен. Такое бывало и прежде. А теперь он умер. Я должен горевать, да?

— Но почему он?..

— Но я не горюю. Знаешь, что я чувствую? Облегчение. Дэйв мертв, и это как камень с души. Но кто я после этого?

«Чудовище, — подумала Кайя. — Только чудовище способно радоваться смерти брата».

Но она ничего не сказала.

В комнату вошли Корни и его мама. Парень держал ее за руку и

что-то тихо говорил. Кайя увидела, что он без перчаток, и не удержалась от громкого испуганного крика. Но материя под его пальцами не истлела и не пошла пятнами.

— Ой, извините, — пробормотала Кайя.

Луис оглянулся с таким видом, будто только что проснулся, и неуклюже встал на ноги. Миссис Стоун потеряла лицо.

— Пойду разбужу Митча. Вы идите и попытайтесь опять уснуть.

Кайя остановила Корни в дверях.

— С ней все в порядке?

Тот помотал головой.

— Ты в курсе, что мы пропустили Рождество? Мама сходила с ума, все время думала о Дженет и о том, что я тоже пропал. Я чувствую себя последним куском дерьма. А теперь еще это.

Кайя подумала о нераспечатанных коробках с подарками, которые ждали ее под елкой в бабушкином доме.

— Эх, — вздохнула она, нащупывая его теплые пальцы.

Корни не оттолкнул ее руку.

— Кстати, что с проклятием?

— Потом. Военный совет проведем у меня в комнате.

Кайя плюхнулась на смятую кровать и скинула обувь. Луис сел на пол, Корни устроился рядом с ним. В комнату влетела Люти и приземлилась на компьютер. Должно быть, Луис раньше ее не замечал, потому что подскочил как ужаленный.

— Это всего лишь Люти-лу, — успокоил его Корни. — Расслабься.

Луис окинул малютку подозрительным взглядом.

— Хорошо. Пусть оно... она... эта фэйри сегодня держится от меня подальше.

— Кайя, вот тебе краткий отчет о событиях сегодняшней ночи, — заговорил Корни. — Летний двор предложил обменять брата Луиса на Этайн. Сделка состоялась, но Дэйв был уже мертв. Они его

убили.

— А проклятие?

— Оно было снято... Случайно, — сказал Луис.

Он не отрывал взгляда от линолеума. Кайя увидела рядом с ним дыру, похожую на отпечаток ладони, которой раньше не было. Похоже, никто из парней не собирался говорить на эту тему, и она прекратила расспросы. Люти перебралась на клавиатуру, а с нее — на подставку для мобильного.

— Знаешь, что я подумал? — сказал Корни Кайе. — Силариаль искала Этайн, а не тебя. Она могла бы послать тучу фейри, чтобы они схватили тебя и унесли в небо, но даже не пыталась.

— Может, Кайю все еще охраняет Душеглот? — предположил Луис.

Корни скорчил рожу.

— Возможно. Но неужели ты сам стал бы тратить время на поиски какой-то придворной дамы, если бы был правителем Летнего двора, которому позарез надо выяснить истинное имя Ройбена?

— Он прав, — подтвердила Кайя. — Это бессмысленно. И убийство Дэйва... — Она быстро взглянула на Луиса. — Такое чувство, будто Силариаль уже получила все, что желала, и теперь у нее есть время на пустяки.

— Так королеве нужна Этайн? — спросил Корни. — Но зачем?

Луис нахмурился.

— Разве ты сам не сказал, что Этайн получит трон, если Ройбен победит?

Кайя кивнула.

— А Ройбен заявил, что его сестра настолько верна королеве, что непременно вернет ей корону. Не затем ли Силариаль искала ее? Очень странно, что королева придала такое значение этому обмену.

— Не знаю, — с досадой сказал Корни. — Если бы у меня была корона и возникла бы угроза ее потерять, то я весьма обрадовался бы исчезновению кандидата в наследники! Конечно, на моей короне драгоценными камнями было бы выложено слово «тиран», чтобы заранее отпугнуть кандидатов.

Кайя фыркнула.

— Если откинуть кривляние, то ты прав. Королеве вроде как выгодна смерть Этайн.

— Может, затем она ее и обменяла? — предположил Луис. — Чтобы убить ее, а вину свалить на нас?

Несколько минут они сидели в тишине. Корни зевал, Луис неподвижно смотрел на стену. Кайя представляла себе поединок Ройбена с Талатайном. Вот зрители: Этайн нервничает, у королевы такой довольный вид, будто она съела последнее пирожное, остававшееся в вазе, Руддлз и Эллебер внимательно наблюдают за каждым выпадом... Было что-то еще, на самом виду, но она этого не замечала.

— Стойте! — воскликнула вдруг девушка. — С кем будет сражаться Ройбен?

Корни удивленно посмотрел на нее.

— Видимо, с Талатайном. Или с другим рыцарем. Мы же решили, что дело не в противнике, а в тайном оружии.

— Помните наш разговор за обедом о том, что Ройбен может легко победить Талатайна и что все это чересчур просто для Силариаль?

Кайя помотала головой. Ужас догадки вызвал у нее мерзкую слабость и тошноту.

— Нет. Не будет никакого тайного оружия. Ни непробиваемой брони, ни заколдованного меча. Даже истинное имя Ройбена королеве не нужно.

Луис открыл рот и снова закрыл.

— Я не врубился, — сказал Корни.

— Этайн! — Это имя прозвучало как пощечина. — Силариаль заставит ее сражаться с Ройбеном.

— Но Этайн же не рыцарь, — возразил Луис. — Она не смогла даже самостоятельно от нас удрать и не сможет сражаться.

— В том-то и дело. Боевое мастерство никого не волнует. Но если Ройбен не сможет прикончить родную сестру, то умрет сам. Ему придется выбирать между убийством и самоубийством.

— Но... — начал Корни и умолк.

— Когда Ройбен умрет, никто не сможет помешать Силариаль сделать все, что ей угодно.

— Зачаровать целую армию людей, — сказал Корни. — Тысячи замороженных стражей.

— Значит, ты была ложной целью, — заметил Луис. — Приманкой, чтобы отвлечь внимание Ройбена, чтобы он считал, что королеве нужно его истинное имя, и не догадался о ее намерениях.

— Вот уж точно, ни рыба ни мясо, а что-то среднее, — пробормотала Кайя. — Ложная цель. Замечательно. Вот я, оказывается, кто.

— Кайя, — окликнул ее Корни. — Ты же в этом не виновата.

— Мы должны предупредить Ройбена!

Кайя вскочила на ноги. Как же ее достала эта неопределенность! Она не фейри и не смертная. Бесплезное, незначительное существо, не годное даже для жертвоприношения. С самого начала она только и делала, что доставляла Ройбену неприятности. А Силариаль играла ими обоими.

— Мы не знаем, где он, — напомнил Корни. — Полый холм на кладбище разрушен, он теперь даже и не полый.

— Но мы знаем, где он скоро будет. В Харт-Айленде.

— Завтра вечером. Точнее, уже сегодня.

Корни подошел к компьютеру, вышел в Интернет и набрал несколько слов в поисковой строке.

— Харт-Айленд — это остров недалеко от Нью-Йорка. На нем расположено огромное кладбище и тюрьма, хотя эта информация нам вряд ли пригодится. О, чудесно! Въезд на этот остров категорически запрещен.

* * *

Ночь они проспали в обнимку, втиснувшись втроем на кровать. Корни проснулся первым около полудня. Кайя еще спала, скорчившись у него под боком.

Луис сидел на полу и тихо говорил с кем-то по мобильному. До Корни донеслись слова «прах» и «вознаграждение». Потом Луис заметил, что за ним наблюдают, и отвернулся к стене.

Корни вылез из постели, проскользнул в кухню и включил кофеварку. Он сам себе удивлялся. Через несколько часов им предстояла крайне опасная затея, но на его лице блуждала счастливая улыбка.

«Я нравлюсь Луису. Я. Нравлюсь. Луису!»

— Привет, — сипло сказала Кайя, приглаживая пятерней взлохмаченные волосы.

На ней была одна из футболок Корни, свисавшая до колен.

Кайя достала из буфета голубую чашку и провозгласила:

— Слава дивному кофейному благоуханию!

— Милостью которого мы очистим мозги и решим все загадки, — подхватил Корни.

— Думаешь, решим? Не уверена, что Ройбен вообще захочет меня выслушать.

Кофеварка издала устрашающее фырканье. Корни налил три чашки кофе.

— Выслушает, куда он денется. На, пей.

— Слушай, Корни... Вы с Луисом... ладили?

Кайя поднесла чашку ко рту, чтобы скрыть усмешку.

Корни кивнул.

— Не то чтобы совсем и точно не сейчас со всеми этими событиями, но в целом — да!

— Я рада, — сказала Кайя и добавила серьезно: — Корни, тебе совсем необязательно ехать со мной сегодня вечером. Я не собираюсь играть в мученицу, и еще меньше мне хочется, чтобы фейри добрались до вас с Луисом. Тем более теперь. Это моя проблема. В смысле, внутренняя проблема фейри.

Корни положил руку ей на плечо.

— Ага, все верно. Ты — моя внутренняя проблема.

Кайя опустила голову ему на грудь. Даже утром, только что из постели, она пахла травой и землей.

— А как насчет страха перед демоническими маньяками-садистами? Что-то мне не кажется, что наша поездка к Летнему двору избавила тебя от него.

Но Корни не чувствовал никакого страха. Его переполняла самоуверенность. Он нравился Луису, а значит — мог все.

— Лучшая защита против нечисти — это нападение!

Из спальни вышел Луис, заканчивая телефонный разговор.

— Я видел утром твою маму, — сказал он Корни. — Она хочет поговорить с тобой, когда вернется с работы. Я ей ничего не рассказывал.

Корни кивнул с делано спокойным видом, борясь с желанием поцеловать Луиса.

«Сейчас не лучшее время. Луис в трауре, — напомнил он себе. — И вообще, я еще не чистил зубы».

— Я оставлю ей записку, — сказал он. — Пошли отсюда. Луис, если тебе нужно остаться, чтобы разобраться с делами, то...

— В самом деле мне надо всего лишь добраться до Силариаль, — свирепо ответил Луис.

— Ладно-ладно, — вмешалась Кайя. — Пойдем вместе. Теперь нам надо где-то раздобыть карту и лодку. Харт-Айленд находится в Лонг-Айленд-Зунде, за Сити-Айлендом. Туда вполне можно добраться на веслах.

Корни передал Луису кружку с кофе. Он невзначай коснулся его пальцев и почувствовал, что его уверенность в себе утроилась.

— Можно взять напрокат моторную лодку, — продолжала Кайя. — Или купить. На Тридцать пятой улице есть магазин, где они продаются. Я могу превратить в деньги целую кучу листьев. Или мы просто украдем ее.

— Я никогда не управлял моторной лодкой, — сказал Луис, размешивая сахар. — И не умею читать навигационные карты. А вы?

Кайя помотала головой, Корни тоже.

— В проливе Ист-Ривер обитают русалки, — продолжал Луис. — Возможно, и в Зунде тоже. Я не слишком в них разбираюсь, но если они не захотят пустить нас на Харт-Айленд, то попытаются стащить из лодки в воду. А зубы у них острые.

Корни представил такое, содрогнулся и подумал о Дженет, которую утащил под воду келпи.

— Наверное, можно чем-то подкупить русалок, чтобы они нас подвезли? — предположил он. — Или хотя бы заплатить отступного, чтобы пропустили?

Кайя бросила на него хмурый взгляд. Она вспомнила, как они притащили лошадь со сломанной карусели в обмен на сведения келпи, понятия не имея о том, насколько он опасен.

— Что любят русалки? — спросила она.

Луис пожал плечами.

— Побрякушки. Музыку. Моряков.

— Они едят людей, да? — спросил Корни.

— Конечно. Когда удастся их поймать.

— Тогда давайте принесем им пару больших стейков!

В итоге они купили зеленую надувную лодку с двумя веслами. Продавец с подозрением наблюдал за тем, как Кайя отсчитывала деньги из огромной пачки смятых и перекрученных долларов, но ее милая улыбка заставляла его помалкивать.

Они затолкали покупку в багажник. Луис сел на переднее сиденье рядом с водителем, Кайя устроилась сзади. Корни перестраивался на шоссе из ряда в ряд и то и дело поглядывал на соседа, но Луис рассеянно смотрел в окно, словно размышлял о чем-то невеселом.

— С кем ты разговаривал утром? — нарушил молчание Корни. — Ну, по мобильному?

— С врачами, — сразу ответил Луис. — Они были недовольны тем, что у меня нет ни адреса, ни телефона. Вдобавок Дэйв был несовершеннолетним. Тем не менее эти люди сразу принялись от меня что-то требовать. Если кратко, денег на кремацию.

— Кайя могла бы...

— Нет.

— Мы могли разобраться с твоими делами, а уже потом покупать лодку.

Луис улыбнулся одними губами.

— Знаешь, я хочу похоронить его по-человечески.

Когда хоронили Дженет, там был и гроб, и цветы, и каменное надгробие. Корни раньше никогда не думал, во сколько это обошлось матери. Только теперь он задумался, в какие долги пришлось ей влезть, чтобы у его сестры была нормальная могила.

Луис потрогал колечко в губе и сказал:

— Мои родители похоронены там, куда мы едем.

— На Харт-Айленде?

— Ага. Там целые поля с бесхозными урнами. У покойных не осталось живых родственников, способных оплатить погребение. Мы с братом были тогда слишком малы, чтобы вмешаться. Но если бы я и попытался, то нас сразу отправили бы в сиротский приют.

Перед мысленным взором Корни промелькнули варианты ответов: «Вау! Как жаль. Ты в порядке?» Пожалуй, лучше было оставить их при себе.

— Я никогда там не бывал, — сказал Луис. — Теперь самое время.

Они проехали по мосту на Сити-Айленд, припарковались возле ресторана, стоявшего на самом берегу, вытащили из багажника лодку и принялись по очереди надувать ее.

— Ну что, попробуем подманить русалок? — спросил Корни, пока Луис дул в трубочку.

Кайя подняла с пола машины обрывок бумаги.

— У тебя есть что-нибудь острое?

Корни сунул руку в задний карман, порылся там и вытащил английскую булавку. Кайя уколола себе палец, поморщилась и выдавила на бумажку несколько капель. Затем девушка бросила

бумажку в воду.

— Я Кайя Фирш, — громко произнесла она. — Подменьш из Летнего двора, выполняющий Задание короля Зимнего двора. Я пришла просить вашей помощи. Я прошу вас о помощи. И третий раз я прошу вас о помощи!

Корни взглянул на подругу, стоявшую у самой воды. Ее розовое лицо обрамляли зеленые волосы, багровый плащ колыхался на ветру. Ему показалось, что даже в человеческом облике она сохранила нечто устрашающее.

Внезапно из черной воды выскочили три головы. Бесцветные волосы поплыли по поверхности, словно водоросли. Кайя опустилась на колени.

— Я прошу отвезти нас троих на Харт-Айленд. У нас есть лодка. От вас потребуются только тянуть ее.

— А что мы получим в награду, пикси? — спросили русалки мелодичными голосами.

Их заостренные зубы напоминали полупрозрачные хрящи.

Кайя отошла к машине и вернулась с пластиковым пакетом, доверху набитым сырым, кровоточащим мясом.

— Плоть, — сказала она.

— Договорились! — хором ответили русалки.

Кайя, Корни и Луис стащили лодку на воду и забрались в нее. Русалки поплыли рядом, подталкивая лодку и напевая тихими, нежными голосами. Их пение было так прекрасно, что у Корни голова пошла кругом. Кайя, напряженная как струна, сидела впереди, словно носовая фигура корабля.

Рядом с Корни под водой проплыла русалка, и на миг ему почудилось, что у нее лицо его сестры, синее и мертвое. Он поспешно отвернулся.

— Я знаю, кто ты, — пропела другая русалка, обращаясь к Луису.

Она высунулась из воды и ухватила за край лодки белыми сморщенными руками.

— Ты приносил моим сестрам снадобье тролля.

Луис сглотнул слюну и кивнул.

— Хочешь, я научу тебя искусству целительства? — прошептала русалка. — Пошли со мной. Под воду.

Корни взял Луиса за руку. Тот подскочил, словно его укусили.

Русалка повернулась к Корни.

— Как насчет мести? Море кого-то забрало у тебя. Хочешь отомстить?

У Корни перехватило горло.

— Что?

— Ты хочешь. Знаю, что хочешь.

Сморщенная рука русалки передвинулась ближе к Корни. Теперь он мог разглядеть каждую блестящую чешуйку на ее запястьях.

— Я дам тебе силу.

Корни смотрел в ее тусклые глаза, на тонкие острые зубы. Она выглядела прекрасной, ужасной, волшебной, но не имела власти над его чувствами. Он восхищался ею отстраненно, как красивым закатом.

— Не надо. Я уже сильный, — ответил он.

К своему немалому удивлению, парень понял, что так оно и есть. Если он захочет отомстить, то сделает это без посторонней помощи.

Кайя издала тихий возглас. Корни поднял голову.

Перед ними открывался длинный берег, усыпанный горами ракушек. Там собралась огромная толпа фейри. Позади них, за брошенными зданиями, простирались поля могил.

Глава тринадцатая

*Вопрос твой безответен.
Твой взор как правды свет.
Ты спрашиваешь вечно,
Но ложь — любой ответ.*

Ральф Уолдло Эмерсон. Сфинкс.

Кайя пробиралась сквозь толпу, расталкивая сиренево-синие тела и пробиваясь через рои крошечных фей. Фука с козлиной головой и мертвыми белыми глазами окликнул ее, облизывая зубы кошачьим языком:

— Ликси-трикси-пикси!

Кайя поднырнула под локоть великана и вскочила на могильную плиту, чтобы не наступить на трех карликов, развалившихся в грязи. На вершине холма расположился двор королевы. Кайя вгляделась в пеструю толпу придворных и увидела Руддлза. Он пил из чаши, а затем передал ее каким-то существам со звериными головами. За его спиной стоял Эллебер. Его длинные волосы переливались всеми оттенками от винного до золотого, одежда и оружие были цвета темного мха.

Рядом Ройбен оживленно беседовал с тощей как палка женщиной. Ее черные волосы, связанные в хвост и перевитые бусами, ниспадали до пояса. Потом они переходили в настоящий хвост, тоже черный и богато украшенный. Издалека Кайя не могла понять, о чем они спорят. Она видела только, что Ройбен наклонился к женщине, а та яростно жестикулировала.

Неожиданно он повернулся и посмотрел в ту сторону, где стояла Кайя. От удивления девушка упала, забыв о крыльях, и стукнулась головой о землю. Сердце громко стучало у нее у груди. Это было ужасно — оказаться так близко от него и не иметь возможности заговорить.

— Если ты будешь грызть кости таким манером, то толку из этого не выйдет, — раздался голос рядом с ней. — Они слишком

острые. Застрянут в кишках.

— Да ты никак перешел на пыльцу? — ответил другой голос. — Костный мозг гораздо вкуснее мяса, но сначала до него нужно добраться!

— Вставай. — Корни протянул руку, помогая Кайе подняться. — Не думаю, что он тебя заметил.

— Ройбен, может, и не заметил, — раздался рядом женский голос. — А я заметила.

Высокая женщина с костистыми крыльями смотрела на Кайю сверху вниз. В руке она держала нож с извилистым лезвием. Доспехи ее были такого же сияющего багрового цвета, как спинка жука.

— Дулькамара! — проговорила Кайя, поднимаясь. — Мои друзья хотят поговорить с Ройбеном.

— Может быть, — ответила та, испытующе глядя на девушку. — После поединка.

— Им надо поговорить с ним сейчас! Прошу тебя. Ройбену нельзя сражаться. Он должен любым способом отменить дуэль.

Дулькамара лизнула острие своего клинка, и он окрасился кровью.

— Я передам ему ваши слова, — сказала она. — Говорите.

— Дай поговорить с ним одну минутку! — выступил Корни. — Всего минутку. Он меня знает.

— Все смертные — лжецы, — ответила Дулькамара и ухмыльнулась.

Ее зубы были такими же острыми, как и у русалок, но не полупрозрачные пластинки, а полноценные клыки.

— Такова ваша природа.

— Давай я пойду, — предложила Кайя. — Я же не смертная.

— Тебе нельзя, — сказал Луис, кладя ей руку на плечо. — Забыла? Ему не позволено с тобой видеться.

«Все смертные — лжецы».

— В самом деле, — кивнула Дулькамара. — Даже не пытайся к нему подобраться. Больше никаких выходов с ореолом, как при

Летнем дворе!

Ее слова крутились в голове Кайи. Лжецы. Неправда. Ложь. Смертные. Мертвые. Кайя подумала о шахматах фейри, о которых рассказывал Корни. Ей надо поменять правила игры и выполнить Задание. Но как соврать без вранья?

Кайя взглянула туда, где стоял Ройбен. За спиной у него висел меч, длинные платиновые волосы были заплетены в две косы. Он выглядел бледным, словно страдал от боли.

Кайя выдохнула и взвилась в воздух.

— Стой! — закричала Дулькамара.

Но Кайя уже летела, хаотически молотя по воздуху крыльями. На миг она увидела цепочку огней вдалеке, на Сити-Айленде, отсвет большого города на облаках и осознала, что умеет летать. Девушка ударила крыльями, чтобы взлететь еще выше, но вместо этого свалилась рядом с Ройбеном, прямо ему под ноги.

— Ты! — сказал он с непонятным выражением на лице.

Эллебер схватил Кайю за запястье и вывернул руку, заломив ее за спину.

— Пикси здесь не место!

Руддлз торжественно указал на нее когтистой лапой.

— Явившись перед очами нашего повелителя, ты тем самым даешь понять, что выполнила Задание. Если это не так, то обычай повелевает...

— Подожди с обычаем, — сказал Ройбен, отмахиваясь от дворецкого.

Затем он без всякого выражения посмотрел на Кайю и спросил:

— Где моя сестра?

— Ее забрала Силариаль, — запальчиво ответила та. — Насчет Этайн я и хотела с тобой поговорить.

В первый раз после десятины ей стало страшно рядом с Ройбеном. Раньше Кайя была уверена в том, что он никогда не причинит ей вреда, но теперь она в этом засомневалась. Этот новый Ройбен был способен на все.

«Лижли руку королевы Летнего двора, Рат Ройбен Ривен! Лижли ее, как собака!»

— Повелитель! — сказал Руддлз. — Позволь мне заметить, что эта пикси не имеет права находиться здесь, в вашем присутствии. Она еще не выполнила Задание, данное вами.

— Я сказал, отстань от нее! — закричал Ройбен.

— Я могу лгать.

Кайя задыхалась. Ее сердце стучало, как барабан, земля плыла под ногами. Все вокруг замолчали. Она понятия не имела, что из этого выйдет.

— Я могу лгать. Я — фейри, которая может лгать.

— Глупости, — ответил Руддлз. — Докажи.

— Так ты говоришь, что я не могу лгать? — спросила Кайя.

— Ни один фейри не может.

— Хорошо, — ответила Кайя, пытаясь успокоить дыхание. — Если я говорю, что могу лгать, а ты говоришь, что я не могу, значит, один из нас врет, верно? Значит, я или ты и есть этот лживый фейри. Выходит, что я выполнила Задание.

— Гм. Это напоминает шараду, но я не усматриваю ошибки, — согласился дворецкий.

Ройбен издал какой-то звук, однако не похоже было, чтобы он возражал. Возможно, это был подавленный смех.

— Неглупо. — Руддлз улыбнулся зубастой улыбкой. — Ответ принят.

— Что ж, тебе повезло, — тихо сказал Ройбен. — С этого мига твоя судьба связана с Зимним двором. Ты поделишь со мной трон.

— Скажи им, пусть отпустят меня, — попросила Кайя.

Она выиграла, но победа оказалась пустой, как яичная скорлупа.

— Прикажи им сама, — сказал Ройбен, не встречаясь с ней взглядом. — Они не посмеют тебя ослушаться.

Не успела Кайя открыть рот, как Эллебер отпустил ее руку.

Она повернулась к нему и дворецкому и приказала, стараясь

говорить твердо:

— Идите.

Оба они взглянули на своего повелителя и, повинувшись его кивку, отошли в сторону. Кайя осталась рядом с Ройбеном не то чтобы наедине, но по крайней мере была к нему ближе прочих.

— Зачем ты пришла? — спросил он.

Кайе хотелось умолять его снова стать тем Ройбеном, которого она знала раньше. Который сказал, что она единственное, что ему нужно на свете. Который никогда не предавал ее и не смотрел на нее с ненавистью.

— Посмотри на меня, — попросила она. — Почему ты отводишь взгляд?

— Потому что видеть тебя — пытка.

Ройбен поднял взгляд. Его глаза были полны боли.

— Я надеялся, что уберегу тебя от этой войны, но приехал к Летнему двору и увидел, что ты ждешь меня там, словно нарочно, именно для того, чтобы показать мне, какой я дурак. А теперь ты здесь, где еще опаснее. Я так хотел спасти хоть что-то. Хоть одну вещь. Доказать самому себе, что во мне еще осталось что-то хорошее...

— Я не вещь, — заметила Кайя.

— Да. Разумеется. — Ройбен закрыл глаза и потер их. — Я неправильно выразился.

Кайя сжала его руки. Они были холодны, как падающий снег.

— Что ты с собой творишь? Что происходит?

— Когда я стал королем Зимнего двора, то был уверен в том, что нам не выиграть эту войну. Думал, мы будем сражаться и я умру. Я абсолютно не сомневался ни в первом, ни во втором, принял это как неизбежность. Как необходимую плату.

— Но почему? — спросила Кайя. — Зачем взваливать на себя такую ношу? Разве нельзя было сказать: «Отстаньте от меня все! Лучше я буду строить скворечники» или что-нибудь в таком роде?

— Чтобы убить Силариаль. — Глаза Ройбена блеснули остро и

холодно. — Если королеву не остановить, то никто не спасется от ее жестокости. Я едва удержался, чтобы не сломать ей шею, когда целовал. Это было заметно по моему лицу, Кайя? Ты видела, как дрожали мои руки?

Кровь стучала в висках Кайи. Выходит, она перепутала ненависть и вожделение? Девушка вспомнила кровь на губах Силариаль и взгляд Ройбена. Тогда он казался ей горящим от страсти, но теперь она назвала бы его безумным.

— Но зачем ты тогда вообще целовал?..

— Потому что все они — мой народ. — Ройбен обвел рукой толпу фейри, занимавшую все пространство между тюрьмой и кладбищем. — Я хочу спасти их. Силариаль должна была поверить, что я в ее власти. Только тогда она приняла бы мои условия. Понимаю, что это выглядело не очень...

— Стой.

Кайя задрожала, словно ей по спине провели холодным пальцем.

— Я пришла сюда, чтобы сообщить тебе важные известия. Кое-что о поединке.

Ройбен поднял серебристую бровь.

— Что?

— Твоим противником Силариаль выберет Этайн.

Его сухой смех походил на рыдание.

— Откажись от поединка. Придумай вескую причину.

— А я все гадал, какого монстра против меня выставят, какую запретную магию применят. Я забыл, как умна королева.

— Тебе нельзя сражаться с Этайн!

Ройбен покачал головой.

— Ты не понимаешь. Ставки слишком высоки.

Кайя похолодела.

— Что ты задумал? — резко спросила она.

— Я собираюсь победить. А ты окажешь мне огромную услугу, если донесешь мои слова до Силариаль.

— Но ты не причинишь вреда Этайн?

— Тебе пора идти, Кайя.

Ройбен поднял руку и снял из-за спины ножны.

— Не прошу простить меня. Я этого не заслужил. Но знай, я всем сердцем люблю тебя.

— Тогда перестань так себя вести! Не надо утаивать от меня все это дерьмо, говорить, что это ради моего же блага, и все такое...

— По-моему, ты только что узнала от меня столько дерьма, что дальше некуда, — серьезно сказал Ройбен.

Кайя невольно рассмеялась, услышав ругательство из его уст. Ройбен слегка улыбнулся. На короткий миг он стал ей точно таким же родным и близким, как и раньше.

Ройбен протянул руку, словно желая дотронуться до ее лица, но вместо этого нежно и легко провел по волосам, едва коснувшись их. По коже Кайи пробежала дрожь.

— Если хочешь соврать по-настоящему, то скажи мне, что сегодня все кончится хорошо.

* * *

Ледяной ветер дунул легкой снежной пылью и взъерошил волосы Ройбена, когда тот вышел на площадку, отведенную для поединка. Фейри Зимнего и Летнего дворов в нетерпении толпились вокруг, перешептываясь и кутаясь в плащи из кожи и пушистых шкур.

Расталкивая толпу, Кайя пробралась на возвышение, где стояли придворные королевы Силариаль. Их одеяния развевались на ветру.

За спиной Ройбена шагали Дулькамара и Эллебер. Их жучиная броня сверкала, как лед, на фоне вымороженного кладбищенского пейзажа. Доспехи Ройбена были серыми, как пасмурное небо, нависшее над островом. Талатайн и другие рыцари Летнего двора оделись в зеленую кожу с круглыми медными накладками, что делало их немного похожими на гусениц.

Ройбен поклонился королеве так низко, что казалось, еще

немного — и он коснется губами снега. Силариаль ответила небрежным кивком.

Он откашлялся и громко произнес:

— Много лет длилось перемирие между Зимним и Летним дворами. Я сам тому доказательство и свидетель. Сейчас я желаю заключить его снова. Если рыцарь Летнего двора будет побежден, то война между нашими дворами прекратится. Госпожа Силариаль, согласна ли ты с этим условием?

— Да, если ты нанесешь моему рыцарю смертельный удар, — уточнила Силариаль. — Если мой рыцарь умрет на этом поле, то ты получишь свой мир.

— Нет ли у тебя еще каких-нибудь условий?

Силариаль улыбнулась.

— Я передам власть леди Этайн. Своими руками с радостью водружу корону на ее чело, расцелую ее и сяду на ступенях подле трона. Если ты выиграешь.

Со своего места Кайя видела лицо Ройбена, но не могла разглядеть его выражение.

— Если я паду на поле битвы, то ты будешь править Зимним двором вместо меня, госпожа Силариаль. Слова сказаны.

— Пришло время назвать имя моего рыцаря, — произнесла королева с легкой усмешкой. — Леди Этайн, подними за меня меч! Сегодня ты будешь защитником Летнего двора!

На кладбище воцарилось ужасное молчание. Этайн застыла как парализованная. Даже ветер затих.

— Как же ты меня ненавидишь, — едва слышно произнес Ройбен, но его слова услышали все фейри, собравшиеся поглазеть на поединок.

Силариаль завернулась в белоснежную мантию и удалилась с поля под навес из плюща. Ее слуги облачили Этайн в тонкие доспехи и дали ей в руки длинный меч.

— Идите, — отпустил Ройбен своих рыцарей.

Эллебер и Дулькамара неохотно покинули поле.

Кайя чувствовала напряжение, копившееся вокруг, видела неуверенность на лицах зимних фейри.

Руддлз стиснул зубастые челюсти и мрачно смотрел на Этайн блестящими черными глазками. Они поставили на Ройбена свои жизни, но не были уверены в его лояльности. Особенно сейчас.

Место поединка обошли карлики, раскидывая травы, чтобы обозначить границы поля. Ройбен вышел на середину площадки, поклонился и вытащил меч, изогнутый, как месяц, и блестящий, как вода.

— Ты же не собираешься пустить его в ход, — неуверенно сказала Этайн.

— Ты готова?

Ройбен вскинул меч, салютуя ей. В лезвии отразилась половина его лица. Вторая половина осталась в тени.

Этайн покачала головой.

«Нет».

Кайе было видно, что сестру Ройбена бьет дрожь. По ее бледным щекам катились слезы. Она уронила меч.

— Подними, — сказал ей Ройбен терпеливо, как ребенку.

Кайя встрепенулась и продолжила путь к шатру, увитому плющом, где восседала королева Летнего двора. Талатайн поднял лук, но не стал ее останавливать. Лязг столкнувшихся клинков заставил девушку оглянуться. Этайн пыталась устоять на ногах. Удар брата едва не повалил ее. Кайе стало дурно.

Силариаль восседала под сводом из плюща, любуясь на поединок и разглаживая ладонью подол белоснежной юбки. Ее медные волосы украшал тонкий золотой венец, усаженный темно-синими ягодами.

— Какой сюрприз, — протянула она. — Кайя! Ты удивлена?

— Он знал, с кем ему придется сражаться.

— Да?

Силариаль нахмурилась.

— Это я ему рассказала. — Кайя села рядом с ней на помост и

добавила: — После того, как выполнила то дурацкое Задание.

— Так ты теперь супруга короля Зимнего двора? — Силариаль взглянула на нее с жалостливой улыбкой. — Странно, что ты все еще его хочешь.

Кайя хотела возразить, но слова замерли у нее на губах.

— Что ж, теперь он твой. До самой его смерти.

— Неужели тебе кажется, что он все тот же мальчик, которого ты отослала к Зимнему двору? Угадай, что он сделал, когда я рассказала ему про Этайн? Он рассмеялся и сказал, что теперь точно выиграет.

— Нет, — живо ответила Силариаль. — Не поверю, что он стал бы играть с ней в кошки-мышки, прежде чем убить.

Кайя фыркнула.

— А что он, по-твоему, сейчас делает? И вообще, не так-то легко убить собственную сестру!

Силариаль покачала головой.

— Ройбен жаждет смерти точно так же, как хочет получить меня. Сложись все иначе, он, может, вел бы себя по-другому, но я не оставила ему выхода. Сейчас он раздражит Этайн и наговорит ей такого, что она разозлится, выйдет из себя и, возможно, сумеет нанести смертельный удар, к чему он и стремится. Я знаю его гораздо лучше, чем ты.

Кайя зажмурилась, потом заставила себя открыть глаза и смотреть на поединок. Слова Силариаль заставили ее сомневаться в своей правоте. Кайя в самом деле не знала, хватит ли Ройбену духа убить сестру. Она даже не могла сказать, как будет лучше. Оба варианта казались ей ужасными.

— Я не уверена в том, что ты права, — осторожно ответила она королеве. — Насчет самопожертвования ничего сказать не могу, но на службе у Никневин Ройбену приходилось убивать, причем часто.

Словно в ответ на ее слова, вокруг поднялся оглушительный крик. Этайн барахталась в снегу, пытаясь подняться. Ройбен держал острие меча у ее горла и улыбался ей так ласково, словно она просто поскользнулась и не могла подняться.

— Никневин заставляла его убивать, — быстро сказала королева.

— А сейчас ты его заставляешь, — со злобой в голосе ответила Кайя.

Над толпой разнесся громкий голос Ройбена:

— Этайн, поскольку по условиям поединка корона Летнего двора перейдет к тебе только после твоей смерти, скажи, кому ты ее завещаешь? Я исполню твою последнюю волю, как должно любящему брату.

Кайя испытала огромное облегчение. У него был план.

— Стой! — вскричала Силариаль, выскочила из шатра и устремилась на поле. — Это не входило в условия сделки!

Королева перешагнула кольцо травы, и оно вспыхнуло зеленым пламенем.

Фейри Зимнего двора орали и выли. Летние фейри хранили мертвое молчание.

Ройбен отступил на шаг и убрал меч от горла сестры. Этайн попыталась встать и опрокинулась навзничь.

— Никто не имеет права вмешиваться в поединок, — холодно сказал Ройбен. — Никто не может отказываться от сделки, потому что ему перестали нравиться условия.

Его слова заставили умолкнуть представителей Зимнего двора. Но общий гул приглушенных голосов на кладбище только усилился.

Этайн с трудом поднялась на ноги. Ройбен протянул ей руку, но она проигнорировала ее. В глазах Этайн пылала ненависть, но не к брату, а к королеве. Она подняла меч и сжала рукоять так сильно, что ее пальцы побелели.

— Я поклялась, что корона перейдет к Этайн после того, как ты убьешь моего рыцаря, — резко сказала Силариаль. — Я не клялась, что позволю ей выбрать преемника!

— Не тебе определять последнюю волю Этайн, — возразил Ройбен. — Только она на смертном одре имеет право назначить своего преемника. Вдруг сестра вернет корону тебе? Корона Зимнего двора добывается кровью, корона Летнего — передается по доброй воле.

— С какой стати я позволю одной из служанок выбирать наследника моего трона? Почему я должна выслушивать поучения от того, кто валялся у меня в ногах? Не пытайся уподобиться Никневин!

— Зато ты на нее чересчур похожа, — ответил Ройбен.

Тем временем рыцари из свиты Силариаль спустились на поле и окружили ее, отгородив собой от Ройбена.

— Позволь напомнить, что мои войска гораздо сильнее твоих, — сказала королева. — Я в любой миг могу выиграть войну. Одно это позволяет мне диктовать условия.

— Так тырываешь нашу сделку? — спросил Ройбен. — Ты останавливаешь поединок?

— Лучше так, чем отдать тебе корону, — выплюнула Силариаль.

— Эллебер! — закричал Ройбен.

Рыцарь Зимнего двора вытащил из-за обшлага маленькую деревянную флейту и поднес ее ко рту. Три чистые ноты прозвучали над притихшей толпой.

Со всех сторон острова возникло какое-то движение. На берег полезли водяные создания. Из заброшенных зданий, из-за деревьев, из могил выбирались на свет фейри. Великан с зеленой бородой, держащий в руках два медных топора. Худощавый тролль с косматыми черными волосами. Обитатели парков, улиц, огромных зданий — все они явились сегодня на Харт-Айленд.

Изгнанники.

Бормотание толпы превратилось в крик. Некоторые из собравшихся потянулись к оружию. Изгнанники, свободные фейри и жители Зимнего двора окружили летних рыцарей.

— Так ты планировал захват власти? — воскликнула Силариаль.

— Просто обзавелся союзниками.

У Ройбена был такой вид, будто он старался скрыть улыбку.

— Некоторые изгнанники... на самом деле даже очень многие, интересовались, приму ли я их в Зимний двор. Я предложил им свое покровительство за день и ночь службы. За нынешний день и нынешнюю ночь. Не только ты умеешь плести интриги, моя госпожа.

— Значит, ты все это разыгрывал. — Силариаль смотрела на Ройбена так, будто видела его в первый раз. — Но зачем? С какой целью? Смерть Этайн тяжким бременем легла бы на твое сердце, от ее крови ты не отмылся бы никогда!

— Ты знаешь, что говорится во время коронации при Зимнем дворе? — спросил Ройбен с загадочным видом, словно собираясь поведать ей великую тайну. — *«Да будет твое сердце из льда!»* С чего ты взяла, что меня беспокоят собственные чувства? С чего ты взяла, что я вообще что-нибудь чувствую? Откажись от короны и передай ее моей сестре.

— Нет, — сказала Силариаль. — Никогда!

— Тогда будет битва. Если Зимний двор победит, то я сорву корону с твоей головы и распоряжусь ею по своему усмотрению.

— Всякое случается во время войны, — и Силариаль кивнула в сторону, указывая на кого-то в толпе.

К месту поединка приближался Талатайн, толкая перед собой Кайю. Одной рукой он грубо зажимал ей рот.

— Одно движение, один приказ — и она станет первой жертвой, — предупредила Силариаль.

— Ах, Талатайн, как низко ты пал, — вздохнул Ройбен. — Я-то считал тебя рыцарем, а ты просто лесничий из тех, кто уводит девочек в лес, чтобы там вырезать у них сердце.

Талатайн крепче сжал Кайю, заставив ее вскрикнуть от боли. Она приказала себе успокоиться, внушала, что если не забьется в истерике, то непременно найдет выход. Но пока никаких идей на ум ей не приходило.

— Ну а теперь отдай мне корону, Ройбен, — велела Силариаль. — Отдай мне власть над Зимним двором, как следовало бы поступить уже давно. Такова будет дань преданности своей королеве.

— Ты не его королева, — воскликнула Этайн. — И не моя!

Силариаль повернулась к ней, и в тот же миг Этайн пронзила мечом ее грудь. Горячая кровь хлынула на снег, словно россыпь пылающих рубинов.

Силариаль покачнулась. На ее лице отразилось удивление, и она

упала.

Талатайн закричал, но было уже слишком поздно. Тогда он оттолкнул Кайю, и она упала на четвереньки рядом с телом королевы.

Талатайн, не обращая на нее внимания, выхватил позолоченный меч и бросился на Этайн. Она ожидала смерти, даже не пытаясь защититься. В последний миг Ройбен бросился перед ней и принял удар на себя.

Лезвие скользнуло по его спине, разрубило броню и оставило длинную красную полосу от плеча до бедра.

Ройбен рухнул на снег, подмяв под себя Этайн. Она пронзительно закричала.

Ройбен перекатился на бок и приподнялся. Но Талатайн уже забыл о нем. Он стоял на коленях рядом с Силариаль, держа в ладонях ее прекрасное лицо. Глаза королевы неподвижно смотрели в небо, губы уже остывали.

Ройбен медленно встал. Этайн лежала на снегу, содрогаясь от рыданий.

— Что ты наделала? — горестно воскликнул Талатайн.

Этайн принялась рвать на себе волосы и платье, пока Кайя не остановила ее.

— Он не заслужил, чтобы с ним так обращались, — прорыдала она и разразилась безумным хохотом.

Ее ногти глубоко впивались в кожу Кайи, но та не отнимала рук.

— Все кончено.

Кайя пыталась успокоить сестру короля, но ей и самой было страшно. Девушке казалось, что она разыгрывала пьесу на сцене, а орды Зимнего двора только и ждали знака, чтобы растерзать летних фейри.

— Давай, Этайн, вставай.

Ройбен срезал золотой обруч с волос Силариаль. С него посыпались синие ягоды.

— Это корона не твоя, — заявил Талатайн без особой убежденности.

Он оглянулся. Со всех сторон его окружали фейри Зимнего двора и изгнанники. Летние рыцари маячили за пределами круга, их лица были мрачны.

— Я просто передам корону сестре, — сказал Ройбен.

Этайн содрогнулась при виде обруча, за который все еще цеплялись обрезки медных волос.

— Сейчас, — сказал Ройбен, быстро обрывая волосы и протирая обруч рукавом.

Золото окрасилось кровью. Ройбен смутился. Кайя заметила, что его доспехи в крови, да и руки тоже красны, словно на них надели кровавые перчатки.

— Твои...

Кайя хотела сказать «твои руки!», но вдруг поняла, что это ведь не его кровь.

— Что ж, посади на трон свою марионетку, — сказал Талатайн. — Ты можешь сделать ее королевой, но такое правление не затянется надолго.

Этайн задрожала, ее лицо стало белым, как бумага.

— Моему брату понадобятся слуги.

— Ты приносил ей цветы, — напомнил Ройбен. — Не забыл?

Талатайн покачал головой.

— Это было очень давно, еще до того, как она убила мою королеву. Нет, Этайн не будет править долго. Я за этим прослежу.

— Что ж, — медленно произнес Ройбен. — Если ты не хочешь поклясться в верности Этайн, то, возможно, принесешь клятву мне.

Талатайн выхватил меч.

— Ты не сможешь убить каждого, кто преграждает тебе путь к короне Летнего двора!

— погоди, — сказал Ройбен и повернулся к сестре. — Если ты не хочешь править сама, то кому передашь корону?

— Ее слова не имеют значения, — возразил Талатайн, держа меч наготове.

— Нет, имеют! — крикнула Кайя. — Силариаль сама сделала Этайн своей наследницей. Нравится тебе или нет, но решать сейчас будет Этайн.

Руддлз вышел на середину поля, подмигнув по дороге Кайе.

Он откашлялся и объявил:

— В случае, если один двор захвачен рыцарями другого, правила наследования захваченного двора остаются неизменными.

— Мы следуем своим обычаям, — проворчала Дулькамара.

— Нет, — возразила Кайя. — Сейчас Этайн выберет, кому передать корону, или оставит ее себе.

— Кайя права, — согласился Ройбен, перебивая дворецкого. — Пусть решит сестра.

— Забирай ее себе, — глухим голосом сказала Этайн. — Забирай и будь проклят.

Пальцы Ройбена пробежали по знакам и символам на золотом обруче.

Когда он заговорил, его голос прозвучал отстранение:

— Кажется, я все-таки возвращаюсь домой.

Талатайн шагнул к Этайн. Кайя напряглась, хотя и не представляла, что сможет сделать, если он в самом деле нападет на нее.

— Как ты можешь передать нас во власть этого чудовища?! Он хотел заплатить за мир твоей смертью!

— Ройбен не собирался ее убивать, — заметила Кайя.

— Все мы превратились сегодня в чудовищ, — не глядя на рыцаря, сказала Этайн.

— Если платой за мир будет всего лишь твоя ненависть, то я согласен, — сказал ей Ройбен.

Талатайн сплюнул.

— Я никогда не признаю тебя королем Летнего двора!

Ройбен невозмутимо возложил себе на голову венец. Кровь запятнала его серебристые волосы.

— Признаешь ты или нет, но дело сделано, — сказал Руддлз.

— Давай закончим поединок, — не мог успокоиться Талатайн. — Я займу место твоей сестры.

— Трус, — вмешалась Кайя. — Он же ранен!

— К тому же твоя госпожа разорвала сделку, — добавила Дулькамара. — Повелитель, можно, я убью этого рыцаря в твою честь?

— Сразись со мной, Ройбен! — настаивал Талатайн.

Ройбен кивнул, нагнулся и поднял из снега меч. Клинок заиндевел от холода.

— Что ж, пусть они получают поединок, ради которого собрались.

И они начали кружить друг против друга, раскачиваясь, словно две змеи. Их клинки почти соприкасались. Внезапно Талатайн сделал выпад, но Ройбен с силой парировал его. Талатайн отступил на шаг, потом снова нанес удар и отскочил, будто надеясь вымотать противника осторожными атаками. Капля крови поползла по запястью Ройбена, оставляя за собой багровую дорожку.

— Ты опять ранен, — сообщил Талатайн. — Сколько ты еще продержишься?

— Достаточно, — ответил Ройбен.

Кайя смотрела на его окровавленную спину, замедленные движения и отнюдь не была в этом уверена. Ей казалось, что Ройбен сражается со своим зеркальным отражением. Словно он пытался уничтожить того, в кого превратился, став королем.

— Силариаль была права? — спросил Талатайн. — Она сказала, что ты ищешь смерти.

— Иди сюда и проверь. — Ройбен взмахнул мечом так стремительно, что воздух загудел.

Клинки с лязгом столкнулись. Талатайн парировал удар, атаковал в ответ и ударил противника в левый бок.

Ройбен изогнулся, перехватил рукоять его меча и рванул на себя. Талатайн потерял равновесие и упал на снег.

Ройбен встал над ним и прижал конец лезвия к его горлу.

— Иди и забери корону, если она тебе еще нужна! Встань и сними ее с меня!

Кайя не могла разобрать, вызов это, насмешка или искренняя мольба.

Талатайн не шевелился.

Фейри, покрытый бурой чешуей и оттого похожий на сосновую шишку, нагнулся и вынул золоченый меч из руки Талатайна. Другой плюнул в снег рядом с ним.

— Ты не справишься с двумя дворами, — произнес Талатайн, пытаясь встать на колени.

Ройбен покачнулся. Кайя подхватила его под руку. Он оперся на нее всем весом, и она чуть не упала.

— Мы разберемся с Летним двором так же, как твоя хозяйка — с нашим, — проворчала Дулькамара.

Она опустила на корточки рядом с Талатайном и прижала сияющее лезвие ножа к его щеке.

— Ты пришпилен, как муха, и брошен в грязь. Теперь расскажи своему новому повелителю, какого славного щенка приобрела его мудрость. Скажи, что будешь лаять по его приказу!

Этайн застыла, будто окаменев, и закрыла глаза.

— Я не стану служить Зимнему двору, — твердо ответил Талатайн. — Я никогда не стану таким, как ты.

— Я тебе даже завидую, — ответил Ройбен.

— Сейчас он у меня загавкает, — пообещала Дулькамара.

— Нет. Отпусти его. Пусть уходит.

Дулькамара с удивлением подняла голову. Талатайн мигом вскочил на ноги и ушел, расталкивая толпу.

— Узрите нашего несомненного повелителя Ройбена, короля Летнего и Зимнего дворов! Явите ему свою преданность! — завопил Руддлз.

Ройбен покачнулся, и Кайя подхватила его, хотя рука короля была скользкой от крови. Он кое-как устоял на ногах.

— Я буду лучшим королем, чем она, — услышала Кайя его

ГОЛОС.

Глава четырнадцатая

В некоей отдаленной земле морозы так сильны, что слова замерзают в воздухе, а когда оттаивают, то звучат. Так слова, сказанные зимой, бывают не слышны до лета.

Плутарх. Моралии.

Когда Кайя и Корни вошли в маленькую квартирку, Кейт валялась посреди комнаты на матрасе и разрисовывала модный журнал. Она уже покрасила глаза Анджелине Джоли и теперь пририсовывала маленькие крылышки нетопыря к плечам Пэрис Хилтон.

— Умная девочка, — одобрительно сказал Корни. — Похожа на тебя в детстве.

— Мы купили лапшу и запеченные яблоки. — Кайя расстегнула сумку. — Держи коробку, из нее течет.

Кейт вскочила на ноги и откинула с лица прядь русых волос.

— Не хочу!

— Ладно. — Кайя поставила картонные коробки на столешницу. — А что ты хочешь?

— Когда придет Эллен?

Кайя взглянула в глаза девочке и увидела, что они покраснели, будто Кейт недавно плакала.

— Репетиция скоро закончится, и она придет.

Когда Кайя увидела Кейт в первый раз, та спряталась от нее под стол. Кайя не была уверена в том, что сейчас что-то изменилось к лучшему.

— Она сказала, что придет не поздно, так что нечего тут раскисать.

— Мы не кусаемся, — подбодрил ее Корни.

Кейт подобрала с пола журнал, забралась на кровать Эллен и

забилась в самый дальний угол. Там она принялась отрывать кусочки страниц и катать их между пальцами.

Кайя тяжело вздохнула. В квартире пахло сигаретами и человеческой девочкой. Запах был знакомым, но странным.

Кейт нахмурилась и со свирепым видом бросила в Корни скомканную бумажку. Он увернулся.

Кайя открыла холодильник и достала слегка пожухлый апельсин. Еще там лежал кусок сыра чеддер, заплесневевший с краю. Девушка отрезала зеленую плесень и положила кусок на хлеб.

— Сделаю тебе горячий бутерброд, — сказала она девочке. — А ты пока съешь апельсин.

— Не буду, — заявила Кейт.

— Тогда дай ей просто хлеб и воду, как и положено маленькому бандиту в тюрьме, — предложил Корни и бессильно упал на кровать Эллен. — Блин, ненавижу сидеть с детьми.

Кейт подобрала апельсин и швырнула его в стену. Он упал с глухим шлепком, как кожаный мяч, и укатился под кровать.

Кайя понятия не имела, что с ней делать. Ее мучило чувство вины. У девочки были все причины ненавидеть ее.

Корни включил маленький телевизор. Почти все каналы ловились с помехами, но наконец он нашел нормальную картинку. На экране Баффи гонялась за вампирами.

— О, то, что надо, — сказал Корни. — Смотри, Кейт, и научишься всему, что нужно знать нормальному американскому тинейджеру.

Он покосился на Кайю и добавил:

— Там даже есть внезапное появление незнакомой сестры.

— Она мне не сестра, — возразила девочка. — Она просто украла мое имя.

Кайя застыла, словно ее ударили кулаком под дых.

— Но у меня нет своего имени, — сказала она тихо. — Только твое.

Кейт кивнула, не сводя глаз с экрана.

— Расскажи нам, что такое страна фейри! — потребовал Корни.

Кейт потянулась к журналу, оторвала кусок страницы и смяла его в кулаке.

— Там была прекрасная госпожа. Она заплетала мне косы, кормила яблоками и пела. Еще там были человек-козел и черничный мальчик. Иногда они со мной играли. А иногда забывали про меня, — хмуро добавила Кейт.

— Ты по ним скучаешь? — спросил Корни.

— Не знаю. Я очень много спала, иногда просыпалась и видела, что листья поменяли цвет.

У Кайи мороз пробежал по коже. Она не знала, привыкнет ли когда-нибудь к обыденной жестокости фейри, но надеялась, что нет. В мире людей Кейт, по крайней мере, могла просыпаться каждое утро.

Кайя потерела рукав свитера, продевая пальцы сквозь петли.

— Хочешь, ты будешь Кайя, а я — Кейт?

— Дура! Ты и на фейри-то не похожа.

— Есть предложение, — сказала Кайя. — Я научу тебя, как бы человеком, а ты меня — как быть фейри.

Эти слова прозвучали на редкость нелепо. Но Кейт вроде бы задумалась над ними, хотя все еще хмурилась.

— Я помогу, — сказал Корни. — Начнем с изучения человеческих ругательств. Возможно, взамен на ругательства фейри, да?

Он вытащил из рюкзака колоду карт с разными мультяшными роботами на рубашке.

— Или поучимся играть в покер?

— Нельзя заключать сделки со смертными, — с самодовольным видом сказала Кейт, словно цитируя какой-то свод правил. — Клятвы смертных не стоят и крысиного хвоста. Вот вам первый урок.

— Так и запишем, — кивнула Кайя. — А мы поучим тебя радостям человеческой еды, хочешь?

— Нет. — Кейт помотала головой. — Хочу играть в карты.

К тому времени, когда вернулась Эллен, Корни выиграл у них обеих всю мелочь, какая только нашлась в карманах и под кроватью. По телевизору шел «Закон и порядок». Кейт милостиво согласилась съесть один «гадательный» пирожок. В нем оказалось такое предсказание: *«Кое-кто пригласит тебя на вечеринку с караоке»*.

— Эй, там на углу какие-то парни продают пиратские диски с фильмами по два бакса штука, — сказала Эллен.

Она вошла в квартиру, кинула пальто на стул, а все остальное — на пол.

— Я прикупила парочку для вас, детки.

— Наверняка там будет торчать чей-нибудь затылок во весь экран, — предположил Корни.

Эллен взяла со столешницы нераспечатанную пачку лапши.

— Что, даже не попробовали?

— Кейт отказалась это есть, — сообщила Кайя.

— Малоежка! Это еще слабо сказано, — понизив голос, заявила Эллен. — Добро бы ей не нравились какие-то конкретные вещи вроде соусов. Нет, она вообще ничего не хочет! Не то что ты в детстве. Ты сметала любую пищу, словно у тебя в кишках сидел ленточный глист.

Кайя отвернулась, сделав вид, что очень занята уборкой объедков со стола. Неужели теперь каждое детское воспоминание будет жалить ее, как терновый шип, как еще одно свидетельство чужеродности?

— Все в порядке? — встревожилась Эллен.

— Просто я еще не привыкла с кем-то тебя делить, — тихо ответила Кайя.

Эллен погладила ее по зеленым волосам.

— Ты всегда будешь моей маленькой деткой, милая.

Она посмотрела в глаза Кайи долгим взглядом, потом отвернулась и прикурила сигарету от газовой плиты.

— Но твоя работа беби-ситтера только начинается.

Луис категорически не захотел расплачиваться за похороны брата заколдованными листьями и получил то, на что смог наскрести денег сам, — урну с прахом в руки и полную свободу делать с ней все, что угодно. Корни подвез Луиса до крематория, где работник выдал ему урну, напоминавшую жестяную банку для специй.

Небо было затянуто тучами, но снег уже начинал таять и превращаться в грязь. После поединка Луис провел немало времени в Нью-Йорке, разбираясь с бумагами и доказывая, что Дэйв в самом деле являлся его братом.

— Что ты собираешься делать с прахом? — спросил Корни, садясь в машину.

— Наверное, развею его, — ответил Луис, откидываясь на спинку сиденья.

Кто-то заново переплел его бреды, и теперь они блестели, как черный шелк, когда он поворачивал голову.

— Но эта урна сбивает меня с толку. Никак не могу отделаться от мысли, что прах — что-то вроде сухого молока. Ты разбавляешь его водой и получаешь целого и невредимого брата.

Корни положил руки на руль.

— Так сохрани его. Поставь урну в специальную нишу.

Луис улыбнулся.

— Нет. Я собираюсь отвезти ее на Харт-Айленд. Брат любил шариться по разным загадочным местам. Ему понравился бы этот заброшенный остров. Он будет покоиться рядом с родителями.

— Хорошая идея. По-моему, лучше, чем торжественные похороны с кучей родственников, которым нечего сказать.

— Я поеду туда на Новый год. Это будет как бы символ пробуждения.

Корни кивнул, собрался было повернуть ключ в замке зажигания, но Луис остановил его руку. Корни повернулся, и их губы встретились.

— Прости. Я был в таком отчаянии, — бормотал Луис между

поцелуями. — Это ужасно! Что я говорю?..

Корни пробормотал нечто утвердительное. Пальцы Луиса впились в его бедра. Парни рванулись навстречу друг другу.

* * *

Три дня спустя они привезли русалкам еще один пакет мяса, сели в лодку и снова отправились на Харт-Айленд. Корни где-то откопал винтажный голубой смокинг и надел его вместе с джинсами. Луис, как всегда, был в мешковатой куртке с капюшоном и тяжелых ботинках. Кайя одолжила у бабушки черное платье и заколола зеленые волосы костяными резными шпильками в виде бабочек. Русалки выпросили три такие шпильки в придачу к мясу.

Корни оглянулся. Небо над городом было светлым как днем. Даже над Харт-Айлендом нельзя было разглядеть звезды.

— Как вы думаете, береговая охрана до нас доберется? — спросил Корни.

— Ройбен сказал, что нет, — ответил Луис.

— Когда ты с ним разговаривал? — спросил Корни.

Луис пожал плечами, тронул шрам на губе.

— Он приходил со мной повидаться. Сказал, что официально берет меня под свое покровительство. В его землях я могу ходить куда захочу и смотреть на что угодно. Никто не посмеет прикоснуться к моим глазам. Знаешь, я испытываю куда большее облегчение, чем ожидал.

Кайя опустила взгляд и принялась рассматривать свои руки.

— Не знаю, что сказать ему сегодня.

— Ты супруга короля, верно? — спросила Люти-лу. — Не хочешь покоролевствовать? Или дай ему Задание. Пусть теперь он помучается. Прикажи ему выстроить для тебя дворец из бумаги.

Кайя усмехнулась уголком рта.

— Дворец для королевы — из бумаги? — возмутился Корни. — По меньшей мере из игральные карты!

Он толкнул Кайю в бок и спросил:

— Кстати, как ты ухитрилась выполнить Задание?

Кайя повернулась к нему, но в этот миг с берега донеслись приветственные крики. Девушка с короткими рыжими волосами вытаскивала из воды каноэ. Рядом с ней возился золотоглазый тролль. Он доставал розовое шампанское и распаковывал пластиковые стаканы. Еще одна человеческая девушка в пестром коротком пальто кружилась в танце на песке. Она остановилась и помахала им рукой.

Даже Ройбен уже прибыл. Он стоял, прислонившись к дереву, его длинный шерстяной плащ блестел от влаги.

Кайя выпрыгнула из лодки и зашлепала по мелководью, таща ее за собой на веревке.

Она держала лодку, пока Корни и Луис не вылезли на берег.

— Это Равус, — сказал Луис, кивая на тролля. — А это Вэл и Рут.

— Привет! — воскликнула девушка с короткой стрижкой.

Луис сжал руку Корни.

— Сейчас вернусь.

Он подошел к знакомым как раз в тот момент, когда из бутылки шампанского выскочила пробка и ударил фонтан пены. Девушки расхохотались. Корни хотел последовать за Луисом, но постеснялся.

Кайя заправила за ухо прядь волос и посмотрела на волны.

— Отсюда весь город как на ладони. Жалко, что не видно заката.

— Напоминает какое-нибудь фэнтези, — сказал Корни. — Заколдованный остров, где живу только я и мой верный друг-эльф.

— Это я — твой верный друг-эльф? — прыснула Кайя.

— Ну, может, и не верный, — ухмыльнулся Корни. — Ладно, хватит глупостей. Какая-то часть меня по-прежнему тянется к фейри. Видимо, она меня когда-нибудь и погубит. Как Дэйва. Как Дженет.

— Ты все еще жалеешь о том, что родился человеком?

Корни нахмурился и глянул на Луиса, болтающего с друзьями.

— Я думал, это были тайные желания!

— Так ты же сам мне его показал.

— Ну и что? — Корни вздохнул. — Не знаю. Сейчас мне очень даже нравится быть человеком. Но это сейчас. А каково тебе быть фейри?

— Я как раз осознала, что фейри не надо делать целую кучу вещей, — сказала Кайя. — Зарабатывать деньги, к примеру. Если мне нужны деньги, то я превращаю в них листья. Не надо поступать в колледж. Какой в этом смысл? Работать-то нет нужды!

— А само по себе образование тебя не интересует?

— Что, задумался о будущем? Помнишь ваш разговор с Луисом в машине?

— Угу. — Корни помнил, как Луис надеялся отправить брата учиться.

— А я подумываю о том, чтобы открыть кофейню. Точнее, в одной половине будет кафе, а во второй — библиотека, где можно будет получать реальные сведения о фейри. Там же стоит устроить кабинет, где Луис будет снимать с людей проклятия. Ты мог бы стать нашим сисадмином. Заниматься Интернетом, и все такое.

— Гм...

Воображение Корни нарисовало зеленые стены, темное дерево и медные автоматы для приготовления капучино, тихонько шипящие на заднем плане.

— Думаешь, это сумасшедший план? Луис на такое никогда не согласится, а я слишком безответственна?

Корни ухмыльнулся во весь рот.

— Я думаю, план гениален. Но что скажет Ройбен? Ты вообще собираешься стать королевой под холмом или как?

Корни увидел, как тролль положил на плечо Луиса свою здоровенную лапищу и того это ничуть не смутило. Рут — девушка с темными волосами — сказала что-то Вэл, и та рассмеялась. Ройбен вышел из-под деревьев и направился к ним. Люти сорвалась с плеча Кайи и взвилась в воздух.

— А я-то думала, что Луис ненавидит фейри, — сказала Кайя.

Корни пожал плечами.

— Ты же знаешь нас, смертных. У нас семь пятниц на неделе.

* * *

Похороны были очень простыми. Все встали полукругом, и Луис открыл металлическую крышку урны. Они выкопали неглубокую ямку на краю ряда пронумерованных могил, разлили шампанское по стаканам.

— Если вы знали моего брата, то, наверное, уже составили о нем какое-то мнение, — начал Луис. — Я думаю, что оно было верным, но не единственным. Я буду помнить Дэвида — мальчика, который находил жилье для нас обоих, когда я не знал, куда податься на ночь, и брата, которого любил.

Луис перевернул жестяную урну. Ветер подхватил прах и разметал часть по полю. Остальное высыпалось в ямку. Корни подумал, что прах серый, как старые газеты.

— С Новым годом, братишка, — сказал Луис. — Хотел бы я, чтобы ты выпил сегодня с нами.

* * *

Ройбен стоял у воды, отхлебывая шампанское прямо из бутылки. Его волосы цвета соли в беспорядке падали на плечи и лицо. Кайя подкралась, вытащила из кармана пластмассовую пищалку, дунула, и наружу с резким звуком выскочил длинный бумажный язык.

Ройбен улыбнулся. Кайя застонала.

— Знаешь, ты просто жуткий бойфренд.

Он кивнул.

— Когда пресытишься балладами, понятия о романтике становятся несколько странными.

— Все равно все эти баллады ерунда, — сказала Кайя, отобрала у него бутылку и отпила из горлышка. — Баллады, песни, эпические поэмы, в которых люди по правильным причинам совершают

неправильные поступки.

— Ты выполнила Невозможное Задание и спасла меня от королевы Летнего двора, — тихо сказал он. — Совсем как в балладе, правда?

— Я просто хочу, чтобы ты перестал оберегать меня, — сказала Кайя. — Не надо скрывать от меня разные неприятные вещи, щадить мои чувства, жертвовать собой ради меня, и все такое. Просто рассказывай мне правду, ладно?

Ройбен выхватил у нее шампанское. Вино брызнуло на снег и покрыло его розовыми пятнами.

— Я пытался задушить в себе все чувства, а ты их пробудила.

Дыхание Кайи облачком вырывалось изо рта.

— Поэтому я — твоя слабость?

— Да.

Ройбен оглянулся на черный океан, потом снова посмотрел на нее.

— Когда оживают чувства, становится больно. Но я рад тому, что чувствую боль.

Кайя шагнула ближе к нему. Свечение города озаряло его лицо, острые уши четко выделялись среди светлых волос. Он выглядел одновременно чужим и непривычно близким.

— Я знаю, что вел себя неправильно, — заговорил Ройбен. — Все эти истории, когда влюбляешься в существо...

— Ну вот, сначала я была вещью, теперь стала существом!

Ройбен рассмеялся.

— В историях обычно упоминается именно существо. Какой-нибудь заколдованный зверь. Змея, которая по ночам превращается в женщину. Или медведь, которого можно расколдовать, только сняв с него шкуру.

— Как насчет лисицы? — спросила Кайя, вспомнив историю Силариаль о терновых зарослях.

Ройбен нахмурился.

— Как хочешь. Ты достаточно хитра.

— Тогда пусть будет лисица.

— Так вот, в этих историях герой должен сделать с этим созданием что-нибудь невозможно ужасное. Например, вырезать сердце. Это проверка. Тест не на любовь, а на доверие, которое и снимает чары.

— Что должен был сделать ты? Отрубить мне голову? — поинтересовалась Кайя.

— Я должен был принять твоё Заявление, как бы к нему ни относился. Но я любил тебя слишком сильно, поэтому не доверился и отверг его.

— Хорошо, что я все-таки не лисица, — сказал Кайя. — Или змея, или медведь. Хорошо, что мне хватило смекалки решить твоё глупое Задание.

Ройбен вздохнул.

— Я хотел спасти тебя, но сколько раз ты приходила ко мне на помощь! Если бы ты не предупредила меня насчет Этайн, то я мог бы сделать именно то, чего добивалась Силариаль.

Кайя опустила взгляд. Её щеки зарумянились от удовольствия. Она сунула руки в карманы пальто и с удивлением нащупала какой-то металлический обруч.

— Я сделала для тебя кое-что.

Девушка достала браслет, косичку зеленых волос, оправленную в серебряную проволоку.

— Твои волосы? — спросил Ройбен.

— Это дар леди своему рыцарю, — объяснила она. — Чтобы ты носил его, когда мы в разлуке. Я уже давно собиралась отдать его тебе, но ни разу не подвернулся подходящий случай.

Ройбен осторожно взял браслет и изумленно посмотрел на Кайю.

— Ты сама сделала его? Для меня?

Она кивнула. Ройбен протянул руку, чтобы она могла застегнуть на ней браслет. Его кожа была горячей.

В воде отразились огни фейерверка. Пылающие шары взрывались в небе и рассыпались золотым дождем. Кайя смотрела на

Ройбена, а тот — на свое запястье.

— Ты велела носить его, когда мы будем в разлуке. Ты ведь не собираешься бросить меня? — спросил он, поднимая взгляд.

Кайя подумала о фейри с древними глазами, с которым она разговаривала в ночном лесу на острове Силариаль.

«Говорят, безымянные вещи постоянно меняются. Имена, как булавки, припиливают сущности к мирозданию. Безымянные сущности не вполне реальны. Как ты».

Кайя не хотела быть припиленной. Она не собиралась всю жизнь притворяться смертной, но и покидать мир людей у нее не было никакого желания. Она не хотела принадлежать к какому-то месту, но не хотела и выбирать.

— Как ты собираешься править обоими дворами? — ответила она вопросом на вопрос.

Ройбен покачал головой.

— Попробую балансировать, стоять в двух лодках одновременно. Буду хранить мир между дворами, пока хватит сил. Если война и начнется, то не из-за меня и не при мне.

— А я хочу открыть кофейню, — быстро сказала Кайя. — У Железнобоких. Помогать людям решать проблемы с фейри, как это делает Луис. Может, я даже смогу помогать фейри решать проблемы, возникающие между ними.

— Ты знаешь, что я предложил изгнанникам сделку, исходя из того, что ни один нормальный фейри не хочет жить в городе?

Ройбен вздохнул и опустил голову, словно признавая, что спорить с Кайей бессмысленно.

— Как ты назовешь кофейню?

— «Луна в чашке», — ответила она. — Хотя еще не уверена в этом. Я как раз думаю, не съехать ли мне от бабушки, чтобы половину времени работать в кофейне, а вторую проводить с тобой. Если, конечно, ты не возражаешь.

Ройбен улыбнулся. Это была настоящая, светлая улыбка, без всякой скрытой печали.

— Как Персефона?

— Что?

Кайя шагнула к Ройбену, приникла к нему и обхватила руками. Его дыхание стало неровным. Он протянул руку и погладил Кайю по спине, в том месте, откуда росли крылья.

— Это древнегреческий миф. Гадес, царь подземного мира, полюбил девушку, Персефону, дочь Деметры, богини плодородия и смены времен года. Гадес похитил Персефону, отнес в свой подземный дворец и стал искушать волшебным гранатом, чьи зернышки сияли, как рубины. Персефона знала, что ей нельзя ни пить, ни есть в подземном мире, иначе она останется там навсегда. Но искушение оказалось слишком велико. Она съела шесть зернышек и после этого была обречена проводить под землей шесть месяцев в году. По одному за каждое зернышко.

— Как и ты обречен половину времени отдавать Зимнему двору, а половину — Летнему? — лукаво спросила Кайя.

Ройбен рассмеялся.

— Похоже на то!

Кайя взглянула на дальний берег. Над зданиями, похожими на обломанные зубы, все так же взмывали в небо огни новогодних фейерверков, а на берегу Корни и прочие дули в пищалки и пили дешевое шампанское из пластиковых стаканов.

Кайя вывернулась из объятий Ройбена и закружилась на песчаном пляже. От воды тянуло холодом. Кайя засмеялась и закружилась еще быстрее, ловя ртом студеной воздух и вдыхая слабый запах дыма от фейерверков. Галька хрустела под ее подошвами.

— Ты мне так и не рассказала, — услышала она голос Ройбена.

Кайя вскинула руки над головой и резко остановилась.

— Не рассказала что?

Он ухмыльнулся.

— Как тебе удалось выполнить Задание. Как ты ухитрилась сказать, что способна лгать?

— О, проще простого!

Кайя упала на спину и растянулась на заснеженном пляже, глядя

на Ройбена снизу вверх.

— Смотри, — сказала она голосом, полным озорства, и указала на себя длинным пальцем. — Я говорю, что способна лгать. Видишь, как просто?

Бестиарий

Блуждающий огонек — у этого фейри несколько довольно забавных прозвищ — Уилл Струйка Дыма, Джил Паленый Хвост, Хобби Фонарик, Кийт-со-Свечой, Джеки Огонек. В Каледонии его называют Ловким Парнем и Веселым Плясуном. Многие полагают, что бродячий огонек — это скитающаяся по свету человеческая душа, которая никак не может успокоиться. По преданиям, такими огоньками становятся люди, погибшие от руки убийцы. Бродячий огонек нередко появляется ночью перед усталыми странниками и уводит несчастных с дороги в болото или глухую чащу леса.

Боггарты — в английском фольклоре проказливые фейри. Как правило, они довольно дружелюбно относятся к тем людям, в доме которых живут, однако способны на злые проделки. Косматые, с длинными желтыми зубами, не слишком далекие, боггарты не пользуются популярностью даже среди фейри. Их любимая проделка такова: прокрасться ночью в спальню, провести холодной мокрой лапой по лицу человека и сдернуть на пол одеяло.

Брауни — фейри, похожие на домовых. Но живут они не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-нибудь поблизости от человеческого жилья. Это крошечные уродливые существа бурого цвета. Отсюда и название. Днем они не появляются, а по ночам люди иногда видят, как брауни бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Если брауни не обижать, то они не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь. Чтобы брауни помог, его надо позвать на ужин. Для этого за порог выставляют чашку молока, самого густого, жирного.

Бука — маленькое злобное существо, которое живет в шкафу детской комнаты или под кроватью. Его видят только дети. Они же от него и страдают. Бука очень любит по ночам нападать на них, хватать за ноги и тащить под кровать или в шкаф, где устроено его логово. Он боится света, от которого может погибнуть, и веры взрослых людей.

Никсы — фейри, которые стерегут водные пути, то есть реки и ручьи, ведущие в волшебную страну, пропуская тех, кого следует, а кого не следует — отгоняя. Они обольщают молодых девушек,

которых завлекают рассказами о несметных сокровищах, хранящихся в их подводных жилищах. В некоторых сказках говорится, что никсы высасывают из людей души. Нрав у них переменчивый. Они то выплывают на поверхность и поют, то поднимают бури и требуют мести тем, кто их оскорбил. Чтобы защититься от никсов, следует всегда носить при себе что-нибудь железное, к примеру, нож. Людям они являются как прекрасные юноши с кудрявыми золотистыми волосами. Никсов можно узнать по мокрым пятнам на одежде и по зеленым зубам. Они обладают способностью к оборотничеству, могут превращаться в лошадей и быков.

Пикси — вид фейри. Их рост может быть каким угодно, от пяди до нормального человеческого. У типичного пикси рыжие волосы и курносый нос. Он ходит в зеленой куртке, а на голове носит громадный островерхий колпак, который закрывает прищуренные глаза, боящиеся солнечного света. Их любимая забава — сбивать с дороги путников. Кроме того, пикси крадут лошадей и до изнеможения гоняют их ночами по полям. После этого на полях остаются круги, похожие на ведьмины кольца. Если человек ступит в такой круг, то попадет в волшебную страну и останется в ней до конца своих дней. Самый надежный способ прогнать пикси — это вывернуть наизнанку куртку или показать железный крест. Впрочем, пикси довольно дружелюбны. Они ухаживают за заброшенными могилами, оставляют на них цветы, помогают по дому. По некоторым источникам, пикси — духи детей, умерших до крещения; по другим — духи язычников, отошедших в мир иной до пришествия Христа, а потому не попавших ни в рай, ни в ад.

Пук (Пак) — самый известный из хобгоблинов. Как и все прочие хобгоблины, паки обладают способностью к оборотничеству. Кроме того, они охотно помогают людям, выполняя ту же работу что и брауни. Их нередко отождествляют с бесами. Любимая забава паков — сбивать с дороги путников. Как и брауни, пака можно прогнать, предложив ему в дар новую одежду.

Спрайты — (англ. *sprite* — фея, эльф) — миниатюрные фейри. Почти все они имеют маленькие полупрозрачные крылья. Обычные спрайты очень похожи на эльфов, живут в лугах и лесистых долинах рек.

Спригганы — уродливые фейри, из которых правители волшебной страны чаще всего набирают себе телохранителей. Их

можно встретить на развалинах древних крепостей и замков, где они стерегут сокровища. Они крадут человеческих детей, вместо которых оставляют подмёнышей, насылают ненастье и устраивают другие пакости. По некоторым источникам, спригганы — потомки древних великанов, а потому могут, если захотят, вырастать чуть ли не до небес. Они не столько зловредны, сколько склонны поозорничать, хотя иногда такое озорство кажется худшей из напастей.

Хобы (хобгоблины) — добродушные фейри, похожие своими повадками на брауни, но обитающие в домах. Они очень обидчивы, и если уж обижаются, то хозяевам достаётся по первое число. Молоко скисает, одежда рвется словно сама собой, чисто выметенный пол тут же вновь оказывается грязным. Ростом они около двух футов, у них смуглая кожа. Эти существа ходят либо нагишом, либо в темных одеждах. Несмотря на их добродушие и готовность помочь людям, хобгоблинов нередко путали, а то и намеренно отождествляли с бесами.

Шелки — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора, морской народ, люди-тюлени. В Ирландии их называют *роанами*. Внешне они похожи на человекоподобных тюленей с карими глазами. Шелки могут выходить из воды раз в девять ночей. Они сбрасывают с себя тюленью шкуру и принимают человеческое обличье. Если парень найдет такую шкуру, то может принудить к супружеству любую девушку. Дети от таких браков рождаются с перепонками между пальцев ног и обладают целительными способностями. Шелки являются вполне миролюбивыми и добрыми существами, но могут отомстить за обиды, вызывая шторм или преворачивая рыбацкие лодки.

Примечания

1

Перевод А. Мазина.

Маллет — тип прически. Волосы подстрижены коротко спереди и по бокам, сзади они остаются длинными. В США отношение к маллету неоднозначное. Носить его считается жлобством. Традиционно так стригутся категории граждан, называемые *rednecks* («красношее», деревенщина) и *whitetrash* (белое отребье). (Здесь и далее — прим. перев.)

Перевод А. Мазина.

Перевод Ю. Лукача.

Перевод О. Комкова.

Брэды — прическа в виде косичек, плотно прилегающих к голове.

Перевод И. Анненского.

Перевод Эллиса (Л. Кобылинского).

Перевод А. Мазина.

Перевод А. Мазина.

Перевод В. Брюсова.